

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

KUDRUN

КУДРУНА

Издание подготовила
Р. В. ФРЕНКЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1984

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*Н. И. Балашов, Г. П. Бердников, Д. Д. Благой,
И. С. Брагинский, А. С. Бушмин, М. Л. Гаспаров,
А. Л. Гришунин, Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова,
Б. Ф. Егоров (заместитель председателя),
Д. С. Лихачев (председатель), А. Д. Михайлов,
Д. В. Ознобишин (ученый секретарь),
Д. А. Ольдерогге, Б. И. Пуришев,
А. М. Самсонов (заместитель председателя),
Г. В. Степанов, С. О. Шмидт*

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ
Б. И. ПУРИШЕВ, А. Д. МИХАЙЛОВ

Это книга о Кудруне

I авентюра

- ¹ Там, где лежит у моря ирландская земля,
Жил Зигебанд отважный, сын Гере-короля,
Владетельная Уга, как звали мать героя,
Была под стать супругу умом, добротой и красою.
- ² Подвластны были Гере, как то известно всем,
Князей поместных лены — число их было семь,
Там тысячи отважных пошли б в огонь и в воду
За честь его и земли, служа королевскому роду.
- ³ Стал молодой наследник являться ко двору,
Он ратную науку усвоил, как игру,
Метал копьё с наскока, умел щитом прикрыться,
При встрече с супостатом все это могло
пригодиться.
- ⁴ Став скоро юным мужем, он мог носить доспех,
И рыцарским оружием владел он лучше всех,
Внушая восхищенье и молодым и старым.
На праздные забавы не тратил он времени даром.
- ⁵ Негаданно скончался король, его отец.
Ведь даже самых знатных, к несчастью, ждет
конец,
Об этом их надгробья напоминают немо,
И к неизбежной смерти должны приготовиться
все мы.

⁶ Пришлось достойной Уте во вдове кресло сесть,
И править ей по сути сын предоставил честь,
Он сам еще нимало не думал в брак вступать.
И это огорчало его благородную мать.

⁷ Учила сына Ута: «При молодой жене
Счастливей будет житься тебе и всей стране,
Смягчится наше горе, и дни печали минут,
Блаженство и веселье с любимой тебя не
покинут».

⁸ Уже без недовольства наследник слушал мать
И порешил посольство в Норвегию послать,
К той, что была знатнейшей, славнейшей
королевой,
И верные вассалы сосватали юношу с девой.

⁹ Их скоро обвенчали, как сказывают нам,
С невестой отъезжала толпа прекрасных дам,
Семьсот бойцов шотландских с ней ехали
к тому же,
Охотно отправляясь в страну ее юного мужа.

¹⁰ Невесте подобает прибыть с почетной свитой,
Как учит королевский обычай не забытый.
Что любопытных было! Они заплотнили
Все улицы в округе на три с половиною мили.

¹¹ И вдоль большой дороги повытоптали в прах
Нескошенные травы с цветами на лугах.
Был май, когда на ветках все почки распускались
И птицы звонкой песней в зеленом лесу
заливались.

- 12 Скакали вместе с ними веселые пажы
И слуги молодые. Поклажу госпожи
Тащили сотни мулов, нагруженных приданым,
Сокровищами девы и платьем ее златотканым.
- 13 Дул с моря свежий ветер, указывая цель,
Он с запада привел их к границе двух земель,
Там встретили радушно прекрасную невесту,
И в самом лучшем доме герой приготовил ей
место.
- 14 В честь благородной дамы был дан потешный бой,
Мужи сражались рьяно, а после всей гурьбой
В черту владений Гере невесту отвели,
Где стать ей предстояло владычицей этой земли.
- 15 И рыцари, и жены в пути служили ей.
Богатые попоны их резвых лошадей,
Спадая на копыта, касались буйных трав.
Ах, как герой гордился, такую супругу избрав!
- 16 Когда поцеловал он красавицу свою,
Е их честь опять смешались дружинники в бою,
Где двум не разминуться, и раз от разу жарче —
Навершье о навершье — сшибались их звонкие
тарчи.
- 17 А на другое утро герой послал гонца
Предупредить вассалов покойного отца,
Что он короноваться к ним едет вместе с девой.
Норвеженка позднее им доброй была королевой.
- 18 Что он ее достоин, оспаривала знать:
«Венчанной девой воин не может обладать,

Пускай сперва получит он от князей корону!»
Призвав родню на помощь, осилил он эту препопу.

¹⁹ Пятьсот ирландцев смелых во цвете юных лет
С ним принесли совместно свой рыцарский обет.
Нарядов, добрых коней — всего у них хватало,
Своей высокой чести король не унижил нисколько.

²⁰ Он правил королевством счастливых много дней,
Не посрамивши чести и доблести своей,
Судил неправых строго, был беднякам защитой,
Повелевал без гнева, и воин он был знаменитый.

²¹ Платили земледельцы оброк ему сполна,
И так добросердечна была его жена,
Что если б тридцать княжеств достались ей в удел,
Все тридцать раздала бы для добрых и памятных
дел.

²² Когда прошли три года, господь послал им сына,
Устроили младенцу богатые крестины
И дали имя Хаген, и так он после звался
И в памяти живущих в старинных преданиях
остался.

²³ И девушки, и жены над ним кружились роем.
«Коль он в отца удался, так вырастет героем», —
Наследника лелея, твердили то и дело,
А мать с отцом гордились, любили его без предела.

²⁴ Семь лет ему сравнялось. Дни мирно протекали.
Уж на руки нередко его герои брали.
К мужам тянулся Хаген, а женщин он дичился.
(Он был похищен вскоре, надолго с родней
разлучился.)

- 25 Когда ему случалось рассматривать доспех,
Он не просил у старших себе других утех,
Как натянуть кольчугу и шлем надеть, и шпоры.
Забыть забавы эти, однако, пришлось ему скоро.
- 26 Раз на крыльце высоком сидел король-отец,
Под деревом кедровым, у входа во дворец.
Жена ему сказала: «Снискали мы почет,
Одна печаль, не скрою, давно мое сердце гнетет».
- 27 Он молвил: «Объясни же, чем ты удручена».
«Я слишком редко вижу,— ответила она,—
Тебя в кругу героев, как подобает смелым.
Вот отчего скорблю я, болею душою и телом».
- 28 И Зигебанд ответил высокородной даме:
«Так где мне появляться с моими храбрецами?
Раз ты того желаешь, то надоумь советом,
Я сил не пожалею, ты только скажи мне об этом».
- 29 «Богаты мы,— сказала супруга короля,—
У нас без счета замков, не меряна земля,
Что серебра, что злата, камней всевозможных!
Но полно! Их значенье в судьбе человека
ничтожно!
- 30 Когда в стране шотландской я девушкой жила,—
Не гневайтесь, что речь я об этом завела,—
Там пышные турниры на весь гремели свет,
Венчая смелых славой. В Ирландии этого нет.
- 31 Правитель настоящий, богатый, именитый,
Являться должен чаще к народу с пышной свитой,
На бугурте пристало отряд ему возглавить,
Чтоб и себя украсить, и род свой в потомстве
прославить.

- ³² Прямого благородства князьям недостает,
Когда своим богатствам они теряют счет,
А с войнами медлят доходами делиться.
И раненым в походах, как бедным бойцам
исцелиться?»
- ³³ Муж молвил: «Вы смеетесь над нами, госпожа,
Но обещаю, руку на сердце положая,
Что ревностно исполню все требования долга.
Вам вежеству отныне учить нас придется
недолго».
- ³⁴ Сказала королева: «Велите же князьям
Прислать казну и платья, а я к своим друзьям
Глашатая отправлю, сказать о вашей воле.
Пускай родня приедет, мы здесь не соскучимся
боле».
- ³⁵ «Охотно соглашаюсь,— сказал король жене,—
Как предки поступали, так следует и мне.
Устроим торжество мы, раз госпожа желает,
Мои и ваши гости пускай во дворец приезжают».
- ³⁶ Супруга заключила: «А я наряды дам,
Чтоб разделись пышно шестьсот прекрасных дам
И шестьдесят четыре прекрасные девицы».
Правитель не замедлил с любимой женой
согласиться.
- ³⁷ И вот, назначив праздник, король скрепил
решенье,
В осьмнадцать дней отправив всем близким
приглашенья
В Ирландию явиться весною благодатной,
Коль будет им угодно игрою потешиться ратной.

- 38 Столы велел он ставить для гостыбы предстоящей,
 Как сказывают, бревна пришлось везти из чащи,
 И кравчим, и дворецким хлопот хватало вволю,
 Чтоб место приготовить для всех приглашенных
 к застолью.
- 39 Зима пошла на убыль, повеяло весною,
 Со всех сторон съезжаться тут начали герои,
 Покамест не собралось из всех владений ленных
 За восемьдесят тысяч в том замке бойцов
 соплеменных.
- 40 Из королевских комнат одежду принесли,
 Чтоб все принарядиться на празднество могли,
 Потом коней ирландских король изволил дать им,
 А женщин королева богатым украсила платьем.
- 41 До тысячи прекрасных девиц и знатных жен
 Подарки получили, достойные княжен,
 К лицу им были ленты, шелка и самоцветы,
 В наряднейшие платья красавицы были одеты.
- 42 Всяк получил одежду из королевских рук.
 Приплясывали кони на поводу у слуг,
 Пажи щитов и копий нагромоздили гору.
 Всем этим королева в окно любовалась в ту пору.
- 43 Начать героям бугурт правитель повелел,
 Там скоро блеск их шлемов от крови потускнел,
 Прославленные дамы сидели, жадно глядя,
 Как смельчаки сражались и каждый стремился
 к награде.
- 44 Шел час, друтой и третий, а жаркий бой все
 длился,
 Король перед гостями в доспехах появился,

Пошли дела такие, что сгнуло веселье.

Им сладко пировалось, да горьким их было
похмелье.

⁵¹ Когда король беспечно с гостями восседал,
Явился некий шпильман к ним в пиршественный
зал,

И — кто бы мог подумать! — он всех затмил игрою,
Князья ему внимали, дивились искусству герон.

⁵² С гостями веселиться еще был Хаген мал,
С пригожею девицей он за руку гулял,
Их опекали жены и многие из знати,
Что по родству и дружбе приставлены были
к дитяти.

⁵³ Из дома раздавался в то время громкий смех,
Как будто ликованье там охватило всех.
Наставники и жены, внимая кликам звонким,
Приблизились к чертогу, оставив девицу с
ребенком.

⁵⁴ Несчастье Зигебанда уже стучалось в дверь,
Беда подстерегала их с Утою теперь:
Отправил злобный дьявол к ним своего посланца;
Всех охватило горе тогда во владеньях ирландца.

⁵⁵ То дикий гриф внезапно к ним налетел, как ворог,
И тот, кто Зигебанду был больше жизни дорог,
Его заставил плакать. И вот тому причина:
Свирепый гриф из дома унес королевского сына.

⁵⁶ Ложилась тень на землю от распростертых крыл,
Как будто бы от тучи. Был хищник полон сил,
В пылу веселья люди не замечали птицу,
Наедине с ребенком оставила свита девицу.

- 57 От взмаха сильных крыльев клонило долу лес.
Как увидала дева, что гриф летит с небес,
Покинула питомца, пустилась прочь оттуда.
Так странно все случилось, что счесть это можно
за чудо.
- 58 Гриф ринулся на землю, ребенка ухватил
Огромными когтями и перья распустил
В свирепой, лютой злобе — и это было явным.
Пришлось дитя оплакать героям отважным и
славным.
- 59 Зашелся мальчик криком, терпя немалый страх,
Он поднят был на небо, качался в облаках,
С противным ветром споря, гриф спрятался за
тучей.
В тот день оплакал сына правитель ирландцев
могучий.
- 60 Друзья делили горе несчастного отца,
В предвиденье для сына ужасного конца
Родные погрузились в глубокую печаль.
Всем добрым людям было прекрасного мальчика
жаль.
- 61 Тревогой неподдельной охвачен был любой,
И праздник прекратился до срока сам собой,
Его своим злодейством испугнул свирепый гриф.
Все начали прощаться, глубокую скорбь затаив.
- 62 Хозяин горько плакал, залил слезами грудь.
Его супруга кротко решила упрекнуть:
«Не сетуйте напрасно, не вечен человек,
На то господня воля, когда прекратится наш
век».

- 63 Уж гости восвояси готовились отбыть,
Но Ута им сказала: «Прошу повременить,
И серебром, и золотом, сверкающим как жар,
Мы наградить должны вас, а вы не отриньте наш
дар».
- 64 Все стали королеву благодарить с поклоном.
Раздать велел хозяин гостям и приближенным
Некроенные ткани — шелка и аксамиты,
Что большей частью были в далеких краях
раздобыты.
- 65 Он дал гостям палатки и вьючных лошадей,
И боевых ирландских выносливых коней,
Дал серебра без счета и золотом наградил их,
Взыскал своей заботой вассалов и родичей милых.
- 66 Простилась королева с толпой прекрасных дев
И благородных женщин. Они ушли, надев
Подаренные платья, украсившие их.
Так завершился праздник. Дворец опустевший
затих.

II авентюра

Как Хаген был унесен грифом

- 67 Покинем же на этом мы королевский двор.
Пришел черед поведать, куда пернатый вор
Прекрасного ребенка унес средь бела дня,
Из-за чего немало о нем тосковала родня.
- 68 По божьему хотенью еще был мальчик жив,
Но был на шаг от смерти: добычу старый гриф
Тащил птенцам голодным стремительно в когтях;
При виде их семейства объял королевича страх.
- 69 А старый гриф достигнул гнезда среди ветвей
И выпустил внезапно ребенка из когтей,
Он очутился в лапах у одного птенца,
А что проглочен не был — да славится имя творца!
- 70 Уж растерзать хотели птенцы его на части;
Узнайте же, как спасся он чудом от напасти:
Вцепился в него крепко один из стаи птичьей,
Чтоб только не делиться с другими своею добычей,
- 71 И, крыльями махая, дитя переносил
С макушки на макушку, не рассчитавши сил,
На ветку с ним уселся, но подломилась ветка,
И гриф на землю рухнул и тут упустил малолетка.
- 72 А Хаген схоронился от ворога в кустах.
Ребенка мучил голод еще сильней, чем страх.
Но не один в пустыне терпел он все лишенья,—
Девицам благородным он вскоре принес утешенье.

- 73 Чудес на свете много творит господь великий.
Уже давно попали на этот остров дикий
Три королевских дочки, в младенческие лета
Похищенные грифом. Никто не найдет нам ответа,
- 74 Чем только пробавлялись девицы много дней,
Видать, господь питал их десницею своей.
Он не хотел, чтоб Хаген скитался в одиночку,
И вот его в пещере нашла королевская дочка.
- 75 При виде незнакомца, вошедшего в их дом,
Вообразили девы, что это горный гном
Иль чудище морское, что выползло на сушу.
Лишь после оценили они его добрую душу.
- 76 Оставшись с глазу на глаз в пещере с ним одни,
Что он христовой веры не ведали они,
И эта неизвестность их страхом наполняла.
(Потом он стал их другом и горе им скрасил
немало).
- 77 Та, что была постарше, ему сказала тут:
«Нам всемогущим богом дарован здесь приют,
Ищи себе подобных в пучине буйных вод,
А нам и так довольно нужды и жестоких
невзгод».
- 78 Ответил королевич: «Поверьте, я крещен,
Смените гнев на милость, не прогоняйте вон,—
Я был сюда заброшен какой-то дикой птицей.
Мне страшно в одиночку. Позвольте мне здесь
поселиться».
- 79 Они принять решили его в свой тесный круг,
Расспрашивали, кто он, откуда взялся вдруг,—

Все сильно занимало трех королевен милых,
Но голодом томимый, он был им ответить не в
силах.

⁸⁰ Сказал ребенок знатный: «Хочу я есть и пить,
Благоволите хлеб ваш со мною разделить,
Три дня я жил без пищи, три дня не мог
напиться,
Как за сто миль отсюда в когтях унесла меня
птица».

⁸¹ Ответили скитальцу прекрасные подруги:
«Нам есть и пить приносят невидимые слуги,
А кто они, мы сами не ведаем об этом».
Их бог питал незримо и разум им дал не по летам.

⁸² Отправились девицы искать съедобных трав;
Набрав кореньев сладких и ягоды нарвав,
С пришельцем поделились, чем бог послал самим,
Хотя и непривычен ребенок был к яствам таким.

⁸³ Поел он, не гнушаясь, предложенную снедь,—
Голодной смертью, право, не сладко умереть.
С тех пор он прожил с ними в пещере много дней,
Подругам угождая примерно службой своей.

⁸⁴ И те о нем радели, о том сказать нам нужно,
Любили, словно брата, и опекали дружно.
И мирно жили дети до той поры, покуда,
Умножив их страданья, случилось нежданное чудо.

⁸⁵ Откуда, я не знаю, к суровой той земле
Прибило пилигримов на углу корабле,
Господню рагь настигли валы со дна морского;
Заплакали девицы при виде несчастья такого.

- ⁸⁶ Погибли все. Хлестала в пробоины вода,
Прожорливые грифы нагрянули сюда
И стаей потащили на берег мертвецов,
Чтоб человеческим мясом кормить неокрепших
птенцов.
- ⁸⁷ А запаса в достатке для выводка еду,
Покинули внезапно скалистую гряду,
Взлетели по-над морем и понеслись куда-то,
Оставив на утесе в дозоре свирепого брата.
- ⁸⁸ Заметил Хаген вскоре в синеющей дали
Пожитки пилигримов, что гибель здесь напли.
Подумав, что съестное осталось в их поклаже,
Он к берегу пробрался тайком от свирепого
стража.
- ⁸⁹ На опустевших дюнах лежал, уснув навек,
Один вооруженный, безвестный человек.
Снял панцирь королевич с безжизненного тела
И меч его забрал он, и лук, и каленые стрелы.
- ⁹⁰ Себя ребенок малый доспехами покрыл,
Как вдруг поднялся ветер от взмаха сильных
крыл.
Покуда Хаген медлил, гриф опустил низко,
А мальчику в пещеру бежать оказалось неблизко.
- ⁹¹ Остервенело птица метнулась на песок
И проглотить хотела, как лакомый кусок,
Дитя единым духом, но малолетний воин
В жестокой этой схватке хвалы оказался достоин.
- ⁹² Он слабыми руками с могучим сладил луком,
И с тетивы слетела стрела с протяжным звуком,

Но не пронзила грифа. Откуда ждать подмоги?
Он меч занес, услышав, как девы стенали в
тревоге.

⁹³ Не по-ребячьи Хаген во гневе был жесток,
Обрушил меч на грифа, крыло ему отсек
И, по ноге ударив, нанес такую рану,
Что на песке противник остался лежать
бездыханно.

⁹⁴ Одержана победа, врага на свете нет!
Как вдруг за первым грифом другой явился
вслед,
Но всех прикончил Хаген и перевел их племя,
Знать силы малолетке господь приумножил в то
время.

⁹⁵ Когда такое чудо ребенок совершил,
Он вызвать из пещеры красавиц поспешил:
«Идите веселиться на солнечном просторе,
Нас небо охранило, Спаситель отвел наше горе».

⁹⁶ Те кинулись навстречу, восславили Христа,
Сто раз расцеловали воителя в уста.
Их страж лежал убитый. Отныне девам юным
Ничто не возбраняло гулять на просторе по
дюнам.

⁹⁷ Когда гроза над ними рассеялась опять,
Скиталец научился без промаха стрелять,
Он настигал в полете стрелой любую птицу,
И про себя решил он: «Умелый врага не боится».

⁹⁸ Он сердцем был неровен: и дерзок, и смирен.
Животным подражая, как резво прыгал он!

Быстрее пантеры лазал на горную вершину;
Так сам себя взрастил он и так превращался в
мужчину.

⁹⁹ Он часто для забавы шел на берег морской,
Смотреть, как рыба стая играет чешуей.
Он наловил бы рыбы для названных сестер,
Но как ее изжарить, коль нечем разжечь им
костёр?

¹⁰⁰ В дремучий лес из дома он уходил теперь,
Где обитали звери. Один свирепый зверь
Набросился однажды и съест его собрался,
Но меч свой поднял Хаген, и хищник на месте
остался.

¹⁰¹ Всем обликом дракона тот зверь напоминал,
Добычу юный воин потом освеживал,
Ее горячей кровью он жажду утолил
И стал вдвойне разумен, могучих исполнился сил.

¹⁰² А кожу этой твари он на себя надел.
Тут вышел лев из чащи и скрыться не успел,
Как мальчик ухитрился царя зверей схватить.
Но льва мечом не тронул, оставил из милости
жить.

¹⁰³ Убитого им в чаще диковинного зверя
Решил отважный Хаген снести к своей пещере,—
Он о подругах милых заботился вседневно.
Развеселились духом от новой еды королевны.

¹⁰⁴ Костер они сложили, но не было огня.
Тут Хаген высек искры из горного кремня,

Отныне в их пещере горело ярко пламя,
Вот только мясо жарить подруги должны были
сами.

105 Драконье мясо сразу прибавило им сил,
И бог их не оставил, их разум укрепил,
Прекрасны были девы и телом, и лицом,
Как будто возрастали у матери милой с отцом.

106 Стал сильным дикий Хаген, как дюжина мужей
Чем был потом прославлен до дальних рубежей.
Но пленники роптали, что годы их доныне
Проходят бесполезно в унылой, безлюдной
пустыне.

107 Идти решили к морю страдальцы наугад.
Стыдились дети, глядя на бедный свой наряд,
Их ветхая одежда и впрямь была плоха,
Ее девицы сами сплели из зеленого мха.

108 Шли лесом много суток, по поредела сень.
И вот увидел Хаген на двадцать пятый день
Корабль из Гарадеи на глади синих вод.
Благословляли девы его вожделенный приход.

109 Призывно королевич вскричал что было сил,
Но ветер мореходов волною окатил
И судно затрещало. Всех охватил испуг.
За трех морских русалок сочли пилигримы
подруг.

110 Вельможный граф сальмейский, владевший
кораблем,
Жил по соседству с Эйре и знался с королем,
Но сына Зигебанда, их звавшего в печали,
Он и его дружина до этой поры не встречали.

¹¹¹ Граф крикнул рулевому: «Здесь якорь не
бросать!..»

Но именем Христовым стал Хаген заклинять,
Чтоб взяли мореходы их с острова сегодня,
И те воспряли духом, услышавши имя господне.

¹¹² С мужами, сам двенадцать, граф пересел на челн,
Но, истины не зная, он был сомнений полн,
Не кобольды ли это? Не водяного ль дети?
Граф не встречал созданий пленительней видом,
чем эти.

¹¹³ Вот почему на берег он выйти не спешил.
«Вы приняли крещение?» — он прежде спросил,
Рассматривая странниц в уборе их зеленом.
Взять их скорей с собою они попросили с
поклоном.

III авентюра

Как Хаген явился на корабль

¹¹⁴ Но прежде, чем забрать их с неласковой земли,
Паломничью одежду скитальцам принесли.
Как ни стыдились девы, пришлось ее надеть им.
Но сетовать на это уж не было времени детям.

¹¹⁵ Вдали остался берег, кругом волна морская,
Все рыцари собрались, приехавших встречая,
И приняли красавиц с почтением великим,
Хоть каждую считали до этого чудищем диким.

- 116 Всю почь они спокойно на море провели,
Но к странничьей одежде привыкнуть не могли.
Что это платье — почесть, как было детям ведать?
Граф предложил им вскоре отборные яства
ответать.
- 117 Когда они поели для подкрепленья сил,
Граф, сидя вместе с ними, ответить попросил,
Кто их, таких красавиц, в пустынный край занес.
Их горе растревожил предложенный графом
вопрос.
- 118 Та, что была постарше, сказала, не таясь:
«Я в Индии далекой, в чертогах родилась,
Там мой отец и ныне еще сидит на троне,
Хоть мне и не придется блистать в королевской
коропе».
- 119 И средняя открыла свой жребий невезучий:
«Меня у португальцев похитил гриф могучий,
Там звал своею дочкой меня правитель славный.
Известный повсеместно богатством и силой
державной».
- 120 А третья, меньшая, что рядом с ним сидела,
Ответила Сальмейцу с достоинством и смело:
«Я в Изерланде, сударь, от короля родилась,
Но с теми, кто мне дорог, увы, навсегда
разлучилась».
- 121 Промолвил знатный рыцарь: «Господь великий
благ,
Вам не оставив близких, он направлял ваш шаг
И от беды хранил вас, красавицы, доныне,
Предначертав, чтоб встретил я вас в этой дикой
пустыне».

- 122 Он спрашивал о многом, но уяснить не мог,
Как от жестокой смерти их жребий уберег,
Когда их злые грифы в гнездо к себе тащили.
Они страдали много, но мало о том говорили.
- 123 Тут к юному герою оборотился граф:
«Друг и товарищ милый, от этих дев узнав
Их горестную повесть, я полон нетерпенья
Узнать, откуда родом и кто вы по праву
рождения».
- 124 «Я это расскажу вам,— сказал герой вельможе,—
Из дома диким грифом я был похищен тоже,
Мне Зигебауд — родитель, а Эйре — край родимый.
С подругами скитался я долго в глуши
нелюдимой».
- 125 Тут все его спросили: «А как могло случиться,
Что вас не растерзали прожорливые птицы?»
Он молвил: «Божья воля была на то святая,
Отвел я в битве душу, теперь уничтожена стая».
- 126 Правитель Гараден сказал: «Открой нам, милый,
Как одолеть их стаю ты мог». — «Своею силой.
Убил и старых грифов, и всех их злых детей,
Хоть рисковал при этом не мелочью — жизнью
своей!»
- 127 Вскричали мореходы: «Ты редкостно силен,
Что стоит восхищенья и рыцарей, и жен;
Пусть тысяча нас будет, у нас не хватит сил
Всех грифов уничтожить, а ты их один истребил».
- 128 Граф и его дружина боялись: крепок гость!
Предвидели, что станет он им, как в горле кость,

И меч его хотели они лукаво выкрасть.
Но Хаген отогнал их. Пустой оказалась их
хитрость.

129 «Мне счастье привалило,— тут граф промолвил
снова,—
А ведь судьба доселе была со мной сурова.
Коль ты в родстве с ирландским правителем
надменным,
Заложником ты станешь, тебя объявляю я
пленным.

130 Знай, что ко мне явился ты в надлежащий час:
Твои друзья лихие вредили мне не раз,
Презрев добрососедство, набегом, как злодеи,
Разбили, разгромили моих храбрецов в Гарадее.»

131 «Я в этом неповинен,— сказал ему герой.—
Прошу вас, отвезите к родным меня домой,
И я уйму их злобу, улажу все раздоры,
Коль вы меня немедля отцу возвратите без спора.»

132 Граф мальчику ответил: «Ты будешь пленник мой.
А этих дев прекрасных я увезу с собой,
Они мой двор украсят для нашей славы вящей».
Почел все это Хаген за стыд и позор настоящий.

133 Вскричал герой во гневе: «Я не пойду в неволю,
И каждый добрый рыцарь отвергнет эту долю!
Вы, моряки лихие, ведите судно к суше,
А я вам дам в награду, чего захотят ваши души.

134 Дам обратить в служанок вы вздумали спесиво!
Граф, без твоей опеки девицы будут живы.

Есть кто-нибудь на судне, способный внять
приказу?
Так поверните парус, в Ирландию двинемся
сразу».

- 135 Схватить героя людям их господин велел,
Но лишь они напали — никто не уцелел:
За волосы — и в воду! Был гость непобедимым,
От рук его погибнуть пришлось тридцати
пилигримам.
- 136 И если бы не просьбы великодушных дев,
Убил бы Хаген графа — в такой вошел он гнев.
Слуга или хозяин — ему едино было.
Тут повернули к Эйре бойцы, переставив ветрила.
- 137 Они поторопились, чтоб вовсе не пропасть,
Свирепость гостя видя, его признали власть,
Семнадцать дней прислуга усердно хлопотала,
Минувшее сраженье жестоко их всех испугало.
- 138 Приблизившись к пределам родительской земли,
Увидел отрок замки, стоявшие вдали,
Узнал дворец высокий на берегу залива
И триста крепких башен, его окружавших красиво.
- 139 Там Зигебанд державный с супругой Утой жил.
Боялись пилигримы, чтоб он их не убил,
Когда король узнает в них недругов постылых,
Но Хаген благосклонно от гнева отца защитил их.
- 140 Он молвил мореходам: «Хоть я и не могу
Распоряжаться властью на этом берегу,
Но я гонцов отправлю к отцу и порадею,
Чтоб кончить с древней распрей между ним и
людьми Гараден.

- 141 И тех, кто за награду нам рады послужить,
Кто важное известье возьмется доложить
Владельцу Балиана, тех одарю я златом,
А Зигебанд и Ута отпустят с подарком богатым».
- 142 Двенадцать пилигримов собрались в тот же час.
«Спросите государя,— им Хаген дал наказ,—
Желает ли он видеть утраченного сына,
Что был похищен грифом и чью он оплакал
кончину».
- 143 Отец вам не поверит, тогда спросите мать,
Согласна ль она будет дитя свое признать,
Коль на груди скитальца, под этой рясой чистой,
Родимый знак увидит — ей ведомый крест
золотистый».
- 144 Посланцы поскакали немедля во дворец.
С супругою в светлице сидел король-отец,
Он угадал в приезжих людей из Гарадины,
Его врагов заклятых, и гнев охватил властелина.
- 145 Как те прийти посмели, спросил державный князь.
Один из них ответил владыке, не смутясь:
«Послал нас юный Хаген, твой сын, он недалече,
Не надо долго ехать тому, кто желает с ним
встречи».
- 146 И Зигебанд ответил: «Напрасна ваша ложь,
Что он погиб, мой Хаген,— для сердца острый нож,
Такого не желаю врагу, не только другу».
«Раз верить не хотите, тогда расспросите супругу».
- 147 Мать близко видит сына с младенческих пелен,
А на груди ребенка был крест запечатлен,

И если у скитальца вы тот же знак найдете,
То, истине доверясь, вы сыном его назовете».

¹⁴⁸ Весть эта королеве рассказана была,
Она грустить забыла и стала весела,
Сказала: «Надо ехать и правды допытаться».
Своим друзьям хозяин в дорогу велел собираться.

¹⁴⁹ Сказал прекрасной Уте какой-то пилигрим:
«Сударыня, к советам прислушайся моим,
Возьми с собою платья в подарок милым детям,—
Трех королевских дочек мы вместе с наследником
встретим».

¹⁵⁰ Взяла она одежды, исполнивши совет,
И рыцари, и жены скакали ей вослед,
А на песке прибрежном, уже рукой подать,
Стоял отважный Хаген, а с ним гарадейская рать.

IV авентюра

Как Хагена приняли отец и мать

¹⁵¹ Господ и знатных всадниц увидел юный князь,
К ним броситься навстречу душа его рвалась:
Кто едет, угадать бы! Тут шумною толпою,
Друг друга обгоняя, друзья подскакали к герою.

¹⁵² С прибытием поздравил его король-отец.
«О вас ли, добрый воин, нам сказывал гонец?»

Ребенком королевы себя вы объявили.

Желал бы я сердечно, чтоб вы и взаправду им
были.»

153 Жена благопристойно ему сказала тут:
«Пускай сначала люди в сторонку отойдут.
Достоин ли он трона, намерена узнагь я».
Заветный крест узрела — и сыну открыла
объятыя.

154 В уста его целуя, заплакала она:
«Все годы я хворала, теперь исцелена,
Мой сын единородный, желанен твой приход,
Утешится тобою и весь наш ирландский народ».

155 Приблизился к ним Зигебанд, и слезы из очей
На грудь его от счастья катились, как ручей,
Потерянного сына нежданно обрета,
Еще сильней любил он свое дорогое дитя.

156 И спутниц сына Ута приветствовала всех,
Она дала им пестрый и серебристый мех,
И шелковые ткани, что их красе пристали,
Скиталиц обласкала, забыли они о печали.

157 Как это подобало одели знатных дев,
Красавицы сначала стыдились, оробев,
Но после вышли к людям в парчовых новых
платьях.
Король со всей дружиной изволил достойно
принять их.

158 Тем временем наследник настойчиво просил,
Чтоб Зигебанд соседям на радостях простил
Все прежние обиды и чтоб не помнил зла.
В честь сына пилигримам дарована милость была.

- 159 Правитель целованием желанный мир скрепил
И щедро гарадейцам убытки возместил,
Что было им на пользу, а Хагену во славу.
С тех пор связала дружба одну и другую
державу.
- 160 Как водится, заботой гостей не обошли,
Им пищу и одежду на берег принесли,
Хозяин пригласил их к себе на две недели,
И те благодарили за ласку его, как умели.
- 161 С веселым нетерпеньем все двинулись вперед,
А к замку в Балиане уже спешил народ.
Что жив наследник трона узнали люди сразу,
Хоть мало кто решался чудесному верить
рассказу.
- 162 Промчались две недели, и подошла пора
Скитальцам-мореходам уехать со двора.
Дал золота хозяин в подарок пилигримам,
Желая ради сына, чтоб был их союз нерушимым.
- 163 Подругами своими герой не пренебрег,
Велел, чтоб к их услугам топилась баня впрок
И было много платьев у них зимой и летом.
Служил он девам скромно и разум имел не по
летам.
- 164 Наследник трона вырос и сильно возмужал,
В воинственных забавах он всех опережал,—
Оружный, безоружный — он бой кончал со
славой,
А после так же твердо он правил отцовской
державой.

- 165 Всему, что подобает, был выучен герой,
Ни страха, ни упрёка не зная за собой.
За это восхищались им знатные девицы.
Он был настолько щедрым, что все не могли
надивитьсяся.
- 166 И так он был отважен, как нам твердит молва,
Что мстил врагам и близких отстаивал права,
Не выгоды, а чести искал он в каждом деле,
О нем слагали сказки и песни на родине пели.
- 167 Ведь некогда в пустыне рос юный государь
Среди зверей свирепых и мог любую тварь,
Лишь только пожелает, настигнуть быстрого.
Чудес в те дни у моря с подругами видел он
много.
- 168 Хотя он имя Хаген с крещения носил,
«Сам дьявол над князьями» он кличку получил,
Под ней во многих странах стяжал себе
признанье
И силой непомерной поддерживал это прозвание.
- 169 Друзья его твердили, чтоб Хаген взял жену.
Чего искать далеко! Он в доме знал одну
Красавицу, что прочих на свеге затмевала
И в годы тяжких бедствий его самого опекала.
- 170 Звалась девица Хильдой. Из Индии она
На остров дикой птицей была унесена.
Ее он встретил первой — их свел в пещере
случай,—
И Хаген в целом мире жены не искал себе
лучшей.

- 171 Решил король, что сына и сто его друзей
Мечом перепоясать им надо поскорей,
И лошадей, и платье он всем им дал в подарок,
На четверых героев истратив по тысяче марок.
- 172 Наследник не перечил. Он дал вассалам знать,
Что будет день назначен, он известит всю знать
И наградит их щедро. Обычай непреложен.
На год и трое суток был день посвященья
отложен.
- 173 Съезжаться гости стали к Ирландцу на порог.
Щиты из светлой стали им выковали в срок.
На седлах украшенья — все в золотой насечке,
И золотом сверкали поперся коней и уздечки.
- 174 Узорными шатрами покрылся чистый дол,
Здесь Хагеновы гости нашли и кров, и стол,
И все, чего желали. Был стан разбит широко.
По всем дорогам люди спешили сюда издалека.
- 175 Гостей, что дожидались с ним посвященья
вместе,
Нарядами украсить велел герой по чести,
И тысяче пришельцам из стран далеких, чуждых
Он дал коней и платье, об их позаботившись
нуждах.
- 176 Друзьям отважный Хаген открылся наконец:
«Советуете все вы, чтоб я надел венец,
Мне заодно с любимой короноваться надо,
Чтоб за ее служенье воздать драгоценной
наградой».

- 177 «Но кто ж она? — спросили вассалы как один, —
Кому корону прочит их юный господин?»
«Дочь Индии, — сказал он, — звать Хильдой эту
деву.
Нам с вами не придется краснеть за свою
королеву».
- 178 Возрадовались сердцем тут мать его с отцом,
И любо было Хильде украситься венцом.
Она потом примером была для приближенных.
Мечом почтен был Хаген, а с ним и шестьсот
посвященных.
- 179 Как учит христианский обычай и закон,
Чету короновали и возвели на трон.
Оттуда молодые отправились в чертоги.
Потешное сраженье вели их друзья по дороге.
- 180 Сам Зигебанд в доспехах явился горд и смел,
Он деньги щедро тратил, сокровищ не жалел.
За ним скакали следом его родня и други,
А при дворе усердно готовили пиршество слуги.
- 181 Они столы и кресла несли в обширный зал.
Уже умолк в соборе торжественный хорал,
Пришла с обедни Ута, вернулись ее девы.
Герои любовались на свиту своей королевы.
- 182 Когда же вместе с Утой сел Зигебанд к столу,
А Хаген рядом, с Хильдой, все люди в похвалу
Сказали: «Что за счастье иметь такого сына!»
Переломила коцья в их честь удалая дружина.
- 183 Двенадцать на двенадцать мужей открыли бой,
Они единоборство вели между собой.

На них смотрели дамы и знатные девицы,—
Ведь пропустить ристанье в торжественный день
не годится.

¹⁸⁴ Когда, напировавшись, король с сиденья встал,
Окрестный дол от кликов и скачки задрожал,
С самой землею вровень легли цветы и травы,
Все, кто здоровы были, сраженье вели для забавы.

¹⁸⁵ Сын Зигебанда мчался с оружием на коне,
На радость и утеху разумнице жене.
Она ему служила когда-то на чужбине,
За это он платил ей овгагой и доблестью ныне.

¹⁸⁶ А рядом с ним скакали в клубящейся пыли
Двенадцать их вассалов, все тоже короли.
Язычники здесь были и были христиане,
Все Зигебанду с сыном служить поклялись в
Баллане.

¹⁸⁷ Так продолжался праздник, весельем напоен,
Под гиканье и клики, и оружейный звон,
Но положил хозяин конец забаве ратной.
В кругу прекрасных женщин ждал рыцарей
отдых приятный

¹⁸⁸ Сказал король бывалых соратникам в бою:
«Отныне королевство я сыну отдаю,
Всех подданных и земли вручаю заедино,
И пусть мои герои в нем чтут своего господина».

¹⁸⁹ Он о своем решенье оповестил всю знать,
И в ленное владенье стал Хаген раздавать
Наследственные земли с такою добротою,
Что все князья охотно служить обязались герою.

- 190 И, как уставом ленным предписывалось встарь,
В свои ладони принял их руки государь.
Он дал чужим и близким сокровища и платья,
Всех бедных осчастливил на свадьбе своей без
изъятия.
- 191 Одну из дев, нашедших в Ирландии приют,
Король и королева позвать велели тут.
Собой на загляденье, пригожа и мила,
Из Изерланда родом красавица эта была.
- 192 Какой-то князь увидел ее у королевы,
И стал просить у Хильды руки прекрасной девы,
Сулил венцом украсить супругу по закону.
Она за дружбу с Хильдой, за верность стяжала
корону.
- 193 С хозяевами гости простились. Праздник стих.
Достойную девицу князь увозил от них
В далекие владенья, на родину в Норвегу.
Ей небо после бедствий послало довольство и
негу.
- 194 И начал править Хаген в Ирландии своей.
Случалось, что встречал он неправедных людей,
Карать таких сурово он в долг себе поставил,
Их восемьдесят с лишним он только за год
обезглавил.
- 195 Ходил король в походы, врагам давал урок,
Но, бедным сострадая, он города не жег.
Когда сосед спесивый кого-нибудь тиранил,
Он рушил его замки и насмерть обидчика ранил.
- 196 В бою — отважный рыцарь, он свой прославил
меч,

Сильнейшие герои с ним опасались встреч,
На суше и на море гремело его имя.
«Сам дьявол над князьями» брал верх над
врагами своими.

197 Так жил король на славу и счастлив был сполна.
Родила ему дочку любимая жена.
Ее в купели Хильдой в честь матери назвали,
Старинные преданья нам много о ней рассказали.

198 Ревниво дикий Хаген дитя свое берег,
Чтоб солнце не палило, чтоб даже ветерок
Наследницы не тронул. Уход за ней он вверил
Друзьям и знатым дамам, в чью верность и
преданность верил.

199 Когда же ей сравнялось двенадцать полных лет,
О красоте девицы прослышал белый свет,
Князья о ней мечтали и думали вседневно
О том, как им добиться любви молодой королевны.

200 Один из них датчанин,— он в Вaleyсе сидел,
Узнав о чарах Хильды, искать ее посмел,
Он был весьма настойчив и к ней послов
отправил,
Но Хаген, разъярившись, убил его и обесславил.

201 Сколь ни являлось сватов челом Ирландцу бить,
Их всех надменный Хаген приказывал убить.
Хотел он выбрать зятя, чтоб был не ниже тестя,
И люди разносили об этом тревожные вести.

202 Послов велел повесить он больше двадцати,
Смертельную обиду князьям пришлось снести,

И многие, кто прежде невесты домогались,
От помыслов о Хильде теперь навсегда
отказались.

²⁰³ Но истинно влюбленных угрозы не страшат.
Их тоже было много. Недаром говорят:
На каждого спесивца гордец найдется равный.
Надзор за милой Хильдой удвоил отец
своенравный.

V авентюра

Как Вате ездил в Ирландию

²⁰⁴ Доподлинно известно, что этой же порой
Жил в Датском королевстве властительный герой,
На землях марки Штурмен родня его сидела,
Нортландией он правил, и сила его не скудела.

²⁰⁵ Его наставник Вате, сородич и вассал,
Своим обширным леном умело управлял.
Как родственник он с детства воспитывал героя,
Учил добру и чести, все лучшее взял для привоя.

²⁰⁶ Племянник Вате Хорант — тот Данией владел,
Неустрашимый рыцарь, он много преуспел:
Король могучий Хетель за верное служенье
Достойного вассала короной почтил в
награжденье.

- 207 Скажу еще, что Хетель был славен и велик,
Свой стол у хегелингов близ Дании воздвиг,
Там восемьдесят замков и укреплений мощных
Герои охраняли, служба ему денно и ночью.
- 208 Он был владыкой фризмов на суше и морях,
И Дитмерс, как и Валеис, удерживал в руках,
Роднею не обижен, имел он близких много,
Свиреп и крут с врагами, их часто наказывал
строго.
- 209 Был Хетель сиротою. Родителей лишась,
В заботливой супруге нуждался юный князь.
Он взял страну в наследство, друзей имел немало,
Но раннее сиротство правителю жизнь омрачало.
- 210 Друзья ему сказали: «Вам надобно влюбиться»,
Ответил юный рыцарь: «На свете нет девицы,
Корону хегелингов носить достойной с честью
И в дом ко мне хозяйкой войти, как пристало
невесте».
- 211 Тут молвил слово Морунг, нифландец молодой:
«Я об одной наслышан. Разнесено молвой,
Девицы этой знатной нет в целом мире краше,
Нам надо постараться устроить супружество
ваше».
- 212 «И кто ж она такая, как звать?» — король пытал.
«Зовется дева Хильдой, — нифландец отвечал, —
Потомок Гере, Хаген, — ее родитель властный,
Ты век свой будешь счастлив, когда завладеешь
прекрасной.»

- 219 А на седьмое утро весь путь покрыл отряд,
На каждом из героев был праздничный наряд.
Король их встретить вышел, не медля ни минуты,
И в их толпе заметил датчанина смелого Фруте.
- 220 Развеселился Хетель, увидевши вокруг
Своих друзей любимых, как будто кто-то вдруг
Снял часть его заботы, гнетущей, словно путы,
И он воскликнул: «Здравствуй, любезнейший
братец мой, Фруте!»
- 221 И Хоранта, и Фруте спросил правитель тут,
Как в Датском королевстве дела у них идут.
Герои отвечали: «Недавно в жаркой схватке
Мы кровью обагрили мечи наши по рукоятки».
- 222 Спросил король, далеко ль датчане воевали.
«На землях португальских, — друзья ему
сказали, —
Их грозный повелитель теперь грозитя мезтью,
Вседневно нападает с дружиной на наши
помезтья.»
- 223 Промолвил юный Хетель: «И пусть его грозит!
Я знаю, старый Вате набеги отразит.
На землях марки Штурмен сидит он крепко
ныне,
Славнейший не отнимет у родича этой
твердыни».
- 224 Они пошли к застолью в чертог, покинув двор,
Здесь шутками, как солью, был сдобрен разговор,
Герои рассуждали о чарах женщин милых,
Король охотно слушал и щедро потом наградил их.

- 225 Стал Хоранта хозяин настойчиво просить:
«Ты верно Хильду знаешь, изволь и мне открыть
Всю истину об этой прекрасной королевне,
Хочу послов отправить в столицу страны ее
древней».
- 226 Сказал отважный рыцарь: «Мне ведома она.
Из девушек не может красою ни одна
Сравниться с милой Хильдой, от Хагена
рожденной.
По праву ей пристало венчать свои кудри
короной».
- 227 Спросил король с надеждой: «А можно ль ожидать,
Что Хаген не откажет мне дочь свою отдать?
Коль так, я буду сватать прекрасную девицу
И дам тому награду, кто мне помогать
согласится».
- 228 «Пустое попеченье! — ему ответил друг,—
К ирландцу не поедет никто из ваших слуг.
Я сам не брошусь в пекло,— я не хочу
лукавить,—
Там вешают посланцев, а нет, так велят
сбезглавить.»
- 229 Воскликнул Хетель: «Девой я должен обладать!
Посла повесит Хаген,— ему несдобровать,
Король ирландский жизнью заплатит мне своею,
И собственная ярость во зло обратится злодею».
- 230 Тут подал голос Фруте: «А я стою на том,
Что если старый Вате окажется послом,

То мы тебе добудем красавицу иль сами
Телами путь устелем, пронзенные насмерть
мечами».

²³¹ «Тогда,— ответил Хетель,— я отдаю приказ
Нарочным ехать в Штурмен за Вате сей же час,
Он для меня, я знаю, пойдет в огонь и в воду.
Да пусть фрисландец Ирольт ведет к нам
побольше народу.»

²³² Гонцы стремглав домчались до штурменской
земли,
В кругу дружины храброй воителя нашли.
Король, они сказали, велел-де вам явиться.
Зачем он нужен другу, стал Вате гадать и
дивиться.

²³³ Спросил он, надевать ли ему броню и шлем
И верным его людям являться надо ль всем.
«Король молчал об этом,— сказал один гонец,—
Одно лишь мы слышали, что вас он зовет во
дворец».

²³⁴ Собрался ехать Вате, страну и дом родной
Оставив под охраной дружины удалой,
Его сопровождало всего двенадцать душ.
В столицу хегелингов отправился доблестный муж.

²³⁵ Без отдыха скакали они во весь опор
И вскоре в Кампатиллу приехали, на двор.
Обрадовался Хетель, он сам их вышел встретить,
Чтоб как нельзя сердечней старинного друга
приветить.

²⁴² Сказал старик во гневе: «Кто все тебе напел,
Погибни я сегодня, не больно бы жалел.
Никто другой, как Фруте,— с него такое станет,—
Внушил тебе, что Вате красавицу Хильду
достанет.

²⁴³ Девицу эту стражи усердно стерегут.
А как она прекрасна, вам насаказали тут
Болтливый Хорант с Фруте. Я не найду покоя,
Пока в поход опасный со мною не пойдут эти
двое».

²⁴⁴ Велел король немедля тех рыцарей позвать.
Нашлись друзья, что мигом героям дали знать,
Король-де неотложно желает с ними встречи.
Об этом Хорант с Фруте вели сокровенные речи.

²⁴⁵ Едва явился Хорант и Фруте, их свояк,
В запальчивости Вате сказал обоим так:
«Воздай вам боже, други, за ваше попеченье,
За то, что испросили почетное мне порученье.

²⁴⁶ Уж раз вы не жалели для этого хлопот,
И вам со мной придется отправиться в поход,
За милости и ласку мы королю послужим,
А злом за зло плачу я своим доброхотам
досужим».

²⁴⁷ Неустрашимый Хорант сказал ему: «Изволь!
Я с радостью поеду, когда велит король.
Сражаться ради женщин готов, как и доселе,
Чтоб мне досталась слава, а другу любовь и
веселье».

- 248 Отважный рыцарь Фруте добавил в свой черед:
«Семьсот мужей надежных нам надо взять
в поход,
Ведь никого на свете Ирландец чтить не хочет,
Но если нас обидит, вся спесь с него живо
соскочит.
- 249 Чтоб нам со всей дружиной в Ирландию отплыть,
Корабль из кипариса велите снарядить
Вместительный и прочный. Велите ладить снасти,
Стальными обручами могучие мачты украсьте.
- 250 Вы также позаботьтесь о пище про запас,
Да чтоб ковали шлемы и панцири для нас:
В ирландском королевстве нам это пригодится,
Руки прекрасной Хильды с оружием легче добыться.
- 251 И пусть мой родич Хорант, он разумом остер,
Раскинет для торговли приманчивый шатер,
Разложит на продажу шелка и самоцветы,
Изделия золотые: красавицам нравится это.
- 252 Пускай товары эти он отдает за грош.
Но голыми руками невесту не возьмешь,
Нам Хагенову дочку не высватать без боя.
Пусть Вате сам назначит, кого поведет за собою».
- 253 «Я не купец, а рыцарь,— сказал на это Вате,—
И не копил сокровищ, что в битвах были взяты,
А раздавал дружине. Таков уж мой обычай,
И я не знаю толка в шелках для забавы девичьей.
- 254 Хоть мне племянник Хорант пошел наперекор,
Он знает, что рассказы про Хагена не вздор.

Необычайной силой тот рыцарь обладает,
Наш умысел поймет он, тогда нас беда ожидает.

²⁵⁵ Не думаю, чтоб Хаген обидчиков простил.
Так вот, на нашем судне пусть выстроят настил,
Под ним дружину спрячут с оружием на случай,
Коль не отпустит с миром из Эйре нас витязь
могучий.

²⁵⁶ Во всем вооружении бойцов не меньше ста
Везти придется скрытно в те дальние места,
Да с Хорантом две сотни пускай торгуют вместе
В угоду знатым дамам и девушкам, близким
к невесте.

²⁵⁷ Еще три добрых барки пусть отрядят в поход,
Туда коней погрузят, еду на целый год.
А Хагену мы скажем, что после многих бедствий,
Покинув марку Штурмен, искали спасения
в бегстве.

²⁵⁸ Что господин наш Хетель к нам был неумолим;
И в королевский замок с дарами зачастим,
И к Хагену, и к Хильде проложим колею,
Тогда король охотно окажет нам милость свою.

²⁵⁹ Твердить мы станем дружно, как нами он ценим,
Как чтим его, и вскоре поладим, верно, с ним.
Правитель благосклонный скитальцам кров
предложит,
Накормит и напоит, и наше богатство умножит».

²⁶⁰ Спросил героев Хетель: «Раз так, тому и быть,
Когда же вы решитесь в Ирландию отплыть?»
Те молвили: «Как только повеет ветром вешним
И холода минуют, мы в замке появимся здешнем.

- 261 Тем временем готовьте заботливо для нас
Вы паруса и снасти, и весь морской припас.
Пусть барки и галеры построят корабель,
Чтоб, волны рассекая, суда оставались целы».
- 262 «Ну, с богом восвояси! — сказал король в ответ, —
На лошадей и платье вам тратиться не след,
Мы всех, кто едет с вами, так снарядим завидно,
Что в общество красавиц явиться им будет не
стыдно.»
- 263 Тут Вате попрощался и в Штурмен поскакал,
И Хорант, вместе с Фруте, откланиваться стал,
Домой в свои владенья они вернулись оба
И честно порешили служить господину до гроба.
- 264 В столице же настала горячая пора,
Суда изготовляя, трудились мастера,
В защиту от напора морских валов недобрых
Борта их возводили они на серебряных ребрах.
- 265 Под силу было мачтам снести любой удар,
Концы червлёных весел сияли, словно жар,
Оправленные золотом. Хозяин их богатый
Для плаванья такого велел не скупиться на траты.
- 266 А якорным канатам там не было цены,
Из дальней, аравийской возили их страны,
На свете не бывало прочнее этой снасти,
С ней в море хегелинги могли не бояться
нечастья.
- 267 Хозяин торопня их. От самого утра
До вечера тачали ветрила мастера;

Шелк абалийский, лучший для этого достали,
Полотнища сшивая, подручные сильно устали.

268 Кто может нам поверить? Ведь, правду говоря,
Из серебра ковали там даже якоря.

Одной высокой страстью охвачен Хетель был
И сам не знал покоя, и всех остальных торопил.

269 И вот уже на славу суда укреплены

И против нападений, и ярости волны,
Друзей позвал хозяин, чтоб ехать за девицей,
На каждого из храбрых он мог целиком

положиться.

270 Явился старый Вате из Штурмена на зов,

Сгибались его кони под тяжестью выюков
С серебряной монетой, с одеждой дорогой.

Бойцов четыре сотни привел к хегелингам герою.

271 Приехал смелый Хорант из Дании своей,

С ним получил правитель до тысячи людей,

Отправиться согласных в Ирландию со сватом.

Не преуспел бы Хетель, не будь он настолько
богатым.

272 Привел фрисландец Морунг сынов своей земли,

Их двести собиралось взойти на корабли,

Все были в крепких шлемах, защищены броней.

Вослед им прибыл Ирольт. Все Хетелю были

родней.

273 В Нортландии, где Ирольт трубил походный сбор.

Он каждому герою военный дал убор,

И если б Хетель ныне и отказал им в платье,

Никто б и не подумал просить о награде и плате.

- 274 Приветствовал их Хетель и милостью взыскал,
Он Ирольта сердечно за обе руки взял,
Сел вместе с Вате рядом, чтоб другу угодить.
И так как очень скоро бойцам предстояло отплыть,
- 275 Велел король дозором причалы обойти
И всё ли есть проверить, что надобно в пути.
Герои убедились, как корабли красивы,
В поход за милой Хильдой король снарядил их
на диво.
- 276 Две новые галеры на прочных якорях,
Да две добротных барки качалась на волнах,
И был корабль построен могучий, превосходный,
Каких никто доселе на глади не видывал водной.
- 277 Ну, в путь! На барки взяли и лошадей, и кладь.
И молвил другу Вате: «Хочу вам пожелать:
Храните бодрость духа, покуда мы вернемся,
А мы служить вам верно в далеком походе
беремся».
- 278 «Оберегайте, Вате,— король сказал в ответ,—
Бойцов, годами юных, от им грозящих бед,
Их, вовсе не привычных к опасным приключениям,
Для вас достойно будет своим паставлять
поучением.»
- 279 Старик сказал: «Какой бы нас жребий ни постиг,
Пусть будет дух ваш, Хетель, по-прежнему велик,
А щедрость беспредельна. Храните вашу землю.
Учить в дороге юных как рыцарский долг я
приемлю».

- 280 Сто витязей избрали, чтоб их на судне скрыть.
Коль хитростью удастся невесту заманить,
Им бой вести придется решительный и жаркий.
Перед отъездом Хетель дал всем дорогие подарки.
- 281 Меж тем датчанин Фруте уже наполнил ларь
Каменьями и златом, что дал им государь,
А жаловал сокровищ он сколько ни попросят,
Захочет что-то Фруте — так в тридцать раз больше
приносят.
- 282 Народ разнообразный отправился в поход,
И рыцари, и слуги — их было тридцать сот.
Весь берег обезлюдил, как будто перед битвой.
«Храни вас боже правый», — король проводил их
молитвой.
- 283 Промолвил верный Хорант: «Откиньте всякий
страх.
Когда мы к вам вернемся на полных парусах,
Прекрасная невеста предстанет вашим взорам».
Король охотно слушал, но путь их назад был
нескорым.
- 284 Он многих на прощанье в уста поцеловал.
Вослед им грустно глядя, король воображал
Возможные несчастья и всей душой жалел их,
Утешиться не мог он от страха за рыцарей
смелых.
- 285 Благоприятный ветер послали небеса,
Он, с севера дохнувши, наполнил паруса,
Суда бежали дружно к своей далекой цели.
Юнцов мужи учили, в морском натеревшие деле.

- 286 Не знаю, где за время далёкого пути
Могли герои место для отдыха найти,
Когда кругом синели одни морские дали.
Друг другу быть опорой все клятву торжественно
дали.
- 287 Хоть любо плыть им было по лону диких вод,
Всех утомил немало их тягостный поход,
В дороге отдыхали кому когда придется,
Ведь тот, кто волны пашет, с покоем и сном
расстается.
- 288 Всю тысячу по морю герои миль проплыли
До замка Балиана. Нам ложно говорили,
Что Хаген в это время сурово правил в Польше.
Обманывают дерзко, и всё это басни, не больше!
- 289 Лишь только хегелинги достигли этой цели,
Все жители в округе их с пристани узрели,
Дивились и гадали, чьи подданные это.
Приехавшие были в прекрасные платья одеты.
- 290 Корабль остановился. Спустили якоря
И паруса убрали, не тратя время зря.
А в королевском замке уж доложили вскоре
О том, что чужеземцы в Ирландию прибыли
с моря.
- 291 Они сошли на берег, сложили на песок
Все, чем людей пленяет и Запад, и Восток.
Богаты были гости: не издержав и марки,
Лишь собственным товаром наполнили доверху
барки.

- 292 Их шестьдесят иль больше, честным купцам под
стать,
В раскинутых палатках осталось торговать,
Начальником над ними был смелый Фруте сделан,
Датчанин был всех краше, и лучшее платье надел
он.
- 293 Владелец Балиана, поверивши вестям,
Решил к таким богатым наведаться гостям,
Он выехал на берег с дружинниками вместе,
А мнимые торговцы правителя встретили с честью.
- 294 Спросил король у Фруте, откуда держат путь,
Зачем сюда явились и кто такие суть.
«Торговые мы люди,— ответил рыцарь ложью,—
А с нами издалека богатые едут вельможи.»
- 295 Просить велел им Вате о грамоте охранной;
Гостям известно было, что повелитель чванный
Со всяким неугодным разделявался круто.
Но порученье Вате исполнил бестрепетно Фруте.
- 296 Сказал король: «Я дам вам письмо и провожатых,
А если кто обидит тех рыцарей богатых,
Он мной повешен будет, пощады не увидит,
Никто в моих владеньях приезжих господ не
обидит».
- 297 Тут были государю дары поднесены,
Изделья золотые неслыханной цены,
Хотя король ирландский не требовал с них денег
И подати с торговли иметь не хотел ни на
пфенниг.

- 298 Король благодарил их и ласков был, и чуток,
Сказал: «Хотя бы жить мне осталось трое суток,
За щедрость награжу вас и ваше не убудет,
А станете нуждаться, так пусть меня люди
осудят».
- 299 Свои подарки отдал правитель приближенным.
Понравились девицам и благородным женам
И кольца и браслеты, из золота литые,
Чеканные застёжки, венцы, пояса дорогие.
- 300 Жена и дочь героя доселе не встречали
Купцов, чтоб им подарки роскошнее вручали,
Изделия показались им царственно богаты.
Но тут свои гостинцы прислали им Хорант и Вате.
- 301 Здесь было много тканей тафтяных и парчи,
Сверканьем затмевавшей сияние свечи,—
Что перед нею пурпур, что даже шелк багдадский!
И лучше их полотен в земле не сыскалось датской.
- 302 И вслед за этим слуги внесли в дворцовый зал
Все сорок или больше роскошных покрывал.
Когда похвал возможно щедротами добиться,
То мы для хегелингов должны на хвалу не
скупиться.
- 303 Под седлами двенадцать кастильских жеребцов
Они на двор прислали и столько же щитов
С широкими краями, окованными золотом,
А что кольчуг, что шлемов — им не было вовсе
числа там.
- 304 С подарками сам Хорант к ирландцу прискакал
И с ним могучий Ирольт. Король уже узнал,

Что все князьями были они до той поры,
Да в этом убеждали и их дорогие дары.

305 Господ сопровождали дружинники к тому ж,
Их двадцать и четыре в отряде было душ.
Бойцы одеты были достойно восхищенья,
Как будто ожидало их в рыцарский сан
посвященье.

306 Стал Хагену вельможа какой-то говорить:
«Гостей за их щедроты вам надо наградить».
Богат был дикий Хаген, богаче, чем кто-либо,
Но от души сказал он гостям за подарки спасибо,

307 «В долгу я не останусь, покуда буду жить»,
И приказал дворецким подарки разложить —
Все ценные уборы, все платья друг за другом.
Как слуги нагладелись, пошли у них головы
кругом.

308 Один из них воскликнул: «Здесь много есть добра,
Бокалы золотые, ковши из серебра,
Их щедро украшают прекрасные каменья!
Все двадцать тысяч марок, должно быть, цена
подношения».

309 Король сказал на это: «Хвала таким гостям!
Я доблестной дружине сокровища раздам».
И разделил с бойцами дары по их желанью,
Храбрейших же особо дарил своей щедрою
дланью.

310 А Ирольта-нортландца и Хоранта король
Позвал в свои палаты отведать хлеб и соль,

Стал спрашивать, откуда они к нему приплыли:
«Таких даров прекрасных нам здесь никогда не
дарили».

311 Сказал отважный Хорант: «Я должен вам
открыться,
На честь и милость вашу в несчастье положиться:
Наследственные земли покинули мы оба,
А то грозит нам смертью владыки могучего злоба».

312 Спросил их дикий Хаген: «И кто же он таков,
Вас вынудивший кинуть свой край и отчий кров?
Вы рыцарственны духом, держись он мудрых
правил,
Таких мужей отважных он, верно, у трона б
оставил».

313 Спросил он, как зовется преследователь их,
Обрекший на изгнание вассалов удалых,
Кому одно осталось — бежать в чужие страны.
И молвил рыцарь Хорант: «Я все расскажу без
обмана».

314 Наш ненавистник — Хетель, он хегелингов вождь,
Славны его отвага, воинственность и мощь.
Он все у нас похитил не дрогнувшей рукой,
Тем тяжелей на сердце у нас от обиды такой».

315 Король сказал: «Прекрасно, что вы сюда явились,
Я возьму вам земли, которых вы лишились,
Из собственных владений воздам десятикратно.
Вам лев у Хегелинга просить не придется обратно».

316 И если вы отныне согласны мне служить,
Свой владенья с вами готов я разделить».

Оказывал ли Хетель вам этакую милость?

Я так вознагражу вас, как это вам даже не
снилось».

317 «Мы с радостью б остались,— последовал ответ,—
Да боязно, что Хетель погоню вышлет вслед,
Он, путь на Эйре зная, разведает и это
И мстить не перестанет, пока не сживет нас со
света.»

318 Двум знатным чужестранцам правитель молвил
тут:
«В Ирландии надежный вы сыщете приют,
Ваш недруг не посмеет войти в мои владенья,
Чтоб вам вредить, он этим и мне бы нанес
оскорбленце».

319 Велел устроить Хаген скитальцев на постой,
Чтоб каждый горожанин — и знатный, и простой —
Свое гостеприимство немедля оказал им
И послужил, чем может, героям, от странствий
усталым.

320 Тут стали горожане с охотою и тщанием
Готовить им жилища согласно приказаниям,
Они освободили их сорок или боле,
Чтоб рыцари и слуги могли отдохнуть на
приволье.

321 Перенесли на берег их дорогую кладь.
Лишь тем, кто был в засаде, постыло ожидать,
Пока посватать Хильду счастливый выйдет случай.
Бойцы предпочитали добыть ее в битве могучей.

322 Велел сказать хозяин гостям, что им вольно
Кормиться его хлебом и пить его вино,
Пока на землях ленных они свой двор устроят.
Ответил храбрый Фруте: «Нас это позором
покроет.

323 Когда бы в честь попали мы к Хетелю опять
И если б в наших замках привыкли утолять
Мы золотом наш голод, а жажду серебром,
И то бы прокормились своим, не заемным
добром».

324 Велел раскинуть Фруте с товарами шатер,
Никто в стране ирландской не видел до сих пор,
Чтоб у купцов заезжих так бойко шла продажа:
Прилавки опустели и дня не промедливши даже.

325 Ведь золото и камни там стоили пустяк,
А если появлялся на торжище бедняк,
Он получал покупки в подарок, без оплаты,
Сам Хаген восхищался, насколько купцы тороваты.

326 Одно сужденье было у многих на устах
О Вате и о Фруте, обоих смельчаках:
Они щедры безмерно, а ищут только чести.
Уже двора достигли о доблестных рыцарях вести.

327 Ведь много неимущих одели гости в шелк,
За них заимодавцам выплачивали долг.
Об этом и о многом, что так их украшало,
От молодых прислужниц дочь Хагена вскоре
узнала.

328 Красавица сказала: «Возлюбленный отец,
Вели, чтоб наши гости явились во дворец.

- 334 Сколь ни богат был Хаген, сколь ни был он спесив,
Он вышел им навстречу, привычкам изменив,
И королева встала, когда вошел в чертог
Суровый Вате — мнилось, что он улыбаться не мог.
- 335 Она сказала чинно: «С приездом! Вы желанны,
Мы оба с государем вам рады несказанно.
Вы в битвах утомились, как мы имеем вести,
Король, о вас заботясь, — о нашей заботится
чести».
- 336 За ласковые речи все поклонились ей.
Король, как подобает, за стол позвал гостей,
И слуги обнесли их прекраснейшим вином,
Какого не бывало нигде в королевстве ином.
- 337 Пируя и толкуя, шутили кто как мог,
А королева вскоре покинула чертог,
Отца она просила, чтоб гости от обеда
К ней в комнаты явились, где их ожидает беседа.
- 338 Исполнить эту просьбу правитель был не прочь,
И предстоящей встрече порадовалась дочь.
Наряды, украшения все женщины надели,
Все знатных чужестранцев увидеть поближе
хотели.
- 339 И молодую Хильду, и Хильду — ее мать
Служанки так убрали, что все могли понять
По гордой их осанке, по пышным их нарядам,
Что видят королеву с прекрасной наследницей
рядом.
- 340 Тут пригласили Вате к красавице. Хотя
Он был седой рубака, она — почти дитя,

Ей сердце подсказало: его бояться нужно,
Но рыцарю навстречу она поспешила радушно.

341 Был Вате принят первым. Ей стоило труда
Почтить его лобзанием. Седая борода
Была повита лентой и завивалась круто.
Сесть пригласила Хильда его я датчанина Фруте.

342 Тогда у кресел встали из вежества они.
Немало воевали мужи в былые дни,
В блестящие походы они вдвоем ходили
И оба громкой славой за это увенчаны были.

343 Тут королева с дочкой, желая пошутить,
Спросили, что для Вате милее может быть:
Сидеть ли в этом зале, в кругу красавиц чинном
Иль в грозных сечах биться, как это привычно
мужчинам.

344 Ответил старый Вате: «Я в битвах поседел.
С каким бы наслажденьем я с вами ни сидел,
Мне больше подобает и больше сердцу мило
С друзьями в сечу мчаться, чего бы она ни
сулила».

345 Красавица на это лишь рассмеялась вслух.
Знать, старому герою противен женский дух!
И долго смех и шутки не молкли в их светлице,
С другими храбрецами потом толковала девица.

346 Расспрашивала Хильда о рыцаре седом:
Как звать его? И есть ли у мужа лен и дом,
Супруга и ребенок? Его суровый вид
Внушает мысль, что редко он им свои ласки
дарит.

347 Один из датской свиты на это молвил ей:
«Оставил рыцарь дома супругу и детей,
Теперь во имя чести рискует он немалым —
Своим добром и жизнью. Был смододу Вате
удалым».

348 Тут Ирольт рассказал им, как старый рыцарь
смел.

Никто из государей доселе не имел
Вассала, чтоб отвагой мог с Вате поравняться.
Хоть он и кроток с виду, но все его гнева боятся.

349 Сказала королева: «Вам, Вате, мой совет:
Раз вы ушли в изгнанье и натерпелись бед
По воле Хегелинга, так здесь и поселитесь,
Вас ни один отсюда изгнать не осмелится витязь».

350 Ответил старый Вате: «Я сам страной владел,
Одеждой и конями дарил, кого хотел.
Стать ленником мне тошно. Нет, через год и
день я
Уже вернуть сумею свои родовые владенья».

351 Датчане с милой Хильдой простились наконец.
Она сказала: «Чаще являйтесь во дворец.
Сидеть у дам — в том нету урона для приличий».
«Мы чтили, — молвил Фруте, — на родине этот
обычай.»

352 Правитель предлагал им сокровища не раз,
Но слышал неизменно лишь вежливый отказ,
Герои не желали нимало одолжаться,
И видя их гордыню, король начинал огорчаться.

- 353 В гостях у государя досужею порой
Датчане развлекались любимую игрой,
За шахматами сидя, в потешном ли сражении,
И Хагена спешили уверить в своем уважении.
- 354 Таков уж был обычай ирландского двора:
Там, что ни день, потеха, забава да игра.
Пленял красавиц Хорант искусством разговора,
И дружбой государя мог Вате похвастаться скоро.
- 355 Отважный рыцарь Фруте блистал меж ними там,
Немногим был моложе он Вате по годам,
Седые кудри златом увиты у обоих,
Обоим честь и место везде, где нужда есть в
героях.
- 356 Лишь только господами овладевал задор,
Несли мечи и тарчи на королевский двор,
Рубить да отбиваться хватало там заботы,
Когда в щиты врезались мечи и железные дроты.
- 357 Спросил король у Вате и спутников его,
Знакомо ли датчанам такое мастерство,
С каким ирландец каждый умел обороняться.
С пренебреженьем Вате лишь мог про себя
рассмеяться.
- 358 Он молвил: «Я такого доселе не видал,
Но если б ту науку мне кто-то преподавал,
Я здесь остался б на год, пошел к нему в ученье
И другу за услугу не стал бы жалеть
награждения».
- 359 Король ему в угодую ответил: «Так и быть,
Мой лучший фехтовальщик придет тебя учить.

Ты выучишься скоро трем боевым ударам
И тем себя прославишь — ведь слава дается не даром».

360 Пришел его наставник, и начался урок,
Но тотчас защищаться был вынужден знаток,
Неуязвимый Вате был сам горазд сражаться,
И, зная это, Фруте от смеха не мог удержаться.

361 Подобно тигру, мастер выделявал прыжки
И только тем спасался от рыцарской руки.
Меч ученик обрушил на щит его со звоном,
Ударом искры высек, и мастер ушел
посрамленным.

362 Тогда воскликнул Хаген: «Подайте мне мой меч,
Я честным поединком хочу себя развлечь,
Чтоб и моим ударам друг Вате обучился
И был за то обязан». На это старик согласился.

363 «Но будь великодушен, — он молвил королю, —
Не нанеси мне раны, об этом я молю,
Чтоб мне не приходилось пред женами
срамиться.»
Хитрец! В искусстве ратном никто не умел с ним
сравниться.

364 Был Хаген в нападенье стремителен и скор,
Но чуял: гость опасен, как залитый костер.
Не ученик, а мастер, был Вате полон сил,
Хотя король удары без счета ему наносил.

365 Их мощью восторгались все люди как один.
Искусство Вате вскоре изведаль властелин

И сильно осердился. Король считал позором,
Что превосходство Вате всеобщим откроется
взорам.

365 А старый рыцарь силу еще приберегал.
«Продолжим поединок,— он Хагену сказал,—
Я был тобой обучен, и ты получишь плату.»
Как яростному саксу иль франку платил ему
Вате.

367 Окончить миром встречу они не соглашались,
От грома их ударов чертоги содрогались,
Так сильно ударили противники лихие,
Что наземь отлетели наверхья мечей золотые.

368 Но вот герои сели. Никто не победил.
«Вы вздумали учиться? — хозяин спросил.—
Я не встречал, однако, еще такого доки,
Ни у кого охотней и сам я не брал бы уроки.»

369 Сказал Ирландцу Ирольт: «Прибегнув к поединку,
Вы мерялись силой. Нам это не в новинку,
На родине мы чтим отцовское преданье,
Там юноши и мужи вели что ни день состязанья».

370 И тут признался Хаген: «Когда б я это знал,
Щита или булата и в руки бы не взял.
Ученика смышленей, чем Вате, не бывало».
Всех в зале насмешил он своими словами немало.

371 Развеселившись духом, велел король опять,
Кому и как угодно, забавы продолжать.
Нортландцы удалые откладывать не стали,
Они бросали камни и длинные копьа метали.

VI аventura Как сладко пел Хорант

- 372 Случилось, что однажды, вечернею порой,
Запел воитель датский, прославленный герой,
И пел он так прекрасно, что стихли разговоры,
И люди замолчали и птиц очарованных хоры.
- 373 Заслушался и Хаген со свитою своею,—
Датчанин Хорант много обрел тогда друзей,—
Внимала ему чутко из башни королева,
К ней в окна долетали приятные звуки напева.
- 374 Владычица сказала: «Ах, что за песня?
Мелодии не знаю на свете я чудесней.
Сам бог на небе сущий в своей красе и силе
Велит, чтоб эту песню и люди мои разучили».
- 375 Тут Хильда приказала певца к себе позвать,
Чтоб Хоранту спасибо сердечное сказать
За то, что вечер скрасил он ей своим искусством.
Все дамы восхищались, и рыцарь мог верить их
чувствам.
- 376 Сказала королева: «Пропойте еще раз
Напев, который нынче слыхала я от вас,
И каждый день дарите меня в часы заката
Своей прекрасной песней, а я награжу вас богато».
- 377 «За ласковое слово, коль это не во гнев,
Я рад в любое время пропеть такой напев,
Что, кто его услышит, забудет боль и муки,
И все его заботы разгонят сладчайшие звуки.»

- 378 И, так ответив даме, простился с нею он,
И вскоре был за песни богато награжден.
Нигде не воздавали ему такую мерой,
Но Хетелю служил он по-прежнему правдой и
верой.
- 379 Лишь только тьму ночную рассеяла денница,
Запел датчанин сладко, и, слыша это, птицы
В шиповнике душистом свои прервали трели,
И люди пробудились, спешили покинуть постели.
- 380 А голос заливался, все силу набирал,
В объятиях супруги король ему внимал,
Их выманил из дому тот сладкий звук напевный
И, прогоняя дрему, коснулся ушей королевы.
- 381 Последница престола и круг ее девиц
Заметили молчание звонкоголосых птиц,
Хоть во дворе на ветках сидело их немало.
Лишь Хорантовой песне дружина безмолвно
внимала.
- 382 Певцу за наслажденье был благодарен всяк,
Но Фруте молвил: «Лучше б умолкнул мой свояк,
Он так нескладно тянет, что только горло трудит,
Каких это влюбленных он утренней песнею
будит?»
- 383 Тут воины вступились: «Зачем певца хулить?
Он песней и больного способен исцелить».
А сам король ирландский, что из покоев вышел,
Промолвил: «Слава богу, что я его пение слышал».
- 384 Три долгих песни спел он, но были коротки,
По мнению внимавших, они, как взмах руки,

И если б ехал всадник сто миль под это пенье,
Ему бы показалось, что минуло только мгновенье.

385 Когда певец умолкнул и удалился прочь,
Ирландского владыки единственная дочь,
Развеселившись духом, оделась спозаранку
И за отцом послала свою молодую служанку.

386 Король пришел в светлицу, где дочь его ждала,
И, ластясь как ребенок, она его взяла
Рукой за подбородок: «Ах, батюшка мой милый,
Пусть при дворе поет он с таким же искусством
и силой».

387 Сказал король: «Коль рыцарь захочет петь для
дам,
Я тысячу в награду за это фунтов дам,
Но горделивы гости и рыцарь Хорант тоже,
Как шпильманам обычным им петь в нашем доме
негоже».

388 Он попрощался с девой, сказав: «Не прекословь».
И тут лукавый Хорант залился песней вновь
Еще нежней, чем прежде. Болящих и здоровых,
Он всех держал на месте в звучащих медвяных
оковах.

389 Остановились звери, в лесу свой лов прервав,
Оцепенели гады среди высоких трав,
И рыбы не мугили серебряные струи,—
Певец своим искусством их всех покорила,
торжествуя.

- 390 И как ни долго пел он, людей не утомил,
Им хор церковный стройный уж больше не был
мил,
Не умилял, как прежде, и колокольный звон,
Кто Хоранта услышал, тот был только им и
пленен.
- 391 Тогда велела Хильда певца к себе позвать,
Но так, чтоб не узнали ее отец и мать,
И слугам наказала: «Вы не проговоритесь,
Что в девичьи покои тайком приходил ко мне
внтязь».
- 392 За службу хитрый стольник стяжал богатый дар,
Всю дюжину браслетов, сверкающих как жар,
Из золота литого — ни много и ни мало —
За то, что королева певца у себя принимала.
- 393 Он к ней пришел украдкой и втайне ликовал,
Что Хагеновой дочки доверие спискал,
Он прибыл издалека, чтоб покорить девицу,
И песнями своими сумел этой цели добиться.
- 394 Красавица велела слуге у двери стать,
Чтоб гостя ненароком никто не мог застать,
Покуда пропоеет он все дивные напевы.
И только юный Морунг с певцом оставался
у девы.
- 395 Отважного героя она просила сесть.
«Я жажду ваших песен, и это все не лесть,
Меня живит ваш голос, чьи звонкие рулады
Превыше всех сокровищ, желаннее всякой
отрады.»

- 396 «Когда своею песней я вас могу развлечь
И голову не снимет мне дикий Хаген с плеч,
Я рыцарски и верно служить вам не премину,
Чтоб вас склонить поехать в страну к моему
господину.»
- 397 Он затянул амильский напев арабских стран,
Доселе не известный в домах у христиан,
Им слышанный когда-то у дикого потока.
Так послужил ей Хорант и деву растрогал глубоко.
- 398 Когда прекрасной песни умолк последний звук,
Красавица сказала: «Спасибо тебе, друг».
Спяла кольцо золотое, какого краше нету,
Сказав: «От всей души я дарю вам безделицу эту».
- 399 И милость ее клятвой была подкреплена,
Что если бы короны сподобилась она,
Певец бы не скитался и не терпел урона,
А с честью бы остался вблизи королевского трона.
- 400 Дары давала Хильда, — он их не пожелал,
А попросил лишь пояс, что деву украшал:
«Пусть люди не осудят, что дар мне не по чину,
Я этот дар бесценный отдам моему господину».
- 401 Спросила дева: «Кто он? Как господина звать?
Владеет ли короной? Могу пообещать,
Раз ты герою предан, любить его тем паче».
Ответил Хорант: «В мире нет этого князя богаче».
- 402 Коль нас никто не выдаст, владычица моя,
Скажу, зачем приплыли мы в дальние края:
Тебя единой ради послал нас повелитель
Сюда, в чужую землю, где правит твой грозный
родитель».

403 Она спросила: «Что же он хочет наконец?
Хочу ли я того же, скажу тебе, гонец,
При нашем расставанье». Веселие посланца
Тем временем угасло от страха пред гневом
ирландца.

404 Но верный господину, он деве молвил вновь:
«К тебе питает Хетель высокую любовь,
Твоей, девица, ласки, как милости, он просит,
Тобой одной плененный, он женщин других не
выносит...»

405 Сказала дева: «Боже, героя награди!
Хочу, коль он мне ровня, прильнуть к его груди,
Лишь только б на рассвете ты песни пел мне
сладко».

Ответил Хорант: «В этом не будет у вас
недостатка.

406 Певцы, а их двенадцать у князя моего,
Поют звонкоголосо, прекрасней моего
И двор своею песней чаруют ежедневно,
Но всех поет чудесней сам Хетель, моя
королевна».

407 «Ну, если так искусно умеет Хетель петь,—
Сказала королевна,— он будет мной владеть,
На зов любви пошла бы по морю и по суку,
Когда б отцу родному перечить хватило мне
духу.»

408 И тут промолвил Морунг: «У нас семьсот бойцов,
На подвиг и на плаху любой из них готов.

Он рыцарства зеркало! Родные брат с сестрою —
Мой собственный родитель и мать молодого
героя».

415 Спросила дева: «Как же зовется рыцарь твой?»
Слуга ответил: «Хорант, датчанин удалой.
Не носит он короны, но стоит этой чести.
Расстались мы, а прежде служили у Хетеля
вместе».

416 В слуге отважный Морунг вдруг рыцаря узнал,
Кого закон суровый из их страны изгнал.
Блеснула на реснице у Морунга слеза.
Участливо девица ему поглядела в глаза.

417 И стольник видел: очи у Морунга влажны.
«Сударыня,— сказал он,— помочь вы нам должны,
Ведь эти два героя — мне родственники оба.
Я сам беречь их буду от всяческой мести и
злобы.»

418 Сосала его сердце тревога за гостей.
«Коль госпожа позволит,— он обратился к ней,—
Я расцелую близких. Давно мы были вместе,
С тех пор я не имею о Хетеле верных известий.»

419 Та молвила: «Коль рыцарь — двоюродный твой
брат,
Он станет мне милее еще во много крат.
Поведай эту новость отцу, и может статься,
Что он уговорит их в Ирландии дольше остаться».

420 Тут Морунг, с верным другом уединясь, как
встарь,
Сказал ему, что в Эйре послал их государь

На корабле по морю, навстречу бурям, грозам,
С одною тайной целью — добыть королеву увозом.

421 Друг молвил: «Две заботы слились в душе моей —
О чести государя и как спасти друзей
От Хагенова гнева. Узнает грозный витязь,
Что вы пришли за девой, так оба вы жизни
лишиться».

422 Сказал на это Хорант: «Так слушай же меня.
Мы свой отъезд объявим через четыре дня,
Как станем расставаться с хозяином богатым,
Дарить король нас станет конями, одеждой и
златом.

423 А мы свое заладим: Нам не нужны подарки,
Пусть только взглянет Хаген на корабли и барки,
Пускай придет на берег, окажет эту милость,
И пусть бы королева с их дочерью тоже явилась.

424 Исполнится все это, тогда забота с плеч!
Считай, что мы у цели, и я могу предречь,
Что если к нам на берег отпросится девица,
То вскоре юный Хетель любовью ее насладится».

425 Украдкой хитрый стольник их вывел из дворца,
И все осталось скрытым от грозного отца.
Ценить им надо было такого друга! Вскоре
Датчане оказались уже у себя на подворье.

426 И только старый Вате, родная с ними кровь,
Услышал, что питает красавица любовь
К их другу Хегелингу. Они между собою
Тайком совет держали, как Хильду доставить
к герцогу.

- 427 Старик сказал: «Не просто нам выполнить зарок.
Вот если б дева раньше ступила за порог,
Когда еще с Ирландцем не мерялся я силой,
Ее бы увели мы из девичьей кельи постылой».
- 428 Их общий сговор тайна скрепила, как печать,
И порешили — сборы к отплытию начать,
Бойцам о том сказали, что в тайнике сидели,
Тем рыцарям давно уж безделье да лень надоели.
- 429 Собрали хегелинги дружинников своих,
И вскоре грозный шепот послышался меж них:
«Довольно от Ирландца несчастных потерпело!
Ужо ему! Датчане стоят за ,достойное дело».
- 430 А через трое суток их при дворе узрели.
Богатые наряды все рыцари надели.
Они намеревались в обратный путь пуститься
И с Хагеном и свитой явились достойно
проститься.
- 431 Сказал король: «Ну чем же вам мой предел не
мил?
Я все свое старанье на то употребил,
Чтоб сделать эти земли приятней вам и ближе,
А вы теперь покинуть меня захотели, я вижу».
- 432 «Послал за нами Хетель, — ответил их главарь, —
Мириться с нами хочет могучий государь,
По нас горюют дети и наши домочадцы,
И плачут наши жены. Король, мы должны
возвращаться.»

- 433 Промолвил дикий Хаген: «Мне жалко вас терять.
За все подарки ваши благоволите взять
Моих коней и платья, и золото, и каменья,
Чтоб от суда людского нам ждать не пришлось
осуждения».
- 434 Ответил старый Вате: «Я чересчур богат,
Чтоб увозить с собою отсюда новый клад,
Опять попали в милость мои друзья и братья.
Нет, не простит нам Хетель, коль дар ваш
осмелюсь принять я.
- 435 Однако же другое у нас желанье есть,
Изволите исполнить — окажете нам честь.
Вы только полюбуйтесь на все наши запасы:
С избытком на три года нам хватит и хлеба,
и мяса,
- 436 В пути на доброй пище не оскудеет плоть.
А вас и вашу славу пусть охранит господь.
Но время на исходе, пришла пора проститься,
Молю хозяев знатных за нами на берег
спуститься.
- 437 Пусть госпожи — супруга и дочь короля —
Придут полюбоваться убранством корабля,
Такое посещение — нам почесть и награда.
Оно нас осчастливит, нам лучших подарков не
надо».
- 438 «Ну, раз вы не хотите остаться при дворе,—
Сказал король учтиво,— я завтра на заре
Велю коней готовить в дорогу нашим дамам
И с ними сам поеду, чтоб вас успокоить тем
самым.»

- ⁴³⁹ Простившись, хегелинги ушли на корабли,
Тем вечером на берег они перенесли
Вино и много снеди, чтоб на другое утро
Им налегке отчалить, как Фруте рассчитывал
мудро.

VII авентюра
Как девы осматривали корабль
и были увезены

- ⁴⁴⁰ Лишь равнюю обедню прослушали с утра,
Отправились на пристань все женщины двора,
Нарядами красуясь одна перед другою,
И тысячной толпою им вслед поскакали герои.
- ⁴⁴¹ И гости в Балиане всю службу отстояли,
Не ведал дикий Хаген, что беды его ждали,
Что самой его чести датчане угрожают,
Что с доброй славой вместе он дочь навсегда
потеряет.
- ⁴⁴² Когда они достигли стоянки кораблей,
Спустились обе Хильды со свитою своей,
Сгорая любопытством, на берег моря гладкий.
Их ждал корабль, и настезь распахнуты были
палатки.
- ⁴⁴³ Сам Хаген любовался на редкостный товар —
Изделия золотые, сверкавшие как жар,
Когда же нагляделись все рыцари на это,
То девушкам и женам купцы подарили браслеты.

- 444 Король ушел на барку припасы посмотреть,
Но только кладовую успели отпереть,
Как якорные цепи и крепкие канаты
Со дна морского выбрать велел своим воинам
Вате.
- 445 Его не беспокоил объяввший женщин страх
И что погибнуть могут все ценности в шатрах.
Тут Хильду оттеснили от старой королевы,
И те, кто был в засаде, обстали их справа и
слева.
- 446 Уж подняли ветрила на кораблях гостей.
Кого столкнули за борт, тот вымок до костей,
Носясь в волнах, как птицы, они спасали души.
Хозяйка Мателаны о дочке рыдала на суше.
- 447 Когда бойцов оружных сам Хаген увидал,
То яростно и гневно воптель закричал:
«Скорее принесите мне дрот и копыя тоже,
Я собственной рукою фальшивых друзей
уничтожу.»
- 448 Сказал с насмешкой Морунг: «Вам нечего
спешить,
Мы всех утопим в море, кто хочет нас решить,
Хотя бы десять сотен с оружием приспели,
Для всех найдется место в холодной, соленой
купели.
- 449 А Хагеновым людям осталось лишь одно:
Так бросились на приступ, что обнажилось дно.
Их копыя засвистели, мечи огнем сверкнули,
Но гости, сев на весла, от берега барки толкнули.

⁴⁵⁰ Вскочить на барку Вате одним прыжком успел,
Так что тяжелый панцирь на Вате зазвенел,
Герой спешил за Хильдой, взяв рыцарей с собой.
А гордые ирландцы готовились ринуться в бой.

⁴⁵¹ Во всем вооруженье сам Хаген с ними шел,
Был меч его двуручный огромен и тяжел,
Промешкай еще Вате, бежать бы было поздно,
Свое копые вздымая, король их преследовал
грозно.

⁴⁵² Он голосом громовым погоню торопил,
И в каждом из героев решительность будил.
Когда бы еще мог он обидчиков настигнуть,
В петле или на плахе пришлось бы датчанам
погибнуть.

⁴⁵³ Собрал правитель вскоре бесчисленную рать,
Но беглецов на море им было не догнать:
Все корабли разошлись, их днища прохудились,
Для длительной погони, как видно, они не
годились.

⁴⁵⁴ Не знал король, что делать, как им идти в поход,
И порешил, что надо построить новый флот.
Он приказал явиться умелым корабелям,
И множество отважных пришли помогать ему
делом.

⁴⁵⁵ А на седьмое утро они пустились в путь.
Бойцов отправил Хетель, чтоб Хильду умыкнуть.
Лишь тысячу, не больше. Ирландские герои,
Вдогонку отправляясь, числом превышали их
втрое.

- 456 А к Хетелю датчане отправили гонца
Уведомить, что долг их исполнен до конца:
Красавицу достали и с ней придут вскоре.
Они еще не знали, что им уготовано горе.
- 457 Развеселился Хетель, гонца услышав речь.
«Не снится ль мне все это? Теперь забота с плеч!
Я рад, что потрудились друзья мои успешно,
Живыми воротились, о ком я скорбел безуменно.
- 458 Коль ты, гонец бесценный, мне правду говоришь
И в этот миг блаженный душою не кривишь,
Что видел в датских водах друзей с невестой
вместе,
Я золотом осыплю тебя за прекрасные вести.»
- 459 «Скажу вам без обмана, что Хильду я видал.
Когда прекрасной девой испуг овладевал.
Мы много миль проплыли, а слышу — дева стонет,
Уста ее твердили: „Боюсь, что отец нас догонит“.»
- 460 Был вестнику подарок пожалован затем:
Ценою во сто марок булатный меч и шлем,
И вынесли герою щитов узорных много.
А двор навстречу Хильде уже собирался в дорогу.
- 461 Тут всю свою дружину, всех рыцарей своих,
Как следует по чину, решил созвать жених
И пригласить в дорогу всю свиту равным счетом,
Чтоб встретить королеву с еще небывалым
почетом.
- 462 Поспешны были сборы, но, несмотря на спех,
Собрал король нескоро с собой в дорогу тех,

- Кому принять радушно дочь Хагена пристало.
Их тысяча или больше на зов короля прискакало.
- ⁴⁶³ Что бедный, что богатый — хорош у всех наряд,
На всех блестят доспехи от шеи и до пят,
В дорогу за невестой собрались целым роем,
Везти ее на место мечталось отважным героям.
- ⁴⁶⁴ Был шумным и веселым их из дому отъезд,
И по горам и долам вел путь из этих мест,
Все люди выбегали на них полюбовагься,
Свиданья с милой Хильдой не мог повелитель
дождаться.
- ⁴⁶⁵ А старый воин Вате друзьям велел сойти
На берег марки Валейс, лежащей на пути,
Суда на якорь стали в тех дружественных водах:
И рыцари устали, и дамам был надобен отдых.
- ⁴⁶⁶ У пристани велели разбить они шатры
И здесь в тиши хотели остаться до поры,
Тут люди рассказали им радостные вести:
Король из дальней дали к ним едет со свитой
вместе.
- ⁴⁶⁷ Он мчится к нареченной, душой повеселев,
Со всей дружиной конной. Толпа плененных дев
Ждала, что их отправят с почтением в столицу,
Никто из них не думал, что битва еще
приключится.
- ⁴⁶⁸ Совсем не опасались и рыцари врага,
Не верили, что в Валейс, на эти берега
За Хильдою нагрянет отец ее, конечно,
Бойцы расположились на длительный отдых
беспечно.

- 469 Хватало им в достатке и хлеба, и вина.
Им жители в палатки доставили сполна
Всего, чего бы гости у них ни попросили.
Чего душа желает, все было у них в изобилии.
- 470 А Хетель был уж близко. Он в Вaleyсе поспешил,
В ту марку, что в наследство когда-то получил,
С ним рыцари скакали, им созданные прежде,
В броне из светлой стали, в блестящей
кольчужной одежде.
- 471 А в Вaleyсе в то время дружина всей гурьбой
Потешное сраженье вела между собой.
Стяжать награду юным предоставляя случай,
Отправились по дюнам и Фруте, и Вате могучий.
- 472 К ним Хетель приближался. Любовью окрылен,
Коню давая шпоры, галопом мчался он
И заметил лучших, двух воинов бывалых
В числе бойцов могучих, он в Эйре за Хильдой
послал их.
- 473 И им отрадно было на Хетеля смотреть.
Учиться веселиться им предстояло впредь,
Они познали горе в чужих краях немилых,
Но щедрый Хетель вскоре с лихвою за все
наградил их.
- 474 Приветствовал лобзанием седых бойцов король,
Свиданьем с ними счастлив, как никогда дотоль,
Сильнее наслажденье он испытал едва ли.
Но лучшие мгновенья герою еще предстояли.

- 475 Душа его воспряла, прошла былая боль.
«Любезные посланцы,— сказал друзьям король,—
Без вас мы испытали жестокие мученья,
Я думал вы попали в Ирландии все в заточенье.»
- 476 Ответил старый Вате: «Бог миловал по счастью.
Но знайте: дикий Хаген всех превосходит
властью,
В тех землях каждый житель мнит о себе высоко,
А гордый их правитель как рыцарь не знает
упрека.»
- 477 Советник прозорливый придумал в добрый час
Вам дать совет счастливый. Исполнен ваш
приказ.
Мы привезли вам деву, и я скажу не ложно,
Милей ее и краше на свете сыскать невозможно.»
- 478 «Враг дерзок,— молвил Хетель,— и явится как раз.
Как можно поспешите, здесь нужен глаз да глаз,
Не то свирепый Хаген врасплох нагрянет ныне
И нам хлопот доставит в своей непомерной
гордыне.»
- 479 Пустились оба свата к стоянке корабля,
А вслед за Фруте с Вате — все люди короля,
Чтоб засветло поспеть им к высокородной даме,
Кто знал, что много шлемов порублено будет
мечами!
- 480 Шла Хильда с пышной свитой, и, приближаясь
к ней,
Герои-хегелинги уже сошли с коней

- И по траве зеленой пошли за рядом ряд.
Был рад король влюбленный, был каждый слуга
его рад.
- 481 Сопровождали деву — им выпал этот приз —
Нортландец Ирольт слева, а справа Морунг-фриз.
И Хетеля с дружиной завидели все трое.
Тогда решила Хильда почтительно встретить
героя.
- 482 За ней на расстоянии шли двадцать юных дев,
Льняные одеяния белейшие надев,
Поверх шелка сияли, не знающие равных,
И чудно украшали прекрасных девиц
благонравных.
- 483 Героя обласкала приветствием своим
Та, что потом корону носила вместе с ним,
Слова учливой речи герою были любы,
Обняв, поцеловал он свою нареченную в губы.
- 484 Подруг ее приветом не обошел жених.
Была одна при этом красавица меж них,
Она происходила от царственного древа.
В плену у злого грифа когда-то жила эта дева.
- 485 На землях португальских, в чертогах рождена,
Девушка Хильдебургой была наречена,
И в Эйре королева, любя ее, растила,
Но дева на чужбине о родине дальней
грустила,
- 486 Все пленницы ссыскали у Хетеля почет
И думали с надеждой, что мирно потечет

Житье у них. Напрасно! Затем что на рассвете
Заботы и тревоги надежды развеяли эти.

- 487 Отменный Хильдебурге оказан был прием.
Дочь Хагена уселась с подругою вдвоем,
Над ними — легкий полог, кругом — цветы и
травы,
Но Хаген был уж близко, и бой приближался
кровавый.

VIII авентюра

Как Хаген поехал за своей дочерью

- 488 Был день уж на исходе, когда, взглянув окрест,
Заметил Хорант парус — там был начертан крест,
Различные фигуры поверх креста сияли,
Те знаки ненавистных для Вате гостей
предвещали.

- 489 Отважный Морунг громко тут к Ирольту воззвал:
«Скажите государю, кого несет к нам вал.
Я вижу герб Ирландца на парусе косматом.
Мы слишком долго спали, нам бой предстоит
с супостатом».

- 490 Дошла до государя нерадостная весть,
Что к ним привел из Эйре его суровый тесть
И корабли, и барки, и новые галеры.
Король решал с друзьями, какие тут надобны
меры.

- 491 И Хильда услышала ту новость наконец,
Красавица сказала: «Коль явится отец,
Он свой приход означит таким ужасным делом,
Что много жен заплачут над домом своим
опустелым».
- 492 Ответил Ирольт деве: «Мы бой предотвратим,
Пусть он свиреп во гневе и мстью одержим.
Я отдал бы любое, хотя б и гору злата,
Чтоб не увидеть боя меж Хагеном диким и Вате».
- 493 Заплакали в печали все девушки тогда.
Валы дыбясь качали ирландские суда,
Вечерний ветер много бойцов доставил в Валейс,
Кровавые постели им в битве жестокой достались.
- 494 На барку старый воин отправил дев, и тут
Надежный был устроен красавицам приют,
Со всех сторон ограда — щиты из крепкой стали,
Сто рыцарей иль больше прекрасных девиц
защищали.
- 495 Приготовлялись к битве отважные мужи,
Все, кто причастны были к увозу госпожи
Из вотчины ирландской, отцу ее на горе.
А сколько их цветущих погибнуть должны были
вскоре!
- 496 И Хетеля на поле раздался зычный глас:
«Друзья мои, сражайтесь! Я каждого из вас
Казною золотою вознагражу без меры.
Запомните: для боя ирландцы стянули галеры».
- 497 С оружием бросались они на берег в бой,
И содрогался Валейс от жаркой сечи той,

Как будто захотели полечь на поле чести
В одной большой постели и други и недруги

вместе.

- 498 Явился дикий Хаген к черте береговой,
Метать он начал копьа могучею рукой,
Стоявшие на дюнах мужи оборонялись
От натиска ирландцев, и раны у всех умножались.
- 499 И кто захочет даром дитя свое отдать,
Когда одним ударом он может высекать
Из светлых шлемов искры, сверкающие грозно!
Раскаивалась Хильда в побеге из дома, да поздно.
- 500 И вновь метали копьа бойцы из стана в стан
И много наносили друг другу тяжких ран
Сквозь крепкие кольчуги, пронзая сталью тело,
И от горячей крови морская волна покраснела.
- 501 Король вскричал — и с моря раздался грохот волн,
Ему как будто вторя. Был Хаген силы полн,
Он звал друзей на приступ: «Умножим вражьи
раны!»
Вступить на эту землю всем рыцарям было
желанно.
- 502 Тут Хаген в воду прыгнул и поспешил вперед,
Героя гнев подвигнул перебираться вброд,
А стрелы хегелингов, как будто хлопья снега,
Воителю навстречу летели с высокого берега.
- 503 Был Хаген близок к цели, он вышел на песок,
Кругом мечи звенели, бой делался жесток,
У самой кромки моря он Хетеля узрел,
Король сражался славно и много врагов одолел.

- 504 Вкруг Хагена раздался мечей надсадный звон,
Но тех, кто приближался, бежать заставил он,
Тогда сам Хетель вышел к разгневанному тестю.
Рыдала горько Хильда при этом печальном
известии.
- 505 С отвагой беспримерной и не жалея сил
Отряд ирландцев верных уж берег захватил.
Что племов раскололи в бою за королеву!
Бойцы на бранном поле сражались свирепо
и гневно.
- 506 Но тут явился Фруте и Вате подошел,
Бойцов для битвы лютой он тыеячу привел,
Рубились хегелинги и раны наносили,
Направо и налево гостей ненавистных косили.
- 507 И вот что было чудом, как знаем мы из книг,
Как ни силен был Хаген, но перед ним не свик
Владыка хегелингов. Они сходиться стали,
Тут шлемы зазвенели, стальные мечи забряцали.
- 508 Изведал дикий Хаген, как юный воин рьян.
Датчане, хегелинги, страдавшие от ран,
Не покидали сечи, стояли брат за брата,
И Хетелю на помощь послали за доблестным Вате.
- 509 Нескоро укротили два короля свой пыл.
Отважный Хетель ранен рукою тестя был,
Но тут явились Ирольт и Морунг с Вате смелым,
Бойцы, свою отвагу не раз доказавшие делом.
- 510 Мечом могучий Хаген дорогу проторил
В толпе датчан. Он мстил им и раны наносил
За прежние услуги и похищенье девы,
И вспарывал кольчуги, пылая от боли и гнева.

- 511 Булатом не насытил он мщенье свое,
Иных бойцов добило тяжелое копьё,
Кому уже в отчизну вовек не воротиться,
Победами своими уже никогда не хвалиться.
- 512 Но тут пришел на помощь к ним Вате, верный
друг.
Он видел: кровь струится с разрубленных кольчуг
Героев соплеменных. Ни много и ни мало —
Всего на бранном поле пятьсот их недвижно
лежало.
- 513 Друзья, враги смешались в одной толпе. Кругом
Звенела сталь. Над войском стоял и шум, и гром.
А дикий Хаген с Вате уже сошлись грудь
к груди,
Их в страхе сторонились в бою уцелевшие люди.
- 514 Обрушил Хаген дикий на Вате сталь меча,
Он воин был великий и тяжко бил сплеча,
От светлых шлемов искры, как в кузнице, летели.
Здесь оба были быстры и славно рубиться умели.
- 515 Ударил Вате с маху, и дрогнула земля,
Всех дев трясло от страха. Датчане короля
Меж тем перевязали, и, притерпевшись к боли,
Спросил отважный Хетель, где Вате найти ему
в поле.
- 516 Лицом к лицу с Ирландцем он родича нашел,
«Сам дьявол над князьями» с копьём на Вате шел,
Но старый воин встретил удары бестревожно.
Как оба смело бились, тут много рассказывать
можно.

- 517 На щит героя Хаген направил острие,
Но добрый щит был крепок, и треснуло копьё.
Никто на свете с Вате в бою не мог сравниться,
И от руки Ирландца старик не хотел уклониться.
- 518: Ударил его в темя свирепый Хаген так,
Что кровь через прокладку окрасила шишак,
Обдуло ветром Вате и остудило рану.
Был близок час заката, но битву кончать было
рано.
- 519 Вернул удар свирепый разгневанный смельчак,
Кровавыми слезами умылся его враг,
На шлеме от удара застежка отлетела,
Сверкнули искры яро. В глазах короля потемнело.
- 520 Был ранен также Ирольт, нортландец удалой,
Хоть много уложил он врагов своей рукой,
Но бой Ирландца с Вате был упредить не в силах.
Рыдали горько девы, оружия звон утомил их.
- 521 А королевна Хильда, печалась без конца,
Просила, чтобы Хетель ей вызволил отца
Из поединка с Вате. Тогда король героически
Велел знаменоносцу на приступ вести свое войско.
- 522 Отважно бился Хетель. Он к Вате подступил,
Хоть был бойцу седому приход его не мил,
И к Хагену воззвал он: «Для вашей вящей славы
Кончайте бой, избавьте бойцов от кровавой
расправы».
- 523 Спросил Ирландец громко,— он яростью пылал:
«Кто это просит мира?» И Хетель отвечал;

- 530 Он собственные раны сперва перевязал,
Потом травы, пригодной для врачеванья, взял
И драгоценный пластырь, что был при нем
в дороге.
А королева Хильда упала воителю в ноги.
- 531 «Отца спаси мне, Вате, и исцели от мук.
Я все, что ты прикажешь, исполню, милый друг,
Лежат его герои, ты приведи их в чувство,
Сподвижникам отцовым твое да поможет
искусство.
- 532 Уважь и хегелингов: береговой песок
От их горячей крови, как от дождя, намок,
Ты не забудь их, Вате, и возврати им силы.
Одно скажу: чревато бедою их странствие было.»
- 533 Старик сказал: «Не стану я исцелять гостей
И врачевать их раны, не получив вестей,
Что мой король и Хаген поладили друг с другом,
Пускай хоть все ирландцы дотоле томятся
недугом».
- 534 У знатной девы слезы катились по лицу.
«Ах, если бы я смела отправиться к отцу!
Ослушница, не смею его приветом встретить,
Он может мне на ласку презрением только
ответить.»
- 535 Тогда отца спросили: «Прославленный воитель,
Вы дочь свою увидеть прекрасную хотите ль?
У ней одно желанье — сказать слова привета
И вам смягчить страданья, коль вы ей позволите
это».

836 «Я дочь хочу увидеть,— сказал король в ответ,—
И буду рад услышать из уст ее привет.
В чужом краю с ней встречи мне избегать ужели?
Пусть Хетель скрасит горе, что с дочерью мы
претерпели.»

537 Тогда датчанин Хорант к отцу ее повел,
И благородный Морунг с ней неотступно шел,
И дева Хильдебурга, что верно ей служила.
Был дорог Хильде Хетель, но сердце о близких
тужило.

538 Лишь Хильду со служанкой вблизи узрел король,
Как он вскочил с сиденья, преодолая боль,
И молвил: «Здравствуй, дочка, младая королевна,
Не стану притворяться, я рад тебя видеть
душевно».

539 Так произнес он с лаской. Чтоб девам не
скорбеть,
Он раны под повязкой им не дал осмотреть
И отослал в сторонку. А Вате взялся рьяно,
Дабы утешить Хильду, лечить его тяжкие раны.

540 Он пластыри и мази на раны наложил,
И этим раны князя он сразу заживил,
От мук его избавил, прибегнув к разным травам,
И Хильда, воротившись, узрела родителя здоровым.

541 А мудрый врачеватель без дела не сидел.
Когда бы злато брать он за лекарство хотел,
То увезти не мог бы его и на верблюде.
Такого чудодея не знали до этого люди.

- 542 Он Хетелю сначала все раны залечил,
И рыцарям немало их участь облегчил,
Кого уже, казалось, ничто спасти не в силах,
У смерти на пороге он к жизни опять возвратил
их.
- 543 Решили все, что девам здесь дольше быть не след.
«Идите, переждите, — им Хаген дал совет, —
Пока тела погибших не уберут на поле.
Они, сражаясь славно, своей не предвидели доли.»
- 544 Тут Хагена радушно стал Хетель в гости звать.
Отнекивался Хаген, но, услышав, что зять
Большой страной владеет, отбросил все сомненья
И с дочерью поехал, охотно приняв приглашенье.
- 545 Все юноши запели, отправившись домой,
Они-то уцелели и пережили бой,
Но много там осталось, где поразил булат их,
Живым внушая жалость, — и бедных бойцов,
и богатых,
- 546 Усталые от сечи, приехали домой
Мужи, и радость встречи владела всей страной,
Лишь родичи убитых смеяться не могли,
Скорбя о них, зарытых вдали от родимой земли.
- 547 Свою невесту Хетель домой к себе привез.
Хоть девы на чужбине и лили много слез,
Но Хильда не роптала, ее король влюбленный
На радость хегелинцам венчал королевской
короной.
- 548 Венец своих желаний теперь король обрел.
Седых бойцов и юных он в рыцари возвел,

Облечься этим саном там каждый гость был волен.
Столь пышной свадьбой Хильды остался и Хаген
доволен.

549 Как в этот день удачный она была мила!
И кресло новобрачной с почетом заняла.
До пятисот героев там рыцарями стало,
И стольник — им был Фруте — в тот день
потрудился немало.

550 Сколь этот край обилен, тут Хаген увидал,
И как король всемогущ. Он при дворе узнал,
Что семь богатых княжеств его подвластны зятю,
И кров, и стол даруют там всем беднякам без
изъятья.

551 Воителям ирландским дал Хетель щедрый дар:
Коней, одежду, золото, сверкавшее как жар,
Не увезти им было всего добра с собою.
К великой славе Хильды все стали друзьями
герою.

552 С двенадцатой зарею они собрались в путь.
Породы датской кони выпячивали грудь,
Их шелковые гривы спадали на копыта.
Доволен был и Хаген, и вся его верная свита.

553 Им стольник и дворецкий прислуживали там,
И чашник, и конюший скакали по пятам,—
Радивес придворных и в Эйре не бывало.
Был рад король, что Хильда над ними владычицей
стала.

- 554 Ночлег и угощение гостей в дороге ждали,
И Хагену с друзьями все люди угождали.
Могли сказать ирландцы, не покрывив душой,
Что все их принимали у Хетеля с честью большой.
- 555 Вот Хаген Хильдебургу в объятья заключил.
«Радей о королеве,— он деве говорил,—
Средь челяди дворцовой легко с дороги сбиться.
Так пусть же благородство, пусть верность твоя
сохранится.»
- 556 «Я это обещаю. Вы знали, государь,
Как мать прекрасной Хильды была близка мне
встарь,
Я с ней делила горе, как самый лучший друг,
На суше и на море, пока ей нашелся супруг.»
- 557 Тут всех, кто оставался, он в гости пригласил,
И сдерживать рыданья у дев не стало сил.
Он поручил их зятю, его благой опеке,
Сказав: «Будь с ними ласков, здесь девы совсем
одинокы.»
- 558 И дочери велел он: «Носите же корону,
Чтоб не было для чести вам с матерью урону,
Чтоб мы не услышали, что кто-то вас не любит,
Пусть вашей доброй славы худая молва не
загубит.»
- 559 Для дочки — целование, для Хетеля — поклон,
Их после расставанья уж не увидел он:
Далеко друг от друга их отстояли страны.
И отбыл дикий Хаген дорогой морской к Баллану.

560 Потом, когда с женою он дома восседал,
Он старой королеве с улыбкою сказал,
Что всем завидна доля их дочери пригожей,
Имей других детей он, послал бы к датчанам их
тоже.

561 Господне провиденье восславила она.
«Высоко наша дочка теперь вознесена,
Душа моя ликует, что так могло случиться.
Здорова ль Хильдебурга и как поживают девицы?»

562 Ответил дикий Хаген: «Утешатся они.
Таких богатых платьев у нас в былые дни
Не нашивали девы. Еще их ждут утехи.
За них мужи сражались, мечи разрубали доспехи».

IX авентюра
Как Вате, Морунг и Хорант
поехали домой

563 Окончим эту повесть, чтоб новую начать,
Как Хетелю на совесть служила его знать,
Друзья ему платили оброк по долгу лена
И ко двору являлись по зову его неизменно.

564 Отважный Вате, Морунг уехали домой,
Один вернулся в Штурмен, в Нифландию другой.
Взял Хорант путь на Гиверс с героями своими,
Там правил он, прославив свое благородное имя.

- 565 Меж тем могучий Ирольт в Нортландии сидел.
Страною управляя, он Хетелю умел
Везде, во всяком деле оказывать услуги.
Достойней государя не знали отважные слуги.
- 566 Когда красавиц знатных король в стране встречал,
Он в свите королевы им место пазначал.
Прекрасные служанки в их доме не тужили,
Они по доброй воле владычице юной служили.
- 567 Так счастлив был при этом король женой своей,
Что даже целым светом пожертвовал бы ей.
И подданные знали: нигде со время она
Прекрасней королева еще не носила короны.
- 583 Три вражеских похода отбил он за семь лет
И в памяти народа свой отпечатал след,
А недругов, кто ковы и дни, и ночи строил,
Он покарал сурово и их навсегда успокоил.
- 569 Он крепости воздвигнул, границы укрепил
И доблестных деяний немало совершил.
О нем и в дальних странах раесказывали
с жаром,
Что он не знает страха и носит свой титул
недаром.
- 570 И стал он жить богато, не ведаю невзгод.
Наведывался Вате к нему три раза в год,
Он преданно и верно радел о господине,
Служил ему примерно на родине и на чужбине.
- 571 Датчанин Хорант часто у Хетеля гостил,
Шелка и самоцветы он дамам привозил,

И золото, и платье, и жемчуг в крупных зернах
 Для всех, кто пожелает из доблестных слуг и
 придворных.

- 572 Служенье государю всех рыцарей его,
 Готовность их с врагами сражаться за него
 Властителей соседних немало восхищало.
 А королева Хильда ту славу еще умножала.
- 573 Дождались хегелинги счастливых новостей:
 Дочь Хагена родила супругу двух детей,
 Их древо родовое возносит выше крону,
 И есть кому оставить в наследство страну и
 корону.
- 574 Их сына звали Ортвин. Король препоручил
 Дитя заботам Вате, и рыцарь научил
 Питомца с малолетства высоким устремленьям,
 Он стал бойцом отважным и мудрым внимал
 поученьям.
- 575 Прекрасною Кудруной звалась их дочь. Она
 Была на воспитанье из дома отдана
 Сородичам ближайшим и в королевстве датском
 Росла и процветала под их попечением братским.
- 576 И выросла их дочка так хороша собой,
 Что похвалу и почесть ей воздавал любой.
 О прелестях девицы во многих странах знали.
 Она звалась Кудруной, датчане ее воспитали.
- 577 Родись она мужчиной, уже носила б меч
 В свои года Кудруна. Уже смогла привлечь
 Сердца князей влюбленных, ей преданных
 душевно.
 Но им не удавалось добиться руки королевны.

- 578 Хоть королева Хильда красавицей слыла,
Но дочь ее намного прекраснее была
И много краше Хильды, своей ирландской бабки.
Перед такую красую снимали почтительно шапки.
- 579 Был огорчен отказом властительный король,
Владелец Альцабеи. Он мнил себя дотоль
Назначенным судьбою для самой высшей доли
И думал, что сильней он, чем все, кто сидел на
престоле.
- 580 А звали его Зигфрид. Он был горяч и смел,
Страною мавританской обширную владел,
Семь королей богатых ему подвластны были.
Рассказы о Кудруне могучего мавра пленили.
- 581 С толпою икарийцев, товарищей своих,
Не раз стяжал награды настойчивый жених
В присутствии красавиц, прославленных и
знатных,
Пред замком Хегелинга на рыцарских игрищах
ратных.
- 582 Когда Кудруна с Хильдой шли в пиршественный
зал,
То звон мечей и копий до замка долетал:
Вслед деве мавры мчались, узреть ее надеясь,
И в честь ее сражались у дома, где жил Виголейс.
- 583 Никто и вполовину, как Зигфрид, не был смел,
Он благосклонность девы снискать уже сумел,
Хотя лицом и телом был черен рыцарь юный,
Но Хетель не позволил ему обручиться с
Кудруной.

- 584 Досада, боль и ярость теснили мавру грудь.
Напрасно он пустился в такой далекий путь!
Поклялся Зигфрид с жаром, что Хетелю в
отмщенье
Испепелит пожаром его родовые владенья.
- 585 В своей гордыне Хетель не отдал мавру дочь,
Пришел конец их дружбе. Уехал Зигфрид прочь,
Промолвил на прощанье: Пусть гром небесный
грянет,
Отныне Хегелингу в беде помогать он не станет!
- 586 Домой вернулся Зигфрид, но через много лет
Для рыцаря другого он стал причиной бед.
Ведь мавры не забыли обиду и бесчестие,
И королевич Хервиг стал жертвой их злобы и
мести.

Х авентюра
Как Хартмут сватался к Кудруне

- 587 В Нормандии слышали о том, что девы нет
Прекраснее Кудруны, хоть обойди весь свет,
И королевич Хартмут пленился этой вестью
И с этих пор всем сердцем стремился к
желанной невесте.
- 588 Той страсти потакала Герлинда, его мать,
И Хартмут не замедлил ее советам внять.
Они, договорившись, за Людвигом послали,—
Так короля норманнов, родителя Хартмута звали.

- 589 Приехал старый Людвиг, ему открылся сын,
Рассказ его встревожил отца не без причин,
Он понял, что затея наследника опасна,
Но Хартмут без боязни твердил, что Кудруна
прекрасна.
- 593 «Откуда слухи эти?— сказал король в ответ,—
Пускай и впрямь на свете прекрасней девы нет,—
К ней свататься не близко. И не старайся втуне,
Ведь слишком много риска для сватов являться
к Кудруне.»
- 591 «Живет не за горами Кудруна,— молвил сын,—
Когда к прекрасной даме стремится властелин,
То это дело чести. Тревожиться оставьте,
Вам мой совет: к невесте скорее посольство
отправьте.»
- 592 «А вы о том слышали,— промолвил государь,—
Как мать Кудруны — Хильду жених похитил
встарь
И что с бойцами случилось? Мечты твои бесплодны:
Спесивы хегелинги, для них мы с тобой
худородны.»
- 593 Но сын не сдался в споре: «Коль надо двинуть
рать
За горы и за море, чтоб девой обладать,
Пойду в поход охотно, и меч мой не устанет,
Покуда королева моею жевою не станет».
- 594 Тут старая Герлинда сказала в свой черед:
«Писать велите письма. А тех, кто отвезет

К датчанам эти строчки, я награжу богато.
Пусть к Хетелевой дочке проложат дорогу нам
сваты».

⁵⁹⁵ И Людвиг, старый воин, прислушавшись к
советам,
Промолвил: «Будь спокоен, я помогу вам в этом.
Двенадцать крепких мулов дарамн мы навьючим,
А после, может статься, мы добрые вести
получим».

⁵⁹⁶ Забрал в посольство Хартмут свой собственный
отряд
Дружинников бесстрашных — их было шестьдесят.
Одеждой их снабдили и платьем. Ранним утром
В дорогу проводили. Был Людвиг и смелым,
и мудрым.

⁵⁹⁷ Подаренные платья пришлись им в самый раз.
И письма за печатью вручили в тот же час
Посланцам благородным Герлинда вместе с сыном.
И повела дорога их вдаль по горам и долинам.

⁵⁹⁸ И днем, и темной ночью скакали непрестанно,
Насколько хватит мочи, отважные норманны,
Пока не оказались у вожделенной цели.
А Хартмутом в то время любовь и тревога владели.

⁵⁹⁹ На столько миль от дома ушла дорога их,
Что за сто переходов не вымахать дневных.
Их кони притомились, пока послы узнали,
Где благородный Хетель и люди его обитали.

⁶⁰⁰ Владений датских с моря достигнули гонцы,
Хоть и хлебнули горя в дороге храбрецы,

Пока отца Кудруны они не увидали.

Надежных провожатых датчане им к Хетелю
дали.

601 И Хоранту сказали об их приезде сразу.
Норманны убедились, что правильны рассказы
О Хетеле могучем и о его супруге,
Их люди горделивы и носят мечи и кольчуги.

602 Своим датчанам Хорант, не тратя долгих слов,
Велел через границу сопроводить послов
И ко двору доставить надежно и сохранно.
Таким гостеприимством довольны остались
норманны.

603 И вскоре хегелинги увидели гостей,
Они пленяли видом и удалью своей,
Все жители признали в них рыцарей богатых,
И Хетелю сказали о том в королевских палатах.

604 Им дать и кров, и пищу хозяин приказал,
Чего хотят норманны, король еще не знал
И выказал приезжим большое хлебосольство,
Через двенадцать суток он ласково принял
посольство.

605 Был знатный граф меж ними — как вежествен
он был!
А их наряд богатый придворных восхитил.
Красивейшие кони под ними гарцевали.
Так гости в полном блеске пред Хетеля очи
предстали.

606 Приветствовал их Хетель со свитою своей,
Но, на беду, не долго он жаловал гостей,

Узнав, что те явились, чтоб сватать королеву,
Он отклонил их просьбу и Хартмута высмеял
гневно.

⁶⁰⁷ Когда один посланец — он грамоте умел —
Прочел герою письма, тот яростью вскипел,
Добро еще, что Хорант увел подалее гостя,
Не то бы грозный Хетель его изувечил со злости.

⁶⁰⁸ Сказал король гневливый: «Вам не видать добра
За то, что мне прочли вы в присутствии двора.
За Хартмутову дерзость поплатитесь вы, други,
Она мне не по нраву и нашей державной
супруге».

⁶⁰⁹ Один посол ответил: «Пусть это нас погубит,
Но Хартмут приказал нам сказать, что деву
любит.
Угодно ей венчаться норманнскою короной —
Так службой безупречной оплатит ей рыцарь
влюбленный».

⁶¹⁰ «Она ему не пара, — был Хильды приговор, —
Ведь Хагена вассалом был Людвиг с давних пор,
Сто замков Гарадеи он принял в лен смиренно,
Тогда как наши люди не взяли б от Людвига
лена.

⁶¹¹ Когда же он корону в Шотландии стяжал,
Брат короля Оттона с ним сильно враждовал.
Он тоже принял земли от Хагена когда-то.
Король разбил норманна, взяв сторону младшего
брата.

- 612 Вы так и передайте, пусть знает Хартмут ваш:
Не про него Кудруна. И как такая блажь,
Что он ее достоин, пришла на ум герою?
Быть может, юный воин найдет свое счастье
с другою.»
- 613 Посланцам было горько и тягостно, когда
Домой они вернулись, стораая от стыда,
Проделав путь далекий по суше и по морю.
А Людвиг вместе с сыном не взвидели света от
горя.
- 614 Спросил посланцев Хартмут: «Вы девушку
впдали?
Тогда скажите, правду ль мне люди рассказали,
Что Хагенова внучка собою так пригожа.
А что презрел нас Хетель, за то накажи его,
боже!»
- 615 Богатый граф ответил: «Я сам тому свидетель.
Все люди превозносят ее за добродетель,
И кто Кудруну видел, тот очарован ею».
«Тогда,— промолвил Хартмут,— красавица будет
моею!»
- 616 Сказала, громко плача, его седая мать:
«За что же неудача постигла нас опять?
Мой милый сын, нам сватов не надо посылать бы.
А как хочу дожить я до вашей с Кудруною
свадьбы!»

XI авентюра
Как Хервиг и Хартмут
ездили к хегелингам ради Кудруны

⁶¹⁷ С посольством брачным дело и кончилось на том,
А нам пора приспела поведать о другом.
О юном государе я вам скажу правдиво,
Героя звали Хервиг, и был он отважен на диво.

⁶¹⁸ Свое прославив имя, он счастье стал пытаться,
Кудруны верным другом намереваясь стать,
Ей посылал подарки и в честь ее сражался,
И покорил бы деву, да только им Хетель
гнушался.

⁶¹⁹ Послов своих вначале к нему послал жених,
Но там, к его печали, под стражу взяли их.
Напрасно юный Хервиг искал к любимой дверцы,
И горе угнетало его горделивое сердце.

⁶²⁰ Меж тем не ведал Хетель, не ждал, что так
случится,
Но Хартмут к хегелингам осмелился явиться,
Решимость и отвага в душе его созрели,
И рыцари, и дамы его на турнире узрели.

⁶²¹ На этот праздник ратный, надев броню и шлем,
Явился рыцарь знатный, не узанный никем.
Ему с его друзьями прислуживали слуги.
Герой питал надежду взять милую деву в супруги.

⁶²² Все дамы загляделись, когда приезжий князь
Стоял пред королевой, почтительно склонясь,

И гордость, что сквозила в осанке, в каждом
слове,
Им ясно говорила, что стóит он женской любви.

623 Он был высок и статен, пригож и щедр, и смел,
Не знаю, как обиду он выместить хотел
На родичах Кудруны, его отвергших гордо,
Но Хартмут-твердый духом отмстить им
надеялся твердо.

624 Та, что его пленила, меж прочих дам сидела
И на него украдкой глядела то и дело,
Он ей открылся тайно, что Хартмут его имя
И из страны норманнов он прибыл с друзьями
своими.

625 Кудруна оробела, услышав эту речь.
Она его хотела от смерти уберечь
И строго наказала бежать отсюда дале,
Покуда гостя Хетель и люди его не узнали.

626 Его краса задела в ней добрую струну.
Послы его с позором покинули страну,
Но к князю не осталась Кудруна безучастной,
Хотя не собиралась мирволить любви его
страстной.

627 Послушал Хартмут деву, и вскоре скрылся он,
Но тяжкою задачей был ум его смущен,
Как с Хетелем сквитаться за оскорбленье чести,
Не ставши ненавистным тем самым прекрасной
невесте.

- 628 Ведь и бежав оттуда, он брака с ней желал,
И сам добра и худа от будущего ждал.
Потом на бранном поле из-за его любви
Что шлемов раскололи, что продили рыцари
крови!
- 629 В Нормандию родную, к домашним воротясь,
К военному походу приготавлился князь.
Душа его отмщенья, свирепая, алкала,
А старая чертовка Герлинда его подстрекала.

XII авентюра
Как Хервиг пошел походом на Хетеля
и ему отдали Кудруну

- 630 Оставим же норманна обдумывать поход.
Терпел не меньше Хервиг страданий и невзгод
Из-за любви к Кудруне, чем Хартмут
оскорбленный;
Он деву добивался у Хетеля выпросить в жены.
- 631 В соседстве самом близком лежали земли их,
Но сколько б раз ни сватал красавицу жених,
Он был бы вновь отвергнут с насмешкою. Однако
Пришла пора, и Хервиг добился желанного брака.
- 632 Велел король, чтоб Хервиг дитя его забыл.
Герой не согласился и грозно посулил
Прийти со всею ратью в их королевство вскорее,
На горе государю, жене его Хильде на горе.

- 633 Не знаю, кто герою совет подобный дал,
Трехтысячное войско он вскорости собрал
И прибыл к хегелингам; чтоб сеять страх и беды,
А был бы рад служить им, жить в мире и дружбе
с соседом.
- 634 Никто не знал об этом из доблестных датчан,
А в Штурмене все слухи считали за обман.
Один нортландец Ирольт уверился, да поздно,
Что Хервиг наступает на смелого Хетеля грозно.
- 635 Когда король услышал, что Хервиг оскорблен
И что идет без страха на них походом он,
Он молвил без унынья своей жене венчанной:
«Что скажете вы ныне? К нам гость поспешает
незванный».
- 636 «Что мне сказать на это? Я рыцаря хвалю.
По мне, он поступает, как должно королю.
Добром иль поневоле, а будет он уважен
И верх возьмет над нами — ведь Хервиг умен и
отважен».
- 637 Так Хильда заключила рассудливую речь:
«От гибели дружину нам надо уберечь,
Я слышала, что Хервиг затем грозит нам силой,
Что хочет он добиться руки нашей дочери милой».
- 638 Но слишком долго медлил с дружиною своей
Хозяин и дождался непрошенных гостей,
Они явились к замку холодным ранним утром.
На поле брани Хервиг был самым отважным и
мудрым.

- 639 А хегелинги спали, не размыкая глаз,
У господина в зале, когда раздался глас:
«К оружию! — крикнул стражник, — не то пропади
все мы!
К нам гости подоспели, я вижу, как блещут их
шлемы».
- 640 Мужики вскочили с ложа — куда девался сон! —
Слуга или вельможа, был каждый принужден
Спасать и жизнь, и славу, вступая в бой опасный.
Так добивался Хервиг своей королевны
прекрасной.
- 641 Король и королева стояли, в окна глядя,
На рыцарей, что Хервиг привел в своем отряде.
С предгорий марки Галейс герои были родом.
В Валеиской марке Морунг встречался
с подобным народом.
- 642 Уже в ворота замка упорно рвался враг.
Хоть был отец Кудруны прославленный смельчак,
И он бы не решился тот натиск встретить грудью.
На помощь государю, однако, пришли его люди.
- 643 Их было больше сотни с оружием в руках;
И Хетель сам сражался противнику на страх,
Но отразить напавших им было не по силам,
Тяжелые удары герой молодой наносил им.
- 644 Опустит меч свой Хервиг — и сыплются дождем
Из светлых шлемов искры. Воинственным вождем
Прекрасная Кудруна в окно залюбовалась,
Но радость в сердце девы с глубокой тоской
сочеталась.

- 645 За меч булатный взялся и Хетель, разъярясь,
И силою, и богатством мог похвалиться князь.
Он Хервига обидел и поплатился ныне:
Уж в замке каждый видел, как враг подступил
к их твердыне.
- 646 Хозяева хотели от натиска врагов
Свои ворота плотно захлопнуть на засов,
Но бой зашел в воротах жестокий, рукопашный.
Пленить отвагой деву надеялся Хервиг
бесстрашный.
- 647 Уже отец Кудруны и Хервиг молодой,
Возглавив оба стана, вступили в жаркий бой.
Столбом летели искры, стонала вся округа.
Бойцы узнали быстро, что стóят в сраженье друг
друга.
- 648 Когда увидел Хетель, как славец его враг,
Удары отбивая, он громко молвил так:
«Кто ссорил нас когда-то, тот Хервига не знает,
Ведь от его булата ни панцирь, ни щит
не спасает».
- 649 Шум битвы королевну вгонял в озноб и в жар.
Изменчива удача и вертится, как шар.
За жизнь отца и гостя Кудруна опасалась,
И так как больше средства разнять храбрецов
не осталось,
- 650 Она в мольбу вложила тревогу и любовь,
Вскричав: «Отец мой Хетель, уже струится кровь
Из панцирей пробитых. Все стены в красных
пятнах.
Опасен бой с соседом, испытанным в подвигах
ратных.

- 651 Остановите битву на время, ради бога,
Мечу и сердцу дайте остынуть хоть немного,
И если в малой просьбе мне Хервиг не откажет,
Пусть он о славных предках, о родичах знатных
расскажет».
- 652 Ответил рыцарь дева: «Но мир не заключен,
Вот если бы я в замок был вами приглашен,
Явившись безоружным, сказать имел бы смелость
О родичах и прочем, о чем вам узнать захотелось».
- 653 В угоду королевне был спрятан в ножпы меч,
И совлекли кольчуги бойцы с усталых плеч,
От ржавчины доспехов в источнике омылись.
Отрадно было видеть, что жизни они
не лишились.
- 654 Сто рыцарей отважных с собою Хервиг взял,
Навстречу гостю дева сошла со свитой в зал,
Сама с собой в разладе. Приветом удостоен,
Хозяевам, однако, боялся довериться воин.
- 655 Учтиво предложила Кудруна гостю сесть,
И мать, и дочь пленило в нем мужество и честь.
Друзья их убеждали не предаваться злобе,
Скорее с распрей кончить, и этого жаждали обе.
- 656 Сказал воитель дамам: «Разносят люди слух —
И оскорблен тем самым мой рыцарственный
дух,—
Что вы меня презрели, сочтя мой род не знатным.
Но и богач бывает у бедных в долгу неоплатном!»
- 657 Сказала дева: «Можно ль героем пренебречь,
Что верно служит даме и с честью носит меч?

Поверьте, вашей страстью я не пренебрегаю
И так люблю сердечно, как вас не полюбит
другая.

- 658 Когда бы разрешили мне батюшка и мать,
Навеки б согласилась я вам принадлежать».
В глаза ее глядел он, а сердце сладко билось:
Она его любила и перед людьми не таилась.
- 659 У Хетеля и Хильды воитель стал просить
Его с их милой дочкой, Кудруной, обручить,
Свое согласие дали король и королева,
Но прежде знать желали, что думает юная дева.
- 660 Решения любимой недолго Хервиг ждал,
Герой непобедимый, он перед ней предстал,
Своей высокой страстью как будто зачарован.
Казалось, был он кистью на белой стене
нарисован.
- 661 «Коль вы меня любовью согласны одарить,
Клянусь без суесловья, я буду вам служить,
Приказам вашим внемля. И будут в вашей воле
И мой народ, и земли, пока я сижу на престоле».
- 662 Она сказала: «Верьте, никто мне так не мил,
Ты многих спас от смерти, мне нынче послужил.
Теперь отца осталось мне примирить с тобою,
И заживем мы дружно, одною счастливой
семьею».
- 663 За Хетелем послали,— тем кончился раздор.
Пришли за государем на королевский двор
Славнейшие герои его земли обширной,
И завершились беды победой веселой и мирной.

- 664 Родитель по совету и с ведома друзей
У дочери прекрасной спросил, угодно ль ей
Взять Хервига в супруги, и дева, отвечая,
Проговорила твердо: «Я лучшего мужа не чаю».
- 665 Бьет Хервиг крепкой клятвой с Кудруной обручен
И прочил ей корону. Но был он обречен
Из-за ее любви на радость, и на горе,
И много жаркой крови бойцы его пролили вскоре.
- 666 Хотел уехать Хервиг, жену с собою взять,
Но Хильда упросила, чтоб дал на сборы зять.
Перед коронованьем ей год, не меньше, сроку.
За это смелый рыцарь потом поплатился жестоко.
- 667 Советовала Хильда, пусть Хервиг этот год
В кругу других красавиц без милой проведет.
Враги из Альцабеи прослышали об этом.
Увы, себе на горе внял Хервиг недобрым советам.

XIII авентюра

- 668 Мавр Зигфрид собирался на Хервига в поход,
Созвал своих героев, велел готовить флот
И вдоволь взять в дорогу оружия и снеди,
А эти сборы в тайне держать приказал от соседей.
- 669 Еще велел построить он двадцать кораблей,
Хоть стало беспокоить вассалов и друзей
Внезапное решение войнственного мужа
Подняться на зеландцев, лишь кончится зимняя
стука.

- 670 Он восемьдесят тысяч бойцов собрать успел,
И берег Альцабеи, казалось, опустел.
Князя из стана мавров с ним ехать обещались,
Лишь несколько их дома его дожидаться остались.
- 671 Зеландцев известил он: «Иду на вас войною».
Стал Хервиг сокрушаться. Он никакой виною
Не мог такую злобу в их душах возбудить
И приказал особо границу свою сторожить.
- 672 В глубоком огорченье держал он к верным речь,
Что враг страну грозится опустошить и сжечь.
Тех, что ему служили, он платы удостоил,
И все довольны были, хоть подвиг их большего
СТОИЛ.
- 673 Был май, когда, ликуя, приплыли храбрецы,
Герои Альцабеи, Абакии бойцы,
Как будто края света достичь хотели гости,
Не ведая, что где-то зарюют их мертвые кости.
- 674 Они, вступив на берег, всё предали огню.
Позвал на помощь Хервиг вассалов и родню.
А мавры бушевали, насилием платили
За золото и перлы, что люди им в страхе носили.
- 675 Зеландцу было горько терпеть такой урон.
Воитель достославный, как храбро бился он!
Седые молодели, сражаясь рядом с князем,
А головы врагов их катились, как яблоки, наземь.
- 676 Был долог бой, в нем гибли героев без числа,
Но плохо обернулись для Хервига дела:

Он был прижат к границе, назад бежали слуги,
Страна его пылала. Он нарочных выслал
к супруге.

677 В страну, где правил Хетель, гонцы помчались
вскачь

И слезы проливали, не сдерживая плач.
Когда они пред очи правителя предстали,
О всем, что приключилось, ему без утайки
сказали.

678 Посланцев горе видя, король утешил их,
Как следует утешить знакомцев дорогих,
Он их спросил сначала, как из дому добрались,
Когда страна пылала и крепости маврам
сдавались.

679 Мужи ему сказали: «Нам солоно пришлось.
Узнай: мы проскакали Зеландию насквозь,
Там мавров отражают герои дни и ночи,
От слез не просыхают прекрасные женские очи».

680 «Идите,— молвил Хетель,— к наследнице моей,
А я берусь исполнить все, что угодно ей,
Отмстить прикажет маврам — пощады не видать
им,
Мы службу вам сослужим, за ваши печали
отплатим».

681 Еще не заявили посланцы к ней в чертог,
А горе королевны увидеть каждый мог,
Послала за гонцами Кудруна в нетерпенье,
Скорбя, что честь и слава потеряны в этом
сраженье.

- 632 К ней рыцари явились, а верная жена
Сидела и рыдала, в печаль погружена.
О Хервиге отважном она у них спросила,
Как с ним они расстались и жив ли супруг ее
милой.
- 633 Один из них ответил: «Напутствуя послов,
Был Хервиг ликом светел и телом был здоров,
А что с ним дальше случилось, про то никто
не знает,
Враги и жгут, и грабят, и наших людей убивают.
- 634 Послушай, что король наш велел тебе сказать:
В большой беде и сам он, и доблестная рать,
Все дни мужи страшатся кончины и позора,
Твоя, Кудруна, верность — одна у героя опора».
- 635 С богатых кресел вскоре Кудруна поднялась,
Отцу поведать горе душа ее рвалась,
Что войско ее смято и много замков пало.
Идти на супостата Кудруна отца умоляла.
- 636 Слезами обливаясь, к нему прильнула дочь:
«Спаси, король могучий! Не захотят помочь
Друзьям твоим герои, — меня тоска изложет.
Никто другой на свете помочь в нашем горе
не сможет».
- 637 «Не сетуй, дочка! К зятю мы выйдем на подмогу,
Со всею нашей ратью мы двинемся в дорогу,
Беду твою избудем, накажем супостата.
Но прежде надо людям за старым отправиться
Вате.

- 688 Он всех, кто под рукою, на помощь приведет.
Когда же смелый Морунг узнает про поход,
Он тысячу героев сберет под наше знамя.
Тогда враги узнают, легко ли им справиться
с нами.
- 689 Придет датчанин Хорант с трехтысячным отрядом,
Со всей дружиной Ирольт свой стяг поднимет
рядом,
И королевич Ортвин пойдет с врагами биться.
Такою ратью сможет Кудруна моя похвалиться.»
- 690 Поехали поспешно надежные гонцы
От девы безутешной к друзьям во все концы,
Почтительно просила она помочь ей в горе,
Всем это лестно было, и рыцари прибыли вскоре.
- 691 А мать Кудруны Хильда пообещала ей:
«Мы всем, кто согласится спасти твоих друзей,
Дарами путь устелем, не пожалеем злата
И с ними всё разделим, чем только мы сами
богаты.»
- 692 Тут распахнули скрины и вынесли во двор
Доспехи, что доньше хранились с давних пор,
Стальные их заклепки глаза слепили больно.
Кольчуг на всех хватало. Кудруна осталась
довольна.
- 693 Дал тысяче героев король коней лихих:
В поход собравшись, дома не оставляют их;
И Хетелем обычай был этот не нарушен,
Всех лошадей велел он с собой увести из конюшен.
- 694 Хозяин стал прощаться с супругою своею,
И слезы покатались у женщины из очей,

Взирая на героев, с ним отъезжавших вместе,
Они твердили: «Боже, дай битву им выиграть
с честью».

695 И вот толпою тесной все двинулись вперед —
Кто помоложе с песней — из замковых ворот,
Захваченную в битве добычу предвкушая.
Но до чужого стана дорога лежала большая.

696 На третий день похода, чуть свет, явился Вате.
Вел тысячное войско старик на супостата.
С седьмой денницей Хорант пришел, отвагой
полоп,
И войско в сорок сотен по зову Кудруны
привел оп.

697 Из марки Валеис Морунг воинственный явился,
Во имя дам прекрасных он к подвигам стремился.
Две тысячи скакало с ним всадников веселых,
Во всем вооруженье вассал благородный
привел их.

698 Герой нортландский Ортвин, Кудруны милый
брат,
Сестре на помощь морем доставил свой отряд,
С ним целых сорок сотен воителей приплыли.
Узнай об этом мавры — они бы напуганы были.

699 Все к Хервигу спешили на выручку, а он
С героями своими терпел большой урон,
Врагов от замка тщетно он отогнать старался,
К вратам его заметно противник уже
приближался.

- 700 Тревога охватила сердца его друзей,
В том, что разбито было так много крепостей,
Герои честолюбцев, изменников винули,
Нашелся бы предатель — его бы за это казнили.
- 701 Гонцы уже вернулись — об этом Хервиг знал,
С утра до поздней ночи противник наступал,
Но вскоре подоспело к герою подкрепление,
Защитники Зеландца открыто пошли
в наступление.
- 702 Два князя мавританских при новости такой
Душою омрачились, утратили покой,
Им знать немедля дали о том, что Хетель к зятю
Пришел из дальней дали со всей своей славною
ратью.
- 703 Князья приготавливались дать Хетелю отпор,
Затем что отличались отвагой с давних пор,
И войско их держалось заносчиво и гордо,
Ни перед кем, казалось, на шаг не отступят
их орды.
- 704 Явился старый Вате с бойцами без числа:
Большое ополчение Кудруна созвала,
Чтоб вызволить супруга. Но после их победы
Героев ожидала не радость, а новые беды.
- 705 Хоть были басурмане два князя, видит бог,
Никто на поле брани их победить не мог,
Те мавры в целом мире отважнейшими слыли,
И рыцарей немало в могилу они уложили.
- 706 Зеландец Хервиг рвался отомстить за свой урон,
И это умножало потери двух сторон,
Без счета ран досталось его единоверцам,
И Хетель сокрушался, жалея героев всем сердцем.

- 707 Все прибывшие силы уже вступили в бой,
Где смерть людей косила и ждал ее любой.
Бессонной ночью, днем ли в тревоге и печали
«До завтра доживем ли?» — так все храбрецы
вопрошали.
- 708 Щадили замок мавры по рыцарским законам,
Пока зеландцы в поле с упорством непреклонным
Секли врагов мечами и копьями пронзали,
Все в ранах были сами, но мир заключить
не желали.
- 709 Хозяева и гости не прекращали схватки,
Бросались в бой со злостью, рубились без оглядки,
Цвет рыцарства, сраженный, полег, как сжатый
колос.
Узнали это жены, от горя заплакали в голос.
- 710 Отважно старый Вате сражался в том бою,
Он в ратном деле мудрость выказывал свою,
В уныние и трепет ввергая супостата.
Среди мужей славнейших всегда отличался
и Вате.
- 711 Был смел датчанин Хорант, и от его руки
На части разлетались стальные шишаки,
Блестящие доспехи рубил герой умело,
И от такой потехи враждебное войско редело.
- 712 И Морунг неборный искал с врагами встреч,
За край щита узорный он простирали свой меч.
Что прятаться от мавров! Без страха и упрека
Князьям их благородным за Хервига мстил он
жесток,

- 713 И Хетеля недаром в поход послала дочь,
 Чтоб Хервигу от мавров избавиться помочь.
 Неверных побивал он могучею рукою:
 Кто хочет жить, пусть земли зеландцев оставит
 в покое.
- 714 Всех лучше бился Хервиг у замковых ворот
 И на открытом поле. Смочил обильно пот
 На богатырском теле кольчужную рубаху.
 Те, что его теснили, с ума посходили со страху.
- 715 Муж Виголенс круто с врагами поступал,
 И старый воин Фруте их натиск отражал,
 Достоин вящей славы датчанин был за это,
 Никто не мог бы лучше сражаться в преклонные
 лета.
- 716 И рыцарь Ортвин юный отважный был герой,
 Он за друзей Кудруны в бою стоял горой,
 Молва о нем повсюду твердила неуставно,
 Что он на бранном поле наносит смертельные
 рапы.
- 717 Двенадцать дней сражались без отдыха и срока
 Герои хегелинги, упорно и жестоко,
 Немало изрубили щитов из светлой стали.
 Уж доблестные мавры поход свой оплакивать
 стали.
- 718 Тринадцатое утро ночной прогнало мрак.
 Пред раннею обедней промолвил Зигфрид так:
 «Мы здесь воюем втуне, теряем войско наше.
 Из-за любви к Кудруне и Хервиг пьет горькую
 чашу».

- 719 Вселел он поскорее всех на совет созвать
Князей из Карадеи, из Альцабен знать,
Они решили в крепость бежать, собрав все силы,
Пока врагов свирепость их жизни еще не лишила.
- 720 Уйти от битвы страшной старались кто как мог.
Катился перед башней стремительный поток,
Бежавшие преграду осилить не успели,
Противника отряды на мавров стремглав
налетели.
- 721 Тогда отважный Зигфрид на Хетеля напал.
Вполсилы храбрый Хетель дотоле воевал,
Теперь судьба навстречу ему того послала,
Кто в сече искалечил друзей его милых немало.
- 722 Тут оба не хотели лицом ударить в грязь,
Владыка хегелингов и мавританский князь,
Они щиты мечами пораскололи в щепы,
И обратиться в бегство был вынужден Зигфрид
свирепый.
- 723 Не мешкая разбили свой хегелинги стан,
Осадой обложили отважных басурман.
Хоть мавры завладели надежною твердыней,
Охотнее сидели они бы на родине пыне.
- 724 Что ни скажи, а мавров суровый жребий ждал:
Противник так жестоко их крепость осаждал,
Что в бой вступить открытый герои не дерзали,
Для длительной защиты они свой приют
укрепляли.

XIV авентюра
Как Хетель послал гонцов
из страны Хервига

- 725 Послал домашним Хетель отрадное известье,
Чтоб те не горевали, зане сражались с честью
И юноши, и старцы в победоносной сече.
Пусть Хильда и Кудруна готовятся к радостной
встрече.
- 726 Велел он передать им, что мавров окружил
Осадой вместе с зятем и всеми, кто служил
Прекрасной королевне и Хервигу в их войске.
Все сил не пощадили, с врагом расправляясь
геройски.
- 727 Им Хильда пожелала удачи и побед,
Чтоб Хервигу скорее избавиться от бед.
И дочка ее тоже, вестей наслышась новых,
Сказала: «Дай нам, боже, их встретить, живых
и здоровых».
- 728 Из башни осажденным нельзя было уйти,
Им к морю хегелинги отрезали пути,
И маврам приходилось в убежище томиться.
А Вате вместе с Фруте их там стерегли, как
в темнице.
- 729 Дал клятву смелый Хетель, не отступать от стен,
Покуда всех неверных не заберет он в плен.
Не ведал он последствий той клятвы
безрассудной,
Началом многих бедствий стал вскоре поход
многотрудный.

- 730 Лазутчики Норманна — подосланный им сброд —
Следили неустанно, чем кончится поход,
Но доброго немного для Хартмута узнали
И Хетелю с друзьями погибли в битве желали.
- 731 Они узнали твердо, что Зигфрид взят в тиски,
Что этот рыцарь гордый страдает от тоски:
Никто к нему на помощь не идет, призыву
внемля,
Ведь далеко отсюда лежат мавританские земли.
- 732 Лазутчики пустились домой во весь опор,
Откуда Людвиг с сыном послали их в дозор,
А дома доложили им важное известье:
Осадой занят Хетель с воинственным Хервигом
вместе.
- 733 Такому донесенью король остался рад,
Спросил, как долго мавры в осаде просидят
Иль наконец когда же они, начав сраженье,
Отмстят свирепой страже в бою за свое
пораженье.
- 734 Сказал один лазутчик: «Язык мой не солжет,
Им там обороняться придется целый год.
Из башни хегелинги врагов не выпускают
И к морю все тропинки, все выходы им
закрывают».
- 735 Развеселился Хартмут и так промолвил вслух:
«Высокая надежда мой ободрила дух.
Покуда распря длится и держится осада,
Пока в отлучке Хетель, нам ехать в страну его
надо».

- 736 И так они решили, раскинувши умом:
«Когда мы десять тысяч норманнов соберем,
Так, верно, завоюем прекрасную девицу,
Пока отец Кудруны домой не успел воротиться».
- 737 О мести помышляла Герлинда день и ночь
За то, что ее сыну не отдал Хетель дочь,
И жаждала в расплату — так гнев ее был
бешен,—
Чтоб был повешен Вате и доблестный Фруте
повшечен.
- 738 Чертовка обещала: «Кто выступит в поход,
Пусть золота немало за эту службу ждет,
Я щедро заплачу им, мне ничего не значит,
Коль Хетель, вместе с Хильдой, от этого горько
заплачет».
- 739 Сказал державный Людвиг: «Чтоб дело завершить,
Понадобится войско в дорогу снарядить.
Надеюсь двадцать тысяч собрать в свои полки я,
Красавицу Кудруну добудут герои такие».
- 740 А юный Хартмут молвил: «О если бы случилось,
Чтоб в нашем королевстве Кудруна очутилась,
И земли, и корону решил бы отдать я,
Чтоб только благосклонно она мне открыла
объятия».
- 741 Все дни не уставали они совет держать,
Как Людвигу надежных приверженцев собрать
И с ними к хегеллингам отправиться по морю.
Как было Хильде ведать, что ей уготовано горе?

- 742 Чем только ни старалась Герлинда им помочь!
На хитрости пускалась, чтоб Хетелева дочь
В Нормандии на ложе у Хартмута пригrelась.
В его объятых деу старухе увидеть хотелось.
- 743 И молвил Людвиг сыну: «Попомни, милый сын,
Для жалоб у дружины найдется тьма причин,
Чтоб бед избежать лишних и жалоб нежеланных,
Осыпь дарами пришлых, а я попекусь
о норманнах».
- 744 Так много раздавали сокровищ короли,
Что с ними даже швабы сравняться не могли,
Они коней, доспехи дарили, не жалея.
Своим норманнам Людвиг вовек не казался щедрес.
- 745 Бойцы приготавлились к далекому пути,
Надежных слуг в дорогу король сумел найти,
Им все пути морские давно знакомы были,
И за труды такие по-княжески им заплатили.
- 746 Шли к завершенью сборы, был снаряжен и флот,
И о походе скоро заговорил народ,
Что с сыном именитым король идет в дорогу,
А что она сулит им — внушало норманнам
тревогу.
- 747 И вот явились к морю с дружиной короли.
Перетащить осталось на берег корабли,
За них своей казною Герлинда заплатила.
А Вате с верным Фруте не ведали, что им грозило.
- 748 С дружиною несметной плыл молодой король,
От страсти безответной испытывая боль,
И вид его суровый не оставлял сомненья,
Что земли хегелингов жестокое ждет нападенье.

- 749 Хоть и с трудом, но к цели их близился поход,
Готовил много бедствий датчанам их приход.
Уже нортландский берег норманны огибали,
А Хетель с храбрецами об этом пока и не знали.
- 750 А Хартмуту осталось проплыть двенадцать миль,
Чтоб все, о чем мечталось, преобразилось в быль.
Уж землю хегелингов он озирает бесстрашно
И видел замок Хильды, чертог и высокие башни.
- 751 Велел норманнам Людвиг здесь бросить якоря,
И всех сойти на берег поторопил не зря:
Он видел — замок близко и солнце ярко светит,
И очень опасался, что их хегелинги заметят.
- 752 Воители, с собою забрав на берег кладь,
Щиты и копья к бою взялись готовить,
Но прежде к хегелингам гонцов своих послали,
Снискать друзей в их стане надежды они
не теряли.

XV авентюра

Как Хартмут силой захватил Кудруну

- 753 Гонцов отправил в замок непрощенный жених
К владелицам прекрасным, уведомляя их,
Что коль они поладят, так Хартмут обещает
Исполнить без отказа, чего их душа пожелает.
- 754 Полюбит его дева, как он уже просил,
(А мысль о ней терзала героя свыше сил),
Тогда служить он будет красавице до гроба,
И Людвиг владенья они унаследуют оба.
- 755 Ее упорство может в нем ненависть родить.
Надеется Кудруну герой уговорить
В Нормандию поехать и стать его женою,
Затем что не желает того добиваться войною.
- 756 А если дева снова упрямиться начнет,
Пусть знает: отступного воитель не возьмет.
«Коль за меня,— сказал он,— красавица не выйдет,
Она моих героев под стенами замка увидит.
- 757 Отважные посланцы, еще скажите ей:
Я не вернусь на море с дружиною моею,
Пускай меня мечами здесь на куски изрубят,
Коль не пойдет Кудруна за мной и меня
не полюбит.
- 758 И если королева меня отвергнет вновь,
Я поведу норманнов. И да прольется кровь!
Пусть даже двадцать тысяч, отдавши души богу,
Мне к замку хегелингов телами устелят дорогу.

- 759 На Вате положился король в недобрый час.
Старик и Виголеис сюда не ждали нас,
И оттого, что Хетель их следовал советам,
Сирот здесь будет много — я сам позабочусь
об этом.»
- 760 Посланцы, выполняя желание норманна,
Стрелой помчались в замок, он звался Мателана,
Там Хильда обитала, и, близких ожидая,
С родительницей вместе жила ее дочь молодая.
- 761 Двух графов родовитых послал с людьми герой,
Из вотчины далекой он их привез с собой,
Чтоб графы рассказали, как Хартмуту желанно
Служить покорно Хильде и ей угождать неустанно.
- 762 Когда для высшей доли отпустит Хильда дочь
К отважному герою, — а он и день, и ночь
Любовью к ней сгорает, — счастливой Хильда
станет:
За царственную милость ей Хартмут служить
не устанет.
- 763 А стражам Мателаны уж люди донесли,
Что знатные норманны от Хартмута пришли,
Чтоб сватать королевну. Охвачена испугом,
Прекрасная хозяйка молчать приказала всем
слугам.
- 764 Ворота отворили, открыли настежь вход,
Чтоб те, кто к ним спешили, не ждали у ворот.
Когда же появились отважные норманны,
То в королевский замок вступили они
невозбранно.

- 765 Послы хотели видеть супругу короля,
Их стражи обступили, повременить веля,—
Они оберегали владелиц Мателаны
И их не оставляли в чертогах одних, без охраны.
- 766 Всех рыцарей прибывших в присутствии двора,
Приветствовала Хильда, радушна и добра,
А госпожа Кудруна их встретила надменно:
Лишь к Хервигу душою стремилась она неизменно.
- 767 Хоть ненависть питала к ним Хетеля жена,
Однако приказала им поднести вина,
И сесть их пригласила хозяйка благородно,
И лишь потом спросила, что рыцарям в замке
угодно.
- 768 И рыцари, учтиво с богатых кресел встав,
Как исстари посольству предписывал устав,
Сказали знатым дамам, что́ господин их хочет,
Какую королевне он долю высокоу прочит.
- 769 Прекрасная Кудруна им отвечала так:
«С отважным князем вашим я отвергаю брак
И с ним делить не стану норманнскую корону.
Мне дорог только Хервиг, я только к нему
благосклонна.
- 770 Мы связаны обетом, он взят в супруги мной
И перед целым светом избрал меня женой.
Любовь и честь большую он заслужил в награду.
Вовек, пока дышу я, мне друга иного не надо».
- 771 «Дал Хартмут приказанье,— сказал один
норманн,—
Открыть его желанье. И это не обман,

Что в случае отказа, вам ждать три дня осталось:
Он будет здесь с войсками.» Кудруна в ответ
рассмеялась.

772 Два графа собиравшись в обратный путь отбыть.
Велела королева посланцев наградить,
Сколь ни противны сердцу ей гости показались.
Но те, с коварной целью, от щедрых даров
отказались.

773 А люди королевы осмелились сказать:
«Ни злобой, ни угрозой вам нас не запугать.
Коль не захочет Хартмут испить у нас вина,
Так мы горячей кровью его напоим допьяна».

774 И с тем огряд отважный обратно поскакал,
Откуда с вестью важной их Хартмут посылал.
Спросил герой, с какою они явились вестью
И любо ль показалось его предложенье невесте.

775 Один ответил: «Дева отвергла эту честь,
Затем что друг сердечный у королевны есть,
Его дарят любовью, а вам и вашей свите
Испить придется крови, коль вы их вина
не хотите».

776 «Ах, я покрыт позором! Мне сердце жжет ответ,—
Сказал на это Хартмут.— Нам спрашивать не след,
Помогут ли мне други отмстить за стыд и горе.»
И доблестные слуги сошлись к нему с берега
моря.

777 Все стали под знамена, и, гневом распалясь,
Их повели на приступ король и юный князь,

Был стяг их гордый виден из окон Мателаны.
И молвила Кудруна: «Вернулся отец мой
желанный».

778 Но Хильда разглядела, что это вражий стяг.
«Ах, много горя ныне нам уготовил враг,
Пришли лихие гости за госпожой Кудруной,
Пойдут рубить доспехи теперь они до ночи
лунной.»

779 А слуги утешали владычицу свою:
«Мы с ними за бесчинство расплатимся в бою,
Пускай потом считают полученные раны».
Закреть велела Хильда героям врата Мателаны.

780 Однако хегелинги ослушались ее
И знамя государя воздели на копье.
Воители хотели наружу устремиться
И там, в открытом поле, с достойным
противником биться.

781 Решетки полагалось повсюду опустить,
Но их мужи велели из гордости открыть,
Врагом пренебрегая, и в замок без преграды
За первую дружиной вошли остальные отряды.

782 С поднятыми мечами норманны шли вперед,
Их тысяча иль больше скопилось у ворот,
Да добрых десять сотен за Хартмутом скакали.
Все спешили и слугам коней увести приказали.

783 Был каждый нападавший вооружен копьём
И наносил удары разящим острием,
Сквозные раны множа. Их натиск продолжался.
А грозный Людвиг тоже с дружиной сюда
приближался.

- 784 Глядели дамы в страхе на то, как ехал он,
И реяли по ветру полотнища знамен,
Бойцов за каждым стягом три тысячи скакали,
Воинственность и злоба на лицах у них
проступали.
- 785 Оставила охрана высокородных дам
И ратным предавалась без усталости трудам.
Вонтелей отважней на свете не бывало,
И Хартмута* дружина их мощь на себе испытала.
- 786 Уж чаяли герои победу одержать,
Когда внезапно Людвиг привел большую рать,
Нормандии владыка пришел на помощь сыну,
И многих хегелингов они обрекли на кончину.
- 787 Король норманнов Людвиг разил своих врагов
Так, что летели искры от кованых щитов,—
Такую силу смелый в своей груди носил,
И у его героев хватало отваги и сил.
- 788 А гордым хегелингам уже пришлось не раз
Раскаяться, что ими не выполнен приказ
Прекрасной дамы Хильды, супруги короля:
Они виной, что многих уже поглотила земля.
- 789 Войска отца и сына соединились вместе,
Но скоро господина слуга встревожил вестью:
«Запрет ворота Хильда!» Загородясь щитами,
Бойцы пошли на приступ, чтоб в замок внести
свое знамя.
- 790 Хотя со стен и башен их встретил град камней,
Он был бойцам не страшен, их натиск стал
сильней,

А думать об убитых досуга не хватало.
Под стенами на плитах здесь множество
воинов пало.

⁷⁹¹ Прошли через ворота король и юный князь,
Сразив врагов без счета, чья кровь рекой лилась.
И от сердечной боли Кудруна зарыдала.
В отцовском замке то ли ей видеть еще
предстояло!

⁷⁹² Уже отважный Людвиг порадоваться мог,
Что гордый стяг норманнский они внесли в чертог
И над зубцами замка их знамя развевалось.
Печалиться и плакать Кудруне теперь оставалось.

⁷⁹³ Явился к деве Хартмут, как гром средь бела дня:
«Всегда вы презирали, сударыня, меня,
А нынче в Мателане мы брать не будем пленных,
Повесим и заколем защитников ваших
презренных».

⁷⁹⁴ Одно лишь королевна отважилась сказать:
«Увы, отец мой милый, коль мог бы ты узнать,
Что дочь твою увозят насильно в плен за море,
Уж я бы не терпела такого позора и горя».

⁷⁹⁵ И впрямь лихие гости не унесли бы ног,
Когда бы грозный Вате увидеть только мог,
Что Хартмутовы люди гуляют в залах замка,
А дочка государя Кудруна — его полощанка.

⁷⁹⁶ И если б Вате, Хетель могли об этом знать,
Уж войны сумели б за деву постоять,
Круша мечами шлемы. Тогда бы не случилось,
Что юная Кудруна в норманнском плену
очутилась.

- 797 В поверженной твердыне тоска душила всех.
(Так было бы и ныне.) А гости без помех.
Разбойничали вволю, тащили, что желали.
Вы можете мне верить: богатыми все они стали.
- 798 Сокровища мешками норманны нагребли,
За обе руки Хильду из дома повели
И сжечь хотели замок во что бы то ни стало.
А что их ждет за это, гостей беспокоило мало.
- 799 Но Хартмут Мателану им запретил спалить,
Затем что торопился на родину отплыть,
Покуда не вернулись бойцы из марки Валеис,
Где с Хетелем и Вате они до сих пор оставались.
- 800 «Бросайте грабежи вы, нам трогаться пора!
Вам дома для поживы я много дам добра.
Без груза плавать легче.» Меж тем не стало сил
Кудруне зреть бесчинства, которые Людвиг
творил.
- 801 Их замок был разрушен, а город был сожжен,
Норманны в плен забрали прекраснейших из жен
И много дев пригожих. А сердце королевы
На части разрывалось от лютого горя и гнева.
- 802 Как тяжело было девам бросать ее одну!
Поспешно королева приблизилась к окну,
Чтоб с башни наглядеться на них перед
разлукой.
Здесь много жен осталось, такой же терзаемых
мукой.

- ⁸⁰³ И возносился к небу их громкий плач и крик,
Никто счастливым не был в прощальный этот миг.
С Кудруной отъезжала ее девичья свита.
Зато потом немало воителей было убито.
- ⁸⁰⁴ На берег моря Хартмут всех пленников согнал.
В развалинах, сожженным он город оставлял.
Всё по его случилось веленью и желанью,
Кудруну с Хильдебургой он вез, обрекая
страданию.
- ⁸⁰⁵ Нормандец знал, что Хетель за тридевять земель
С неверными воует, и поспешил отсель,
Пока его деянья не выплыли наружу.
Лишь он убрался, Хильда отправила нарочных
к мужу.
- ⁸⁰⁶ И, плачась, извещала супруга своего,
Что умерло немало воителей его,
В крови горячей Хартмут свирепо утопил их
И в плен увел Кудруну и множество девушек
милых.
- ⁸⁰⁷ «Отважные посланцы, скажите королю,
Что я одна осталась и бедствие терплю.
Ушел, ликуя, Людвиг, и тысяча убитых
У башен Мателаны лежат, коченея на плитах.»
- ⁸⁰⁸ На третье утро Хартмут, сын Людвига,
вельможный
От берега отчалил. И все, что только можно
Взять в плаванье с собою, норманны захватили,
Разбоем и татьбою хозяев они разорили.
- ⁸⁰⁹ Кто нам поведать может, что с ними дальше было?
От ветра раздуваясь, шумели их ветрила,

Шли корабли на остров, что Вюльпенландом
звался,
Он, дикий и пустынный, на глади морской
возвышался.

XVI авентюра
Как Хильда послала гонцов
к Хетелю и Хервигу

⁸¹⁰ Высокородной Хильде средь неотвязных дум
Одно на сердце пало и занимало ум,
Как ей гонцов отправить с печальной вестью
к мужу,
Что зло содеял Хартмут и нет у них недруга хуже.

⁸¹¹ И Хетелю велела и Хервигу сказать:
«Кудруна в плен попала, погибла наша рать,
Одна теперь осталась я дома мыкать горе.
Все золото и перлы увез неприятель за море».

⁸¹² Отправились поспешно отважные мужи
По слову безутешной, прекрасной госпожи.
И на седьмое утро до места доскакали,
Где мавров хетелинги в жестокой осаде держали.

⁸¹³ Герои состязались в отваге всякий день,
В забавах разгоняя уныние и лень,
То тешились прыжками, то взапуски бежали,
То в цель бросали дроты и длинные копыя метали.

Велите ж поскорее друзьям ко мне явиться.
Несчастья тяжелее у нас не могло приключиться».

821 Тут Хервига-Зеландца в покои стали звать,
Друзей и слуг позвали, и остальную знать.
И, к Хетелю явившись, герои увидали,
Что вождь их пребывает в глубокой и тяжелой
печали.

822 Но тут король сказал им: «Друзья, свое несчастье
Я вам сейчас открою, надеясь на участие.
Мне вот что королева с гонцами довела:
Беда случилась. Плохи на родине нашей дела.

823 Охвачена пожаром страна, все замки пали,—
Увы, как видно стражи их слабо охраняли.
Кудруна в плен попала, и головы сложили
Дружинники, что дома мне верой и правдой
служили».

824 Блеснула на реснице у Хервига слеза,
Слезами увлажнились и Хетеля глаза,
Их плачущими видя, все прослезилась тоже,
В унынье погрузились сородичи их и вельможи.

825 Тут молвил старый Вате: «Не растравляйте ран
Рассказом о злодействах, что совершил Нормани.
Еще на нашу долю деяний славных хватит,
За наше униженье весь род его кровью заплатит».

826 Спросил король: «А как же нам это совершить?»
«Нам мир,— ответил Вате,— придется заключить
С владыкой мавританским. Мы соберемся с сплой,
Отправимся походом в погоню за пленницей
милой».

- 827 И старый воин мудро совет закончил свой:
«Нам надобно наутро дать войску мавров бой
И так их встретить в поле, чтоб стало им понятно,
Что жизнь их в нашей воле, от нас не уйти
им обратно».
- 828 Сказал отважный Хервиг: «Нам добрый дан совет,
Готовьтесь, чтобы завтра нам выступить чуть свет.
Пусть наше превосходство враги увидят сами.
Моя душа безмерно скорбит о похищенной даме».
- 829 И каждый приготовил для завтрашнего дня
Надежные доспехи и резвого коня.
Забрезжила денница, и рыцари напали
На храбрых абакийцев и славу в той битве
снискали.
- 830 Людей в расцвете жизни здесь уносила смерть,
Флажки на древках копий мелькали вкруговерть,
Бойцы врагам кричали: «Идите к нам навстречу!»
И мавров настигали, бросаясь стремительно в сечу.
- 831 Поверх щита взирая, возвысил Ирольт глас:
«Герои-мавры, гибель здесь ожидает вас,
Далеко ваши земли, так мира не хотите ль,—
Велел спросить вас Хетель, прославленный мой
повелитель».
- 832 Владыка мавров Зигфрид ответил в свой черед:
«Вам выгоду победа над нами принесет.
Пусть мир, но мир почетный согласен
заклЮчить я,
А силой вы добьетесь лишь нового кровопролитья».

- 833 Тогда промолвил Фруте: «Клянитесь нам служить,
А мы вас восвояси согласны отпустить.
От вас в повиновенье мы требуем поруки».
И мавры, присягая, простерли торжественно
руки.
- 834 Все завершилось миром, как я уже сказал.
Бойцы пошли друг к другу, и каждый обещал
Взаимную поддержку и дружбу без обмана.
Их ненависть былая угасла на горе Норманну.
- 835 Тут Хетель первым делом союзнику открыл,
Какою вестью злою он опечален был,
И обещал до гроба быть мавру благодарным,
Коль он ему поможет расправиться с князем
коварным.
- 836 Властитель Альцаabei ответил королю:
«Коль сыщутся злодеи, так я их погублю».
И молвил старый Вате: «Морской их путь мне
ведом,
Мы их легко нагоним, как только отправимся
следом».
- 837 Сказал на это Хетель: «Но где же взять мне флот
При всем моем желании отправиться в поход?
Уж из дому давно бы я корабли отправил,
За наш урон и горе врагов расплатиться
б заставил».
- 838 Ответил старый Вате: «Ну, это не беда,
Все в божьей власти. Знаю, где нам найти суда.
Отсюда недалеко их семьдесят иль боле
С запасами съестного недвижно стоят на приколе,

⁸⁴⁵ Должно быть, по заслугам воздал герою бог
За то, что на мученья он страпников обрек:
Король с его мужами погибли на чужбине,
И слезы пилигримов ему отлились и дружине.

⁸⁴⁶ Поплыли хегеллинги так скоро, как могли,
Благоприятный ветер понес их корабли.
Вперед, под парусами, по вражескому следу.
Они отмстить хотели норманнам за все свои беды.

XVII авентюра
Как Хетель пришел за своей дочерью
на Вюльпензанд

⁸⁴⁷ Король норманнов Людвиг и юный Хартмут-князь,
От странствия морского изрядно утомясь,
Сошли на дикий остров с дружиной для привала.
Большой была их свита, но радостей ждало их
мало.

⁸⁴⁸ Он звался Вюльпензандом, широкий остров тот,
Отважные норманны, свершавшие поход,
Коням давали отдых и сами отдыхали.
Что близок час расплаты, об этом они и не знали.

⁸⁴⁹ И пленниц благородных на берег привели.
Насколько полонянки отважиться могли,
Они перед врагами печали не скрывали,
Оплакивали близких и участь свою проклинали.

- 850 Везде на побережье уже зажглись огни.
Бойцы разбили лагерь. Надеялись они
Здесь в обществе красавиц пробыть семь дней
иль боле.
Случилось по-другому, им горькая выпала доля.
- 851 На острове пустынном, в необозримых водах
Они остановились и предвкушали отдых,
Но рыцари надежду напрасную питали
В кругу прекрасных женщин семь дней отдохнуть
на привале.
- 852 Их стан от Мателаны лежал в такой дали,
Что гордые норманны помыслить не могли
О том, что их стоянка для них бедой чревата
И в море спозаранку с друзьями появится Вате.
- 853 Слуга вдали заметил корабль под парусами
И к Хартмуту явился с такими новостями,
Но рыцари, увидев кресты на парусине,
Сказали: «Пилигримы плывут поклониться
святыне».
- 854 А вскоре показались три корабля больших
И девять крепких барок, но те, кто плыл на них,
Креста во славу божью на платье не носили.
За свой позор и горе норманнам они отплатили.
- 855 Весь флот уже так близко к их стану подходил,
Что блеск щитов и копий норманнов ослепил.
«Гляди-ка,— крикнул Хартмут,— враги явились
наши!»
Пришлось испить дружине и Людвигу горькую
чашу.

856 Ломались с треском весла в руках гребцов
иных,—

Такое нетерпенье одолевало их.

И юным, и бывалым воителям на суше

Пришлось обороняться, чтоб только спасти свои
души.

857 Король и Хартмут взяли тяжелые щиты.

Они домой попали б еще до темноты,

Когда бы не прельстились привалом. Им казалось,

Что у отца Кудруны надежных друзей

не осталось.

858 «Доселе,— молвил Людвиг,— в игрушки я играл,

Врагов, меня достойных, впервые бог послал,

Они, я это чую, в сраженьях непреклонны.

Так всех озолочу я, кто станет под наши

знамена».

859 Стяг Хартмута норманны на берег понесли,

А к берегу так близко подплыли корабли,

Что их копьем коснуться оттоле было можно.

Я думаю, что Вате щитом прикрывался надежно.

860 Такой жестокой брани еще не видел свет,

Уж на песке датчане свой проложили след.

Копье и меч булатный исход войны решали,

Сражались оба стаа и мир заключать не желали.

861 Везде борьба кипела на диких берегах,

Летели гуще стрелы, чем снег летит в горах,

Когда с альпийских склонов холодный ветер вест.

Все удалю блистали, но смерть никого не жалост.

- 862 Навстречу рою копий ответный рой летел.
Но побережьем Хетель не скоро овладел.
На полчища норманнов с мечом бросался Вате,
Был грозен старый воин, и он не щадил
супостата.
- 863 Король норманнов Людвиг на Вате наскочил
И рыцаря ударил копьем что было сил,
По воздуху обломки от древка полетели.
Был мужественен Людвиг. Тут к Вате друзья
подоспели.
- 864 На шлем врага обрушил свой острый меч старик,
Клинок его булатный до черепа проник.
Надел по счастью Людвиг рубашку под кирасу
Из абалийской ткани, а то бы не прожил и часу.
- 865 Отважный Людвиг Вате чуть жизни не лишил,
Но сам насилу спасся и скрыться поспешил;
Ведь были шутки плохи в бою с героем старым,
Он рыцарей немало прикончил смертельным
ударом.
- 866 Схватились вместе Ирольт и Хартмут. Их клинки
Секли ожесточенно стальные шишаки,
И звон мечей далеко на поле раздавался.
Был смел датчанин Ирольт, и Хартмут отважно
сражался.
- 867 Король зелаандцев Хервиг не мог к земле пристать,
Тогда он в море прыгнул и брода стал искать.
В воде по горло стоя, явил в борьбе с волнами
Он мужество такое во имя служения даме.

868 Враги его хотели в пучине утопить,
Но только и сумели, что копья расщепить
О крепкий панцирь. Хервиг на сушу устремился
И там в бою с врагами за многих друзей
расплатился.

869 Покуда Хетель смело с дружиной наступал,
Вода побагровела от крови тех, кто пал.
И ток волны кровавой расплылся в море шире,
Чем мог копье забросить любой из воителей
в мире.

870 Героям тяжело было. Их столько шло ко дну,
Что, верно бы, хватило на целую страну.
Их миловали раны и не мечи сразили,—
Что пужды, не равно ли в какой оказаться
могиле!

871 Свое дитя родное отстаивал король,
Но в битве все терпели страдания и боль.
Друзья врагов разили и погибали сами.
Весь берег Вюльпензаанда был мертвыми устлан
телами.

872 Но силы напрягали Нормандии сыны,
И были хегелинги неистовства полны.
Датчане показали, как надобно сражаться.
Кто жить хотел на свете, не должен был им
попадаться.

873 Там Ортвин, Морунг пашню костями засевали
И в схватке рукопашной соперников не знали,
Покрыли оба славой себя на поле бранном,
Бесчсленные раны они паносили норманнам.

- 874 А доблестные мавры, как сказывали нам,
Явиться поспешили на выручку друзьям.
На их поддержку Хетель надеялся немало:
От их мечей сквозь шлемы горячая кровь
выступала.
- 875 Возможно ль быть храбрее, чем вождь их
Зигфрид был?
Он кровью много светлых доспехов обогрил,
Воитель достославный, в тот день он бился люто.
И можно ль быть смелее, чем доблестный Вате
и Фруге?
- 876 Все изломали копья — и та, и эта рать.
С друзьями вышел Ортвин Кудруну воевать.
В тот день они немало доспехов изрубили.
Сестра его рыдала и слезы все пленницы лили.
- 877 Бойцы весь день сражались, однако рвенье их
Еще не истощалось и натиск не утих.
Тут злую неудачу датчане потерпели,
Когда они Кудруну отбить у норманнов хотели.
- 878 Спускался вечер, солнце окутывала мгла,
Все хуже становились у Хетеля дела,
Норманны осмелели и удержу не знали,
Мечами раны сея, Кудруну они защищали.
- 879 Шел бой, пока героям не помешала ночь.
А на рассвете снова за Хетелеву дочь,
Себя не посрамляя, и стар и млад сражался,
И тут к вождю норманнов отец королевны
прорвался.

XVIII авентюра
Как Людвиг убил Хетеля
и ночью уехал оттуда

- 880 Противники взметнули клинки над головой,
И каждый убедился, насколько смел другой.
Стяжал победу Людвиг, и Хетель пал на месте,
И разнеслись повсюду об этом печальные вести.
- 881 Узнала королева, что от руки норманна
Окончил жизнь плачевно владелец Мателаны,
В отчаянье рыдала, и девы слезы лили.
Не только что датчане — враги опечалены были.
- 882 Узнал об этом Вате и вепрем закричал.
Он, требуя расплаты, удары расточал,
От них зари краснее стальные шлемы рдели,
И всей его дружиной отвага и злость овладели.
- 883 Но как поможешь горю, когда король сражен?
Был жаркой кровью вскоре весь остров обагрен.
О мире хегелинги нимало не радели,
Они вернуть Кудруну в свое королевство хотели.
- 884 Герои марки Штурмен шли мстить за короля,
Все тяготы с бойцами из Валейса деля,
Датчане хегелингам, нортландцам помогали,
Все так упорно бились, что много мечей изломали.
- 885 Отважный Ортвин рвался отмстить за смерть
отца.
Датчанин Хорант, верность хранивший до конца,
Привел к нему на помощь своих людей немало.
День был уж на исходе, и темная ночь
наступала.

- ⁸⁸⁶ Герои наносили норманнам много ран.
Тут к Хоранту метнулся какой-то из датчан,
Звеня мечом. Тот воин был припят за норманна,
Нанес в потемках Хорант герою смертельную
рану.
- ⁸³⁷ Оплакал смелый Хорант собрата боевого,—
По голосу узнал он племянника родного,
И за своим штандартом редеющему строю
Стяг павшего велел он нести из почтенья к
герою.
- ⁸⁸⁸ «Нас ждет не бой, а бойня,— возвысил Хервиг
глас,—
День кончился, и солнца последний луч угас,
Мы перебьем друг друга, погибнет каждый третий
Из рыцарей, коль битву придется кончать на
рассвете».
- ⁸⁸⁹ Везде, где только Вате в сражение вступал,
Противник устрашенный с ним встречи избегал.
Был гнев его неистов: непобедимый Вате
Туда отправил многих, откуда уж нету возврата.
- ⁸⁹⁰ Пришлось прервать сраженье, пока не рассвело.
В обоих станах много героев полегло
От ран неисцелимых. Луну скрывали тучи.
И упустил победу той ночью воитель могучий.
- ⁸⁹¹ Не вдруг утихла битва. Уже в глухой ночи
Натруженные руки оставили мечи.
Так близко друг от друга противники стояли,
Что блеск чужих доспехов при свете костров
различали.
- ⁸⁹² В сторонку Людвиг с сыном пошли совет
держать.
А после начал Людвиг с бойцами толковать:

«Зачем нам ждать рассвета с отважным Вате
вместе,
Коль этот рыцарь грозный убить меня хочет из
местн?»

⁸⁹³ Вы лучше под покровом наставшей темноты
Прилягте, положивши под головы щиты,
А после зашумите, чтоб враг не догадался.
Что я со всею ратью уйти с Вюльпензанда
собрался».

⁸⁹⁴ Дружинники покорно исполнили приказ,
И трубы и валторны зарокотали враз,
Как будто всей округой норманны завладели.
Свою большую хитрость король показал в этом
деле.

⁸⁹⁵ Тут стали девы плакать и громко причитать,
Но им под страхом смерти велели замолчать,
Мол, если кто не сдержит стенаний и рыданья,
Того в волнах утопят без жалости и состраданья.

⁸⁹⁶ Сокровища забрали воители с собою,
Оставили убитых лежать на поле боя,
Скорбя о том, что много друзей не досчитались.
И корабли погибших стоять у причала остались.

⁸⁹⁷ Так с помощью обмана ушли ночью в море
Отважные норманны. А девы были в горе,
Что об отъезде тайном от близких умолчали.
А те, беды не чуж, до самой зари почивали.

⁸⁹⁸ Ушли далеко в море задолго до депницы
Те, с кем друзья Кудруны надеялись сразиться.

Тут затрубил громово в походный рог свой Вате,
Хотел вести он снова войска и разбить супостата.

⁸⁹⁹ Герои хегелинги, кто пеший, кто верхом,
На берег потянулись, чтоб встретиться с врагом
И Людвигу с дружиной отомстить в бою жестоко.
А их и след простыл уж, норманны плыли
далеко.

⁹⁰⁰ Узрели хегелинги пустые корабли,
Разбросанные платья, лежавшие в пыли,
И множество доспехов. Всё рыцари проспали
И отомстить норманнам теперь навсегда опоздали.

⁹⁰¹ Узнал об этом Вате. Как был он огорчен,
Что, Людвигом убитый, король не отомщен,
Разбито много шлемов в сражении напрасном,
Еще придется плакать на родине женам
прекрасным.

⁹⁰² С какой глубокой болью, разгневан и суров,
Отважный Ортвин павших оплакивал бойцов!
Он звал друзей: «В погоню! Мы чести не уроним,
Пока норманны близко, мы их, может статься,
догоним».

⁹⁰³ Его призыву Вате был следовать готов,
Но вслушивался Фруте в протяжный шум ветров
И так сказал героям: «Что проку торопиться?
Считите: миль на тридцать норманны могли
удалиться».

⁹⁰⁴ Чтоб нанести урон им погонюю своей,
У нас не наберется для этого людей,
Да их и не настигнем,— что толковать об этом!
Так не пренебрегайте, друзья мои, добрым
советом,

905 Вы раненых героев на барки отнесите,
Собрав тела убитых, их с честью погребите
На диком Вюльпензанде. Здесь головы сложили
Так много ваших близких. Нам надо укрыть их
в могиле».

906 Друзья, ломая руки, унынью предались,
Их, горше всякой муки, одна терзала мысль:
Потеряна Кудруна, враги ушли от местн,
С какой же к королеве теперь они явятся
вестью?

907 Рёк Морунг: «Мы снесли бы и не такую боль,
Но как расскажешь Хильде о том, что пал
король?
Плохого дара стоим мы — вестники позора.
Бежал бы я от Хильды, чтоб только не слышать
укора».

908 Искать повсюду стали они тела бойцов
И часто узнавали среди этих мертвецов
Своих единоверцев. Приказу Вате внемля,
Всех христиан убитых бок о бок сложили на
землю.

909 Советоваться стали, как дальше поступить.
«Их должно,— молвил Ортвин,— сперва
похоронить,
Потом почтить их память, здесь монастырь
построив,
Куда польются вклады от родичей павших
героев.»

- ⁹¹⁰ Сказал на это Вате: «Ты добрый дал совет.
Их лошадей и платье еще продать нам след.
Добро, что здесь осталось от рыцарей убитых,
Пойдет на нужды бедных и горький удел
облегчит их».
- ⁹¹¹ Спросил отважный Ирольт: «Укрыть ли нам
в могиле
Тела врагов, что столько нам горя причинили,
Иль ворошам с волками оставить на съеденье?»
И мудрые сказали: «Их всех предадим
погребенью».
- ⁹¹² Страда прошла, и время нашлось для похороп.
Погибший смертью храбрых, был Хетель погребен,
И всех других убитых похоронили тоже,
Каким бы ни был род их и цвет их знамен или
кожи.
- ⁹¹³ Особо положили всех мавров, что нашли.
И павших хегелингов отдельно погребли.
В особицу — норманнов. Всяк на своем погосте —
Прах рыцарей крещеных и храбрых язычников
кости.
- ⁹¹⁴ И целую неделю, закапывая прах,
Друзья о том радели за совесть, не за страх,
Как вымолить вернее у господи прощенье
Погибшим хегелингам за тяжкие их прегрешенья.
- ⁹¹⁵ Все дни по ним читали молитвы и псалмы,
И мертвых отпевали до наступленья тьмы.
Еще нигде на свете по окончанье битвы
Так дивно не служили в церквях, возглашая
МОЛИТВЫ.

- ⁹¹⁶ Впоследствии монахи могилы опекали,
И триста гуф за ними угодий записали
И монастырь воздвигли. Отцы госпитальеры
На острове являли пример благочестья и веры.
- ⁹¹⁷ Те, у кого остались здесь близкие лежать,
Считали долгом лепту в обитель посылать
За упокой усопших. И процветало братство,
Три сотни гуф, не меньше, его составляло
богатство.
- ⁹¹⁸ Да снидет милость божья на тех, кто там почли,
И тех, кто все заботы погибшим посвятили.
Герои хегелинги, что сохранили жизни,
Меж тем, покинув остров, к своей направлялись
отчизне.

XIX авентюра

Как хегелинги вернулись в свою страну

- ⁹¹⁹ Похоронили столько воители друзей,
Что ни в один из прежних благословенных дней
Домой не приезжали в таком великом горе.
Заплакали в печали прекрасные женщины вскоре.
- ⁹²⁰ Отважный рыцарь Ортвин остался жив и цел,
Но к матери любимой явиться не посмел,
Боясь в глаза ей глянуть. А мать его вседневно
Ждала, что хегелинги домой привезут королеву.

- 921 С опаской старый Вате поехал в замок к ней;
Другие не решались. Он доблестью своей
Не смог спасти их войско от горя и позора
И чувствовал, что Хильда вернет ему милость
не скоро.
- 922 В стране уже узнали, что прибыл старый Вате,
Но люди духом пали, припомнив, что когда-то
Походы завершались веселнем и шумом,
Теперь же возвращались герои в молчанье
угрюмом.
- 923 Сказала Хильда: «Боже, что там произошло?
Вот едут люди Вате, вздыхая тяжело.
Щиты разбиты, кони едва бредут устало.
Где государь остался, я это узнать бы желала».
- 924 Недолго ждать ответа пришлось несчастной ей.
Воителям навстречу сбежалась тьма людей,
Желающих услышать о родственниках вести,
И то, что молвил Вате, их так и сразило на месте.
- 925 Сказал он: «Лгать не стану и не могу скрывать я:
Они убиты, ваши друзья, сыны и братья».
В несказанное горе поверг их старый Вате,
От мала до велика все ужасом были объаты.
- 926 «О, горе мне,— сказала супруга короля,—
Укрыла государя могильная земля,
Лишилась я и мужа, и славы безвозвратно,
И дочь моя Кудруна уже не вернется обратно».
- 927 Скорбели всей душою и девы, и мужи,
Внимая неустанным рыданьям госпожи.

От громких ее жалоб звенели своды зала.
«Увы, ликует Хартмут!» — сквозь слезы она
простонала.

928 «Сударыня, не плачьте,— ей молвил старый
Вате,—
Нам слезы не помогут, умершим нет возврата,
Но день придет, и дети убитых возмужают,
Жестокие норманны их месть на себе испытают».

929 «Ах, если б дожила я до гибели злодея!
Охотно б отдала я все то, чем я владею,
Лишь только бы дожидаться осуществленья мести
И снова оказаться с любимой дочерью вместе».

930 Ей молвил старый Вате: «Сударыня, не плачьте,
Всего двенадцать суток на сборы нам назначьте.
Мы снова в наступленье отправимся всем станом,
Врагу дадим сраженье, и плохо придется
норманнам.

931 Но знайте: так случилось, что, мщенье лелея,
У мирных пилигримов взял девять кораблей я,
Теперь нуждой и горем паломники томимы,
Чтоб наш поход удался, суда возвратить им
должны мы».

932 Хозяйка отвечала, печалась всей душой:
«Ограбить пилигримов — ведь это грех большой.
Чтоб вымолить прощенье, пускай мои герои
Казною королевской оплатят их протори втрое».

933 По слову королевы чужие корабли
Герои к пилигримам обратно отвели

И каждому убытки так щедро возместили,
Что все остались рады и Хагена дочь не хулили.

⁹³⁴ А на другое утро приехал в замок к ней
Высокородный Хервиг из вотчины своей.
Вдова, ломая руки, по Хетелю рыдала,
Но юному герою сердечный прием оказала.

⁹³⁵ На слезы Хильды глядя, и Хервиг слезы лил,
Хозяйку утешая, он так заговорил:
«Они не все погибли, те, кто помочь вам в силах,
И отомстить готовы норманнам за родичей милых.

⁹³⁶ И я не успокоюсь, покуда Хартмут цел.
Князь дорого заплатит за то, что он посмел
Жену мою похитить, нанести урон дружине,
И я за ним в погоню дойду до норманнской
твердыни».

⁹³⁷ В унынье пребывали все храбрые мужи,
Однако поспешили к престолу госпожи.
Их в замок призывая, она рекла без гнева:
Кто предан ей, не должен чуждаться своей
королевы.

⁹³⁸ Пришли отряды фризов и штурменских бойцов,
К датчанам отрядила владычица гонцов,
Приехал смелый Морунг с людьми из марки
Валейс,
А следом хегелинги на двор королевы собрались.

⁹³⁹ Сын Хильды, юный Ортвин, приехал наконец,
Оплакан был как должно король, его отец.
Вдова совет держала с вассалами своими,
Поход на супостата задуман был заново ими.

⁹⁴⁶ «Велю,— она сказала,— построить поскорей
Мне двадцать быстроходных, могучих кораблей,
В поход вооружить их велю, чем только можно.
Они моих героев к норманнам доставят надежно».

⁹⁴⁷ Все начали прощаться, а мавританский князь
Промолвил, к королеве учтиво обратясь:
«Вы только знать мне дайте, когда поход
начнется,
Я тотчас к вам прибуду, за мной посылать не
придется».

⁹⁴⁸ Хозяйка с храбрецами приветливо простилась,
Хотя глубокой скорбью душа ее томилась;
И гости королеву покинули, печалясь.
Норманны и не знали, о чем они здесь
 совещаались.

⁹⁴⁹ Уехали вассалы, а мудрая жена
На Вюльпензанд послала и хлеба, и вина,
Чтоб все, кто там молились о рыцарях убитых,
И Хильду поминали в своих ежедневных
 молитвах.

⁹⁵⁰ Велела королева воздвигнуть монастырь
И госпиталь построить, где раньше был пустырь.
Все чтили ту обитель и тех, кто в битве пали,
«Приют на Вюльпензанде» — так все монастырь
 называли.

XX авантюра
Как Хартмут вернулся домой,
в свое королевство

951 Простимся с Вюльпензандом и всем, что случилось
там,

Монахов предоставим их праведным делам,
Расскажем о норманнах, о Хартмуте надменном
И благородных девах, к несчастью попавшимся
в плен им.

952 Норманны вышли в море, как я успел сказать,
На поле боя многих оставив умирать.
Те рыцари скончались, от ран кровавых мучась.
Осиротелым детям пришлось их оплакивать
участь.

953 С трудом от Вюльпензанда мужи уплыли прочь,
Но горькая досада их грызла день и ночь:
Стыдился бегства каждый, седой боец и юный,
Хотя их вождь отважный домой возвращался с
Кудруной.

954 Но вот уж показалась родимая земля,
Чей берег мореходы узнали с корабля.
Один из них воскликнул: «Отчизну видит око,
До замков королевских теперь уже плыть
недалеко».

955 Им ветры помогали и мчали корабли.
Нарадоваться вдоволь герои не могли,
Что скоро будут вместе с домашними своими.
Ведь дома их родные уже не считали живыми.

- 962 Он внес ее на барку. Отец его упрямый
Мог круто обходиться с любой прекрасной дамой.
Ах, как скребло на сердце у королевской дочки!
Она сидела в той же, в воде побывавшей, сорочке.
- 963 Все девушки рыдали от состраданья к ней,
И не было печали у пленниц тяжелых,
Чем видеть, как жестоко карают королевну,
И думать: «Наша участь тем более будет
плачевна».
- 964 Князь молвил: «Для чего вам жену мою топить?
О, если б не отец мой так вздумал поступить,
А рыцарь посторонний, он жизнью б заплатился
И вместе с нею чести, достойной героя, лишился».
- 965 На это молвил Людвиг: «Узнай же, милый сын,
Никем не посрамленный, я дожил до седни,
Хочу я жить со славой и с ней сойти в могилу.
Вели, чтоб мне Кудруна за эту обиду не мстила».
- 966 А верные посланцы отправились уже
С поклоном и приветом к Герлинде-госпоже,
Сказать, чтоб та встречала почтительного сына,
Как будет у причала его боевая дружина.
- 967 Велел сказать ей Хартмут, что дева едет с ним.
Еще ее не видя, он страстью был томим,
И сердце по невесте заране изнывало.
Приятнее известия Герлинда вовек не слыхала.
- 968 Сказал посол достойный: «Сударыня, вам след
Спуститься вниз из замка, чтоб слышала привет
Из ваших уст Кудруна. Утешьте ее в горе,
И ваша дочь Ортруна пусть тоже отправится к
морю.

- 969 Пускай поедут с вами красавицу встречать
И дамы, и девицы, и рыцарская знать.
Когда на чуждый берег сойдет она с опаской,
Пусть все к ней обратятся с сердечным приветом
и лаской».
- 970 «Все выполню охотно,— сказала госпожа,—
Грядущим счастьем сына с Кудруной дорожа,
Я радоваться буду, коль к нам она прибудет
И Хартмут подле милой былую печаль позабудет».
- 971 Велела королева готовить лошадей,
Взять седла побогаче, попоны попышней.
Ортруну веселило, что к ним Кудруна едет,
Чья прелесть всех пленила, кем брат ее издавна
бредит.
- 972 Красивейшие платья, уборы извлекли,
Что в кованных укладках доселе берегли,
Заботливо одели всех княжеских придворных,
Они пошли из замка в богатых нарядах узорных.
- 973 На третьи сутки утром все жены и мужи
Из свиты королевы и юной госпожи
Уже готовы были к приему знатной дамы
И, в замке не промешкав, отправились к гавани
прямо.
- 974 А рыцари в то время к Нормандии приплыли
И в гавани добычу богатую сложили.
Они домой вернулись, и весело им было.
И лишь у знатных пленниц от горести сердце
щемило.

- 975 Вел на берег Кудруну отважный Хартмут-князь.
Она без этой чести охотно б обошлась,
Да только не посмела отталкивать норманна,
А он готов был милой во всем угождать
непрестанно.
- 976 Ступали следом девы — их было шестьдесят.
Им почести пристали. Как люди говорят,
Их славили доселе во многих странах дальних,
А ныне все веселье покинуло пленниц печальных.
- 977 Меж двух вассалов знатных сестра героя шла.
Сердечно дочку Хильды Ортрупа приняла,
Тогда Кудруна, плача, княжну поцеловала,
Взяв за руки Кудруну, Ортрупа ее утешала.
- 978 Хотела королева ее коснуться губ,
Но поцелуй Герлинды Кудруне был не люб,
Она сказала: «Полно! Не надо приближаться,
Вам, госпожа Герлинда, не совместно со мной
целоваться.
- 979 Ведь вашим наущеньем я ввергнута была
В пучину стольких бедствий, терпела столько зла
И жду еще немало себе обид и сраму».
Хотела королева задобрить прекрасную даму
- 980 И каждую из пленниц приветила сама.
А на песчаный берег людей сбегалась тьма.
Уже шатры разбили для Хартмута с бойцами,
И полсти укрепили крученого шелка шнурами.
- 981 Прилежно разгружали норманны корабли,
Покуда всех сокровищ на берег не снесли.
В их стане находиться для девы было казнью,
Она одну Ортруну дарила своей приязнью.

- ⁹⁸² Всего дурного, злого чуждалася княжна
И с бедною Кудруной всегда была нежна,
В обиду не давала Ортруна королевну.
Но пленница о близких скорбела душою
вседневно.
- ⁹⁸³ Весь день им предстояло у пристани пробыть,
И не переставала Кудруна слезы лить,
Они с ресниц на щеки катились неуставно,
И были бесполезны ей все утешенья норманна.
- ⁹⁸⁴ И рыцари, и слуги в отечестве своем
Встречали — и по праву — восторженный прием,
Домашние добычу их радостно считали.
Ведь так еще недавно их все за убитых считали!
- ⁹⁸⁵ Расставшись с бурным морем, отважные бойцы
Спешили разлететься в различные концы
Владений королевских. И вот в часы разлуки
Иные веселились, а кто-то испытывал муки.
- ⁹⁸⁶ Из гавани и Хартмут уехал вскоре прочь,
Увез в высокий замок он Хетелеву дочь.
Оставшись против воли надолго в заточенье,
И страху натерпелась, и вынесла дева мученья.
- ⁹⁸⁷ Покуда оставалась Кудруна в замке жить,
Князь прочил ей корону и всем велел служить
Почтительно и верно своей прекрасной даме.
За это обещал он их всех осчастливить дарами.
- ⁹⁸⁸ И молвила Герлинда, его седая мать:
«Когда же королевне захочется обнять

Князь Хартмута любовно лилейными руками?

Он ей под стать, и вскоре покажется по сердцу даме».

⁹⁸⁹ Услышав это, дева ей отвечала так:

«Вам, госпожа Герлинда, противен был бы брак
С тем, кто лишил вас близких, отправив их в
могилу,

Как вас ни принуждали б, служить ему вам бы
претило».

⁹⁹⁰ На это проронила Герлинда: «Ну так что ж,
Что было, то и было, обратно не вернешь,
Предай его забвенью, смирись, люби героя,
Тебя вознагражу я, ручаюсь своей головой я.

⁹⁹¹ Коль чести тебе мало — возьми мою корону».

Несчастливая сказала: «Нет, я ее не трону.

И вы богатством князя меня не соблазняйте,

Я рвусь уйти отсюда, душой не смирюсь, так и
знайте».

⁹⁹² Когда хозяин юный об этом услышал,

Разгневанный Кудруной, он матери сказал:

«Коль дама отвергает меня в своей гордыне,

Пускай не ожидает и милостей наших отныне».

⁹⁹³ Тогда Герлинда злая нашлась ему сказать:

«Ребенка надо мудро на разум наставлять.

Отдайте, сударь Хартмут, мне дурочку в науку,

И спесь она умерит, почувствовав твердую руку».

⁹⁹⁴ Он молвил: «Я согласен, вы деву наставляйте,

Ее и вашей чести ничем не унижайте.

Ведь дева сиротою осталась одинокой.

Учить ее — учите, но только не будьте жестокой».

- 995 И прежде чем уехать, Герлинде под начало
Князь отдал королеву, как та ни горевала.
Не шла ей впрок наука: Кудруна не смирилась,
Покладистой не стала, как злая Герлинда
ни билась.
- 996 Тут вздумала волчица красавице грозить:
«Не хочешь веселиться, так слезы будешь лить.
Ну, кто тебя избавит? Ты белыми руками
Топить мне будешь печку, сама в ней
поддерживать пламя».
- 997 Промолвила Кудруна в ответ на злое слово:
«Все ваши приказанья я выполнить готова,
Покуда не избавлюсь от бед господней силой,
Хоть печек не топило дитя моей матери милой».
- 998 «Научишься,— сказала ей дьяволица гневно,—
Всему, чего не знают другие королевны.
В твое высокомерье я горя подмешаю,
Не далее как завтра тебя твоей свиты лишаю.
- 999 Мнишь о себе высоко, я это не люблю,
Тебе работы черной по горло навалю.
За поров твой строптивный должна ты
поплатиться,
Зацятый благородных и радостей знати лишиться».
- 1000 И гневная Герлинда ушла от девы прочь
И Хартмуту сказала: «Знать Хетелева дочь
Безмерно презирает тебя и в самом деле.
Мне тошно это слышать. Глаза б на нее
не глядели!»

- 1001 Сказал Герлинде Хартмут: «Хотя дитя строптиво,
Воспитывать должны вы Кудруну терпеливо,
Тогда я благодарен вам буду за науку.
Ведь я ее обидел, доставил ей тяжкую муку».
- 1002 Сказала королева: «Ее по шерсти гладить,—
Упрямится и только! Нет, лаской с ней
не сладить.
Тебе по доброй воле она женой не будет,
Строптивницу такую лишь плеть к послушанью
принудит».
- 1003 Сказал на это Хартмут, воитель достославный:
«Сударыня, не будьте суровы к своенравной,
В угоду мне должны вы с ней кротко обходиться,
Чтоб мне ее приятни теперь навсегда
не лишиться».
- 1004 И дьяволица злая пошла от сына гневно
К прислужникам пригожим несчастной королевы,
Сказала: «Вы, девицы, возьмитесь за урок
И все, что прикажу я, исполните в заданный
срок».
- 1005 Герлинда рассадила всех девушек поврозь,
Надолго разлучиться красавицам пришлось.
Им, к почестям привыкшим, удел достался
жалкий,
Былые герцогини все дни проводили за прялкой.
- 1006 К забавам благородным привыкшие с пелен,
Сучили девы пряжу, расчесывали лен,
Не золотом по шелку, как прежде, вышивали,
А горько втихомолку за грубой работой рыдали.

¹⁰⁰⁷ Красавице, достойной собой украсить двор,—
Она звалась Хергардой — поручен был надзор
За теми, что носили в покой Ортруны воду.
Не шло на пользу девам, что вышли из знатного
роду.

¹⁰⁰⁸ Одна из них отчизной Галисию звала,
Но в детстве, по несчастью, похищена была
У храбрых португальцев; подругой Хильды стала,
А с Хагеновой дочкой в страну хегелингов попала.

¹⁰⁰⁹ Владетельного князя родная дочь, она
Служить придворным дамам была принуждена,
Для них топила баню лилейными руками,
Но ласки не спискала, бедняжка, своими трудами.

¹⁰¹⁰ Диковину об этом я должен рассказать:
Ничтожная норманка могла ей приказать,
А деве полагалось приказ исполнить строго.
Здесь от родни высокой ей прибыли было
не много.

¹⁰¹¹ Постыдная работа, мученья и невзгоды —
Четыре с половиной все это длилось года.
Князь Хартмут три похода свершил за это время,
Домой пришел, а девы все так же несли свое
бремя.

¹⁰¹² Велел ему невесту князь Хартмут показать.
По виду знатной дамы мог каждый угадать,
Как плохо ее кормят, как мучат. Бог свидетель,
Так мстили королевне за то, что блюла
добродетель.

- ¹⁰¹³ И молвил Хартмут юный, когда она пришла:
«Прекрасная Кудруна, скажи, как ты жила,
Пока я был в отлучке». Она заговорила:
«Вам грех, а мне бесчестье,— так я в вашем доме
служила».
- ¹⁰¹⁴ Тогда воскликнул Хартмут: «Возлюбленная мать,
Герлинда, как могли вы так с девой поступать!
Я вверил вам опеку над бедной сиротою,
Чтоб вы ее страданья смягчили своей добротою».
- ¹⁰¹⁵ Ответила волчица: «Ну, как еще добрей
Быть к дочке хегелинга? Знай: мне не сладить
с ней,
Ведь, как я ни просила, чем только не грозила,
Она тебя хулила, отца твоего поносила».
- ¹⁰¹⁶ На это молвил Хартмут: «В ней горе говорит.
Друзья Кудруны пали, цвет рыцарства убит;
Сразил отец мой в битве отца ее родного,
И деву тяжко ранит любое жестокое слово».
- ¹⁰¹⁷ «Поистине,— Герлинда промолвила в ответ,—
Хотя бы угождали мы деве тридцать лет,
Ее не уломаешь возлечь с тобой на ложе;
Тут надобится плеткой упрямыцу высечь
построже».
- ¹⁰¹⁸ Но я вперед согласна с ней мягче поступать»,—
Закончила Герлинда. Не мог воитель знать,
Что станет еще жестче ее надзор обычный.
И не было на свете, кто мог бы помочь
горемычной».

- ¹⁰¹⁹ Пошла Герлинда снова и пленницу нашла,
И вот что, слово в слово, она произнесла:
«Не вздумаешь смириться, не станет сын мой
весел,
Так косами своими мне пыль вытирать будешь
с кресел.
- ¹⁰²⁰ Мой покой будешь мести на дню три раза
И печь топить». — «Охотно послушаюсь приказа.
Все выполнить готова, что делает прислуга,
Чем мне ласкать другого вместо сердечного
друга.»
- ¹⁰²¹ И дева покорилась ее веленьям всем,
И с радостью трудилась, не брезгуя ничем.
Семь лет прошли в работе, тяжелой, целодневной.
В плену с ней обращались не так, как должны
с королевной.
- ¹⁰²² Девятый год неволи неспешно подходил.
Князь Хартмут — он был мудрым — в ту пору
рассудил:
Позор, что он короной доселе не венчался,
Тогда как государем всего королевства он звался.
- ¹⁰²³ Князь в замок из похода с дружиной прискакал,
Где в битве честь и славу отвагою снискал,
И мнил, что он добьется теперь благоволенья
Красавицы, которой из всех отдавал предпочтенье.
- ¹⁰²⁴ Усевшись в кресла, Хартмут велел ее позвать.
Отрепья заставляла Кудруну надевать
Злодейка королева, и дева в них предстала.
Но, что ни делал Хартмут, она свою честь
охраняла.

- 1025 Друзья к нему явились и подали совет:
Понравится ли это Герлинде или нет,
Пусть девой овладеет их князь любой ценою.
Он счастьем насладится с такою прекрасной
женою.
- 1026 Пошел он к ней в каморку, совету близких вняв,
Взял за руку Кудруну, почтительно сказав:
«Владетельная дева, прошу меня любить.
Зовитесь королевой, вам рыцари будут служить».
- 1027 Красавица сказала, достоинство храня:
«Жестокая Герлинда так мучила меня,
Что в рыцарской любви я счастья не предвижу,
А вас и ваших присных всем сердцем теперь
ненавижу».
- 1028 «Мне горько это слышать,— сказал герой
в ответ,—
Хотел бы я исправить вам причиненный вред
Для нашей общей чести, служеньем без обману».
Кудруна отвечала: «Я вашей вовеки не стану».
- 1029 Повел он уговоры уже на повый лад:
«Вы знаете, Кудруна, что мне принадлежат
Здесь города и веси, и подданные тоже.
Ну кто меня повесит, коль я к вам возлягу
на ложе?»
- 1030 Она в ответ: «Я это злодейством назову,
Какого не знавала, покуда я живу.
Ведь все князья другие сказали бы с издевкой,
Что Хагенова внучка в Нормандии сделалась
девкой».

1031 Он молвил: «Что за дело мне до чужих речей,
Коль вы меня любили б за это горячей?
Когда я коронуюсь, вы — королевой будьте.
«Об этом, сударь Хартмут,— сказала Кудруна,—
забудьте».

1032 Ведь вам известно, сударь, как дело обстоит
И сколько причинили мне горя и обид,
Когда меня схватили, угнали на чужбину,
Вы насмерть уложили отца боевую дружину.

1033 Вы знаете, доселе душа о том болит,
Что мой отец был вашим безжалостно убит.
Будь рыцарь я, меня бы он должен опасаться.
Зачем же спать мне с вами? Зачем вам меня
домогаться?

1034 Обычай достославный идет из рода в род,
Что рыцарь благородный жену себе берет
По склонности взаимной»,— так дева отвечала.
Отца вспоминая, глубоко она горевала.

1035 А Хартмут молвил гневно: «Теперь мне дела нету,
Пусть даже, королева, вас тут сживут со свету,
Коль вы со мной венчаться короною не рады,
Что сеете,— пожнете, дождетесь желанной
награды».

1036 «Награду заслужу я, как делала уже,
Служа придворным дамам и грозной госпоже,
И княжеской дружине, печалуюсь о многом
С тех пор, как на чужбине живу я, забытая
богом.»

- ¹⁰³⁷ Пригожую Ортруну, вонителя сестру,
Задабривать Кудруну послали ко двору,
Чтоб ласковая дева и все ее подруги
Кудруну упросили взять юного князя в супруги.
- ¹⁰³⁸ Ей брат сказал открыто: «В награду вам, сестра,
Не пожалею злата и всякого добра,
А вы мне помогите, чтоб только королева
Свою печаль забыла и так не скорбела душевно».
- ¹⁰³⁹ Ответила сестрица: «Ну так тому и быть,
Я и мои девицы согласны ей служить,
Все силы приложу я, Кудруне угождая,
Главу пред ней склоню я, как будто ее
крепостная».
- ¹⁰⁴⁰ Благодарила дева княжну за доброту:
«За то, что вы хотите увидеть сироту
На троне вместе с князем, я отслужу вам верно.
Но только изнываю я здесь на чужбине безмерно».

XXI аventura

Как Кудруна должна была стирать

- ¹⁰⁴¹ Отвергла королевна корону, и ее
Стирать с утра до ночи заставили белье,
Но после поплатились все, кто ее терзал.
И с Хервигом сражение норманнский король
проиграл.
- ¹⁰⁴² Сначала приказали прекрасной деве встать,
Отправиться к Ортруне и с нею отдыхать,
Весельем наслаждаться, пить доброе вино.
Но знатная девица все также твердила одно:
- ¹⁰⁴³ «Не надо мне короны. Ведь вам известно, князь,
Я быть женой законной другому поклялась,
Меня с ним обручили родные и вельможи.
И если он погибнет, ни с кем я не лягу на ложе.»
- ¹⁰⁴⁴ А князь сказал: «Поверьте, вам не о чем тужить.
Никто нас, кроме смерти, не сможет разлучить,
Так мирно пребывайте с моей сестрою вместе,
Ортруна вас утешит, я вам обещаю по чести.»
- ¹⁰⁴⁵ Он льстил себя надеждой, что прав ее смягчится,
Ведь всем, чем только можно, поделится сестрица
С несчастной полопянкой. Брат и сестра мечтали,
Что дева перестанет теперь предаваться печали.
- ¹⁰⁴⁶ Княжна все дни сидела с Кудруной, и она
Лицом порозовела от доброго вина
И кушаний отборных. Но можете поверить,
Ни за какие блага она не могла лицемерить.

1053 Сказала злой Герлинде прекрасной Хильды дочь:
«Я вам служить усердно готова день и ночь,
Все выполню охотно, что будет мне по силам,
Покуда разлучает нас злая судьба с моим милым».

1054 А старая волчица сказала: «Ты мое
Носить на берег будешь и там стирать белье,
И будешь безотказно стирать всей свите платья,
Смотри, чтоб только праздной тебя не сумела
застать я».

1055 «Владычица,— Кудруна осмелилась сказать,—
Пускай меня научат, как надобно стирать,
Чтоб в вѣдро и в ненастье могла стирать я
платья.
Коль нет мне в жизни счастья, так горше хочу
пострадать я».

1056 Я вовсе не гордячка и выучусь стирать,
Велите вашей прачке мне это преподать,
И хлеб свой отслужу я, работая вседневно
Без всякого отказа.» Разумна была королева.

1057 Герлинда приказала служанке платья взять,
Идти с Кудруной к морю, учить ее стирать,
И тяжко королева с тех пор работать стала.
Никто не заступался, Герлинда ее истязала.

1058 Учили близко замка Кудруну мыть белье,
И стала полонянка стирать белым-бело,
Всех лучше в Нормандине. Подругам было тяжко
Глядеть на то, как ныне у моря стирает
бедняжка.

- 1059 В плену, служа Кудруне, красавица жила,
И тоже королевной та пленница была.
Ее судьба Кудруны всех больше удручала,
Когда глядели девы, как дочь государя стирала.
- 1060 И верная подруга возвысила свой глас,
Сказала Хильдебурга: «Услышь, о боже, нас!
Всех, кто увез Кудруну, пусть небо покарает,
Владетельная дама сама их одежду стирает».
- 1061 Герлинда, слыша это, распорядилась зло:
«Не хочешь, чтоб Кудруна трудилась тяжело,
Так за свою хозяйку сама ты поработай».
Сказала Хильдебурга: «Я сделаю это с охотой.
- 1062 Прошу вас богом, деву одну не оставлять,
Ведь королевской крови ее отец и мать.
И мой отец был князем, но я стирать сумею.
Чтоб ни было, позвольте мне службу нести вместе
с нею.
- 1063 Мне жаль ее, хоть тяжело и мне свой крест нести.
Господнем изволеньем жила она в чести,
И предки ее были всех королей богаче.
Служить ей здесь негоже, и я помогу ей тем
паче».
- 1064 Рекла Герлинда злая: «Но будешь ты страдать
И по снегу босая зимой пойдешь стирать,
Когда бушует ветер, и будет так хотеться
В натопленной светлице у печки с подругами
греться».
- 1065 С трудом дождалась дева, пока закат настал,
Тот вечер утешенье Кудруне даровал.

Пришла к ней Хильдебурга, и обе королевны
Свою тоску и горе друг другу излили душевно.

¹⁰⁶⁶ Рыдая, Хильдебурга промолвила тогда:
«Печалит несказанно меня твоя беда.
Я милость у чертовки сегодня испросила.
Она стирать одежду мне вместе с тобой
разрешила».

¹⁰⁶⁷ Бедняжка отвечала: «Воздай тебе Христос
За то, что пролила ты со мною столько слез.
Коль мы стирать на море вдвоем с тобою станем,
Так скрасим наше горе и, верно, душою
воспрянем».

¹⁰⁶⁸ И было Хильдебурге стирать разрешено,
С несчастной, чью отраду похитили давно
И радостей лишили. А стирки полонянкам
Давали много больше, чем всем королевским
служанкам.

¹⁰⁶⁹ Когда у прочих пленниц, случалось, был досуг,
Кудруна с Хильдебургой не покладали рук,
И плакали слезами подруги, их жалея,
Хоть и трудились сами, да так, что нельзя
тяжелее.

¹⁰⁷⁰ И мука эта длилась — здесь измышленья нет! —
Стирать им приходилось шесть с половиной лет,
На море мыть одежды всей княжеской дружине.
Без проблеска надежды им тяжко жилось
на чужбине.

XXII авентюра

Как Хильда отправила войско за дочерью

- 1071 Оставим же Кудруну с прислужницей ее
Стирать мужам и женам в Нормандии белье.
Пора сказать, что Хильда, горяя непрестанно,
Одно в уме держала, как дочку спасти
от норманна.
- 1072 Велела королева, чтоб выстроили ей
Семь самых быстроходных и прочных кораблей
И двадцать с лишним барок, так снарядив их
к бою,
Чтоб все, что только нужно, у рыцарей было
с собою.
- 1073 Галеры дополняли сооруженный флот,
Их было сорок. Хильда, задумавши поход,
Ждала прихода войска и пищу запасала,
Своих героев щедро за службу она награждала.
- 1074 Но вот настало время, ей сделалось невмочь
Нести разлуки бремя, покуда ее дочь
В чужой стране так много трудилась и страдала.
Владычица в дорогу гонцов отрядить приказала.
- 1075 Тогда стояла стужа, был праздник Рождества,
День мищения за мужа назначила вдова,
И всех, кто был с ней связан родством и правом
лена,
Спасти она просила любимую дочку из плена.
- 1076 Был самым первым Хервиг об этом извещен.
Владычица сказала: «Пускай припомнит он,

Как некогда с друзьями за тех отмстить поклялся,
Кто, здесь сирот оставив, в земле Вюльпензанда
остался».

¹⁰⁷⁷ Поехали посланцы и Хервига нашли.

Знал рыцарь благородный, зачем они пришли,
Гонцов едва завидя, он вышел к ним навстречу,
Приветствовал сердечно. И вот что гласили их
речи:

¹⁰⁷⁸ «Вам, государь, известно, как дело обстоит,

И ваша память клятву о мщении хранит.
На вашу помощь Хильда надежду возлагает,
Ведь участь королевны вас более всех удручает.»

¹⁰⁷⁹ Король сказал: «Я знаю, как дело обстоит.

Похищена Кудруна, отец ее убит,
Взял Хартмут дерзновенно мою супругу в плен
За то, что я был избран, а Хартмут был ею
презрен.

¹⁰⁸⁰ Свидетельствуйте Хильде, что мы служить ей

рады,
Что не дождется Хартмут прощенья и пощады,
За то что он Кудруну держал в плену столь
долгом.
Я это почитаю не чьим-то, а собственным долгом.

¹⁰⁸¹ Скажите королеве, что, с Рождества считая,

И месяца не минет, как приведу войска я,
Три тысячи героев, ее покорных воле».
На том гонцы простились, он их не задерживал
боле.

1082 И Хервиг к битве правой все мысли устремил,
А с ним и те, кто славой себя не раз покрыл.
Он снарядил их к бою и в путь велел собраться.
Суровою зимою им всем предстояло сражаться.

1083 Прекрасной Хильде помощь друзей была нужна,
Своих гонцов к датчанам отправила она,
Чтоб все, кто ей служили, не выжидали боле,
А вызволить спешили Кудруну из тяжелой неволи.

1084 Взывала Хильда: «Други, нельзя терять ни дня.
Пусть помнует Хорант: он Хетелю родня,
И пусть на помощь деве идет со всею ратью,
Скорей умрет Кудруна, чем Хартмута примет
в объятья».

1085 Рёк Хорант: «Передайте владычице с поклоном:
Недолго остается печаловаться женам,
Мои герои скоро на двор ее прискачут,
И сыновья норманнов от нас еще горько заплачут.

1086 Еще, гонцы, скажите вы нашей королеве,
Что я приду охотно на помощь пленной деве,
Что нового похода теперь всем сердцем жду я,
И ровно десять тысяч отважных датчан
приведу я».

1087 Посланцы попрощались, коней не расседлав,
Их путь лежал на Валеёс, и тамошний маркграф,
Неустршимый Морунг, вельможа именитый,
Гонцов сердечно принял со всей своей доблестной
свитой.

1088 «Я с радостью приеду,— герой промолвил им,—
Чтоб праздновать победу. Прошло тринадцать зим,
Как с Хартмутом сразиться мы клятвой обещали,
Когда его норманны Кудруну в неволю угнали».

1089 Распорядился Морунг гольштинцам передать,
Что Хильда повелела приверженцев созвать
В поход на супостата. О новости столь важной
Был извещен гонцами и Фруте, датчанин
отважный.

1090 Сказал посланцам Ирольт: «Войска свои отсель
Доставлю к хегелингам я через семь недель
И с радостью исполню владычицы веленье,
Что там бы нас ни ждало в пути и на поле
сраженья».

1091 Помочь прекрасной Хильде и Вате был готов,
Хотя не посылала она к нему гонцов,
Правитель марки Штурмен по своему почину
Спешил, как только можно, собрать боевую
дружину.

1092 И рыцари собрались, чтоб выступить в поход;
Его родня и слуги, а счетом — десять сот.
Во всем вооруженье их не было изъяна,
И Вате собирався преследовать с ними норманна.

1093 Меж пленниц, изнывавших в неволе много лет,
Лишь госпожа Хергарда не знала горьких бед,
Стать властной герцогиней красавица стремилась,
И с королевским кравчим она из корысти
слюбилась.

- 1094 Дочь Хильды, зная это, немало слез лила.
Впоследствии Хергарда наказана была
За то, что с ней лишенья делить не пожелала.
Но что с Хергардой случилось, Кудруну заботило
мало.
- 1095 Все подданные Хильды готовились в поход,
А дела накопились у них невпроворот.
Тогда ее вельможи совет разумный дали,
Чтоб рыцарей надежных за братом Кудруны
послали.
- 1096 Посланцы поскакали, на север устремясь.
Охотой соколиной был занят юный князь
Со слугами в долине реки большой и плавной.
Там много птиц водилось, а Ортвин охотник был
славный.
- 1097 Заметил он посланцев и вымолвил тогда:
«Я вижу, верховые торопятся сюда,
Их наша королева сюда послала. Видно,
Ей мнится, что забыли мы здесь о походе по-
стыдно».
- 1098 Он соколов оставил под облаком летать
И всадников отважных отправился встречать.
А встретив их приветом, исполнился печали:
Что мать его льет слезы, посланцы ему расска-
зали.
- 1099 Вначале гости стали герою говорить,
Что с радостью готовы во всем ему служить,
Потом спросили; скоро ль он выступит с дру-
жиной.
Пора идти к норманцам и долг уплатить им
старинный.

- ¹¹⁰⁰ «Ты истину глаголишь,— послу ответил князь,—
А я тебе одно лишь отвечу, не таясь:
Со мною двадцать тысяч пойдут на подвиг рат-
ный,
Хотя бы из похода никто не вернулся обратно.»
- ¹¹⁰¹ И вот пора настала, сошлись со всех концов
Бойцы, за кем послала владычица гонцов,
Служить прекрасной Хильде они считали честью,
Их тысячи явились, чтоб ехать в Нормандию
вместе.
- ¹¹⁰² Неустрашимый Морунг доставил свой отряд
Из Вaleyса на барках — их было шестьдесят —
Широких, крутобокых, людьми настолько полных,
Как только позволяло им странствие в пенистых
волнах.
- ¹¹⁰³ Нортландцы снарядили большие корабли.
И кони, и доспехи, что рыцари везли,—
Щиты, кольчуги, шлемы — внушали восхищенье.
Как рыцарям пристало, блистало их вооруженье.
- ¹¹⁰⁴ Щиты пересчитали, чтоб ведать точный счет
Бойцов, что за Кудруной отважно шли в поход,
Умеющих ударом из шлемов искры высечь.
Всех наградила Хильда, а было их семьдесят
тысяч.
- ¹¹⁰⁵ И кто бы ни явился к хозяйке на порог,
Ее гостеприимством он пользоваться мог,
Навстречу выходила владычица учтиво.
И рыцарей дарила одеждой богатой на диво.

- 1106 У Хильды наготове стояли корабли.
Отплыть хотя бы завтра воители могли,
Но в море королева друзей не отпускала,
И все-то ей казалось: припасов у них не
хватало.
- 1107 Хоть было у героев оружие — и много, —
Им Хильда приказала забрать еще в дорогу
Пятьсот надежных шлемов, пятьсот мечей
блестящих
И панцирей не меньше для подвигов им
предстоящих,
- 1108 Из шелка были свиты крученые канаты,
Широкие ветрила украшены богато
На всех судах, что в море к норманнам уходили
И рыцарей отважных в далекий поход увозили.
- 1109 Отнюдь не из железа там были якоря,
Из колокольной смеси их сделали не зря,
А скрепы все из сплава испанского отлили,
Чтоб грозные магниты в пути кораблям не
вредили.
- 1110 Дала хозяйка Вате с его бойцами в дар
Чеканные браслеты, сверкавшие как жар.
И рыцари за это ей ревностно служили,
Немало их, сражаясь, в Нормандии жизнь
положили.
- 1111 К датчанам обратилась владычица умильно:
«За то, что проливали вы кровь свою обильно,
Я щедро награжу вас. А вы на бой идите
За нашим знаменосцем. С ним Хартмута вы
победите».

- ¹¹¹² Бойцы спросили: «Кто же со знаменем пойдет?»
Она сказала: «Хорант вас в битву поведет.
Мать Хоранта и Хетель — родные брат с сестрою,
Так вы его держитесь, во всем доверяйтесь герою.
- ¹¹¹³ Еще не забывайте вы сына моего,
Придет нужда, спасайте от недругов его.
Ему — он так отважен! — лишь двадцать лет
сравнялось,
Так будьте же на страже, чтоб я за него не
боялась».
- ¹¹¹⁴ Все дружно обещали присматривать за ним,
Чтоб он из дальней дали вернулся невредим,
Пусть только поступает согласно их совету.
И юноша отважный не стал обижаться на это.
- ¹¹¹⁵ А слуги груз на пристань тащили и возили,
Всего не перескажешь, что в барки погрузили.
Уж нетерпенье битвы воителей томило.
Сопутствовать героям Христа королева просила.
- ¹¹¹⁶ С войсками отъезжали те, чьих отцов убили,
Они свое сиротство норманнам не простили.
У многих женщин слезы катились по ланитам:
Кто ведает, как скоро господь их детей
возвратит им!
- ¹¹¹⁷ И душу надрывали героям их рыданья.
Бойцы не пожелали затягивать прощанья,
Противясь грустным думам, на корабли все сели
С веселием и шумом и громкую песню запели.

- 1118 Уже их флот отчалил, а много знатных жен
В тревоге и печали стояли у окон,
Глядели неустанно, увидеть милых силясь,
Когда от Мателаны воители в путь устремились.
- 1119 Благоприятный ветер послали небеса,
Поскрипывали мачты, надулись паруса.
Все думали вернуться из плаванья со славой,
Она далась им в руки, но бой предстоял им
кровавый.
- 1120 Не знаю, что случилось с людьми в дороге
длинной,
Известно лишь, что Зигфрид, владевший
Карадиной,
Спешил навстречу войску, чтоб с ним
соединиться,
Сто сот бойцов отважных он вел от союзной
границы.
- 1121 Король был принят с честью. Две дюжины ладей
Под стягом мавританским везли его людей
И столько всякой снеди, что двадцать лет
кормиться
Могли его герои, желавшие с Хартмутом биться.
- 1122 Пристали к Вюльпензанду, где шел когда-то бой
Защитников Кудруны с противников ордой,
Где монастырь воздвигли живые в память павших,
Куда текли даянья от многих, его посещавших.
- 1123 В ограду поспешили от пристани герои,
Отцовские могилы увидели с тоскою,
И если бы норманны теперь столкнулись с ними,
Враги бы уж не вышли из рук хегелингов
живыми.

- ¹¹²⁴ От острова отплыли так скоро, как могли,
Однако угодили в ловушку корабли,
Откуда уж, казалось, нет рыцарям возврата.
Что тут могли поделать их кормчие Фруте и
Вате?
- ¹¹²⁵ Поднялся ветер южный, их в море отнесло,
И лучших мореходов отчаянье взяло,
Все сетовали горько и слезы проливали.
Здесь тысячью канатов они бы до дна не
достали.
- ¹¹²⁶ Перед горою Гиверс встал королевский флот.
В дугу согнулись мачты, и все пошло вразброд.
Как ни надежно были все якоря отлиты,
Их сразу в море Мрачном к себе потянули
магниты.
- ¹¹²⁷ Рыдали люди. Вате крепился, говоря:
«В бездонную пучину бросайте якоря.
Есть много мест, признаться, на всей земле
господней,
Где мирно оставаться я сам предпочел бы
сегодня.
- ¹¹²⁸ От родины далеко мы с вами забрели,
В воде стоячей моря застряли корабли,
Но есть морская сказка, и я запомнил с детства,
Что здесь, в горе магнитной, большое лежит
королевство.
- ¹¹²⁹ Страна богата, много у жителей добра,
Там, в глубине подводной, песок из серебра,
Из слитков замки строят. Там бедности не знают
И золото в самородках простыми камнями
считают.

- 1130 Все чудеса от бога. Предание гласит,
Что тот, кого притянет к горе ее магнит,
Другого ветра должен у Гиверса дожидаться:
Он столь обогатится, что век свой не будет
нуждаться.
- 1131 Так подкренимся пищей, и если повезет,
То золото и лалы дружина повезет,
Наполним корабли мы камнями до края,
И дома заживем мы, заботы и горя не зная».
- 1132 На это молвил Фруте: «Пока не принесло
Безветрие морское нам пагубу и зло,
Сто раз готов проклясть я все золото и лалы,
Чтоб только добрым ветром от Гиверса нас
отогнало».
- 1133 И богу христиане молитву вознесли.
Четыре дня стояли недвижно корабли,
А может быть, и доле. Все начали бояться,
Что в этом гиблом море им так и придется
остаться.
- 1134 По божьему веленью рассеялся туман.
Пришли в движенье волны, край неба стал румян,
Сквозь тьму густую солнце герои увидали.
Тут с запада подуло: их беды теперь миновали.
- 1135 В одно мгновенье ветер отнес их — это была! —
От Гиверса на двадцать и шесть надежных миль.
В том божий перст был виден. Бог взял их под
защиту,
Когда с друзьями Вате подплыл слишком близко
к магниту.

- ¹¹³⁶ Герои очутились среди текучих вод.
Знать им грехи простились, и от больших забот
Господь освободил их, над рыцарями сжался.
Они прямой дорогой к норманнской земле
приближались.
- ¹¹³⁷ Но все надежды хрупки: их вновь тревоги ждали,
Суда их, как скорлупки, качались и трещали
От сильных волн, и слыша, как ветер злобно
воет,
Сказал отважный Ортвин: «Нам честь наша до-
рого стоит».
- ¹¹³⁸ Один моряк воскликнул: «Ах, горе, злое горе!
Зачем мы не погибли в стоячем Мрачном море
Перед горою Гиверс! Как от беды укрыться,
Коль мы забыты богом, а буря вот-вот
разразится?»
- ¹¹³⁹ Тогда датчанин Хорант воскликнул в свой черед:
«Я знаю, этот ветер нам зла не принесет:
Он мирный, он — восточный. Приободритесь,
други».
- Тут ожил духом Зигфрид и все его черные слуги,
¹¹⁴⁰ Меж тем как смелый Хорант в дозорный кораб сел,
Бунтующие волны он с мачты оглядел
И молвил, даль морскую окидывая взглядом:
«Мы можем плыть спокойно. Герои, Нормандия
рядом».
- ¹¹⁴¹ Все люди ободрились, убрали паруса,
Когда же прояснились над ними небеса,
Стоящая над морем гора открылась взору
И бор перед нею. Вате советовал двинуться
к бору.

XXIII авентюра

Как они пришли на стоянку и отправились в Нормандию

- ¹¹⁴² Они поплыли к бору, что рос у той горы.
Таиться приходилось героям до поры,
Суда на якорь встали от берега далеко,
И лагерь на привале ничье не заметило око.
- ¹¹⁴³ До названного места им плыть еще пришлось.
А сколько среди леса чудесного нашлось!
Ручьи с горы стекали, теряясь в чаще елей,
Их свежесть и прохлада вернули усталым веселье.
- ¹¹⁴⁴ Покуда для ночлега их стан располагался
Отважный рыцарь Ирольт на дерево взобрался,
Чтоб высмотреть заранее, куда идти с отрядом,
Норманские владенья заметил он пристальным
взглядом.
- ¹¹⁴⁵ «Ну, рыцари, воспряньте! — он радостно сказал, —
Чертог великолепный я сверху увидал
И семь высоких башен. Скажите нашим людям,
Что завтра до полудня мы в сердце Нормандии
будем.»
- ¹¹⁴⁶ Тут молвил мудрый Вате: «Вот добрый вам совет:
Мечи, щиты, кольчуги нести на берег след,
Служить велите слугам и сами не дремлите,
Коней заставьте бегать, ремни к шипакам
прикрепите.
- ¹¹⁴⁷ А если в нашем стане найдется не у всех
Достойный их желанья и звания доспех,

Я помогу героям: пятьсот кольчуг дала нам
Владычица в дорогу, чтоб было в чем ехать
к норманнам».

1148 Свели коней ретивых на берег под уздцы,
Попонами накрыв их, отважные бойцы,—
Всяк выбрал по заслугам чепрак и покрывало,
Как то оруженосцам иль рыцарям знатым
пристало.

1149 Коней скакать пустили вдоль дюн и понерек;
Не каждый конь, однако, скакать и прыгать мог:
Иные застоялись и резвости лишились.
Купать велел их Вате, чтоб копы в воде
освежились.

1150 Зажгли костры и сели скитальцы в тесный круг,
А старшие велели толпе проворных слуг
Им ужин приготовить из снеди самой лучшей.
Покоем насладиться когда еще выйдет случай!

1151 Всю ночь герои спали, пока настал рассвет,
А ранним утром стали втроем держать совет —
Отважный рыцарь Ортвин, король и старший
Вате,—
Как за свои обиды им здесь отомстить супостату.

1152 «Нам надо,— молвил Ортвин,— лазутчиков послать,
Чтоб о судьбе Кудруны и дев ее узнать,
Погибли или живы красавицы в неволе.
Как вспомню их, несчастных, сжимается сердце
от боли.»

1153 Задумались, где взять им такого смельчака,
Чтоб вызнать у норманнов он смог наверняка,

В какой твердыне девы с Кудруной обретались,
И чтоб его расспросы для недругов тайной
остались.

1154 И молвил юный Ортвин,— он истый был герой:
«Кудруна мне родною приходится сестрой,
Я все берусь разведать, коль вы меня пошлете,
Верней меня, и лучше лазутчика вы не найдете».

1155 Сказал король зelandский: «Тогда и я поеду,
Умру с тобою рядом иль вынесу все беды.
Тебе сестра Кудруна, а мне дана в супруги.
Все дни служить я буду моей несравненной
подруге».

1156 Сказал сердито Вате: «Так сделали бы дети.
Вам мой совет, герои, оставьте мысли эти.
Коль Хартмут вас узнает, он, глазом не
моргнувши,
Прикажет вас повесить, пропали тогда ваши
души».

1157 Рёк Хервиг: «Будь что будет. Что нужды унывать?
В несчастье друг за друга обязан постоять.
Ни я, ни друг мой Ортвин оружия не сложим,
Пока любой ценою вернуть королеву не
сможем».

1158 Они хотели ехать и поиски начать,
Но прежде слуг велели и родичей созвать.
И с речью обратились к собравшимся героям,
Прося хранить присягу, что дали бойцы им
обоим.

1159 «Взываю к вашей чести,— им Ортвин молвил
так,—
Случись, что нас узнает и в плен захватит враг,
Продайте земли, замки, отдайте все, что ценно,
И не тужите, други, что дорог наш выкуп из
плена.

1160 Послушайте, герои, что мы вам дальше скажем:
Коль мы убиты будем, коль мертвыми мы ляжем,
Отмстить не позабудьте врагу в его владеньях
И беспощадны будьте к тому, кто погряз в
преступленьях.

1161 Вас, рыцарей отважных без страха и упрека,
Прошу: как ни пришлось бы сражаться вам
жестоко,
Оружья не слагайте, пока в плену страдают
Невольницы норманнов. Ведь девы на вас
уповают.»

1162 И это обещали воителям друзья,
В знак клятвы руку дали славнейшие князья
Что станут храбро биться, свои не узрят замки,
Покуда не вернутся на родину все полонянки.

1163 Все плакали, кто верность хранил в своих
сердцах,
Им Людвигова злоба внушала сильный страх:
«Зачем нельзя на подвиг других бойцов
отправить?»
А этих ждет погибель и дела ничем не
поправить».

¹¹⁶⁴ Смеркалось. В жарких спорах прошел весь этот день.

Уж солнце закатилось под облачную сень,

Туда, где простиралась далекая Густрата.

Остались, на ночь глядя, с друзьями два смелых
собрата.

XXIV авентюра

Как Кудруна получила весть об их прибытии

¹¹⁶⁵ Довольно о героях. Теперь сказать пора нам
О благородных дамах, попавших в плен к
норманнам.

Белье на море мыли и в вёдро и в ненастье

Кудруна с Хильдебургой, достойные большего

счастья.

¹¹⁶⁶ В один прекрасный полдень — то было в день
поста —

По синю морю птица приплыла в те места.

«О, как ты, птица, плещешь, плывя через буруны,

Знать, ты меня жалеешь», — со вздохом сказала

Кудруна.

¹¹⁶⁷ И голосом, звучащим совсем как у людей,

Как будто был он мужем, ответил ангел ей:

«Я, дева, вестник божий, и я тебе открою,

Коль ты об этом спросишь, что случилось с твоею

роднею».

- 1168 Кудруна слышит голос и сим поражена,
Ушам своим не верит, сомнения полна.
Ужели дикой птице под стать такие речи,
Как будто произносят их звуки уста человечесьи?
- 1169 Высокий саном ангел сказал: «Воспрянь душой,
Несчастливая Кудруна, жди радости большой,
О родине и близких спроси и вести внемли.
Тебя в беде утешить я господом послан на
землю».
- 1170 Простерла дева руки и, на коленях стоя,
Креста собой являла подобие живое,
Как бы молясь, а после к подруге обратилась:
«Забудем все печали, нам бог даровал свою
милость».
- 1171 И ангелу сказала: «Коль послан ты Христом,
Чтоб нас утешить горьких, поведай нам о том,
Жива ли еще Хильда. Скажи, гонец прекрасный,—
Ведь это мать Кудруны, похищенной девы
несчастной».
- 1172 «На это я отвечу,— посланец молвил снова,—
Когда я видел Хильду, она была здорова
И войско снаряжала, чтоб дочь свою избавить.
Такой могучей рати никто не сумел бы
отправить.»
- 1173 «Благой гонец,— Кудруна простерла руки ввысь,—
Еще одно спрошу я, а ты не рассердись:
Скажи мне, жив ли Ортвин, король нортландский
ныне,
И Хервиг, мой любимый. Жду вести я как
благостыни.»

- 1174 «Скажу тебе охотно,— ей ангел молвил вновь,—
Здоров отважный Ортвин и Хервиг жив-здоров,
Я видел: оба друга одно весло держали,
Они гребли согласно и вдаль по волнам
уплывали.»
- 1175 Сказала королева: «Коль ведаешь, открой,
Не явится ли Ирольт, прославленный герой,
А также смелый Морунг в Нормандию однажды?
В родстве был с ними Хетель. Я встречи с обоими
жажду».
- 1176 Сказал высокий вестник: «И это я открою.
Вам преданы безмерно отважные герои.
Я видел их обоих. Они придут с войсками
И много крепких шлемов разрубят своими
клинками.»
- 1177 Теперь прощай, мне нужно другую службу
несть,—
Да охранит всевышний и вас, и вашу честь,—
Нельзя мне больше молвить, не преступая
правил».
И он исчез, а девы рыдали, что он их оставил.
- 1178 Дочь Хильды восклицала, судьбу свою кляня:
«Что я узнать желала, сокрыто от меня.
Я именем Христовым молю и заклинаю,
Вернись, не удаляйся, пока я всего не узнаю».
- 1179 И тут высокий ангел явился снова к ним:
«Раз ты Христом молила и заклинала им,
Хочу тебя утешить, чем только буду в силах,
И расскажу охотно о всех твоих родичах милых».

- 1180 Сказала королева: «Тогда порадуй!.. вестью.
Не явится ли Хорант с воителями вместе?
Они меня забыли, оставив на чужбине.
Датчанин так отважен, он мог бы спасти меня
ныне».
- 1181 «Придет твой родич Хорант, и рать его придет,
В тяжелый хегелинги отправятся поход.
Со стягом королевским в недрогнувшей деснице
Датчанин поведет их до самой норманнской
границы.»
- 1182 Вновь молвила Кудруна: «Когда бы я узнала,
В живых ли старый Вате, я духом бы воспряла,—
Кому-кому, ему-то обрадуются девы,
Коль встанет он и Фруте под доблестный стяг
королевы».
- 1183 И снова молвил ангел: «Из Штурмена придет
К тебе на помощь Вате. Он по морю плывет
В одной галере с Фруте, гребя веслом
правильным.
В бою не сыщешь равных двум этим соратникам
сильным».
- 1184 Опять господень ангел собрался улетать,
Но снова его стала Кудруна заклинять:
«Томит меня забота. Прости вопрос докучный,
Когда посланцы Хильды прибудут ко мне,
злополучной?»
- 1185 «Уж радость на пороге,— гласил его ответ,—
Два витязя в дороге и явятся чуть свет.

Доверьтесь им, их чести,— гонцы вам лгать не
станут
И вас облыжной вестью они ни за что не
обманут.»

1186 На этом ангел божий был должен улететь,
И ничего Кудруна не спрашивала впредь.
И было полонянкам и горестно, и сладко.
«Где те, кто их избавит?» — они задавались
загадкой.

1187 Не спорилась работа в тот день у них в руках,
Все время толковали они о смельчаках,
Которых к королевнам послала Хильда с вестью,
И с трепетом душевным о них ожидали известья.

1188 День гас. Вернуться в замок им время подошло,
Там гневная Герлинда их выбрала зло,
Она всегда на пленниц набрасывалась с бранью
И в ярости грозила подвергнуть подруг
наказанью.

1189 «Кто это вам позволил лениво мыть мое
Льняное, дорогое постельное белье?
И шелковые платья мои не белоснежны!
Я вас заставлю плакать, коль вы нерадивы,
небрежны!»

1190 Сказала Хильдебурга: «Старались, как умели.
Сударыня, вы прачек хотя бы пожалели:
Мы мерзнем то и дело, ведь ветер дует, воя.
Когда бы потеплело, могли бы мы выстирать
вдвое».

- 1191 А старая Герлинда ей злобно отвечала:
«Каким бы сильным ветром вас там ни обдувало,
Ваш долг с утра до ночи стирать и не лениться.
Идите завтра к морю, как только забрезжит
денница.
- 1192 Ведь скоро праздник вербный, и по обыкновенью
К нам гости соберутся, чтоб встретить воскресенье.
Так если вы не чисто мне вымоете платья,
Не только что из дома, со света могу вас
согнать я».
- 1193 Пошли в каморку девы, чтоб спать скорее лечь,
Промокшую одежду стянули с белых плеч.
Не баловали пленниц в Нормандии: бедняжки
На тело надевали лишь по две суровых рубашки,
- 1194 А жажду утоляли колодезной водой,
А уживали девы лепешкою ржаной.
Так были злой Герлиндой обласканы подружки,
Что спать они ложились на жесткой скамье без
подушки.
- 1195 Измаялась Кудруна: на досках сон неймет.
С трудом дождались девы, покамест рассветет.
Не спали, а гадали, когда должны явиться
Два рыцаря отважных, что им напорочила птица.
- 1196 И дева Хильдебурга, как и Кудруна тоже,
До утра протомившись на неудобном ложе,
Едва заря настала, в окошко поглядела.
Там выпал снег. Несчастной печаль и тоска
овладела.

- ¹¹⁹⁷ Сказала Хильдебурга: «Нам надобно стирать.
Помилуй бог, погода испортилась опять,
Коль мы на берег выйдем сегодня босоноги,
До вечера погибнем, умрем на снугу по дороге».
- ¹¹⁹⁸ И все же ободряло красавиц упование,
Что сбудется сегодня благое предсказанье
И встречею с гонцами утешатся их души.
При этой сладкой мысли их боль становилась
все глуше.
- ¹¹⁹⁹ «Любимая подруга, — Кудруна попросила, —
Скажи, чтоб нам Герлинда обуться разрешила.
В такую непогоду никто босой не выйдет.
Мы до смерти замерзнем, она и сама это видит.»
- ¹²⁰⁰ Они пошли в светлицу, а там Герлинда злая
Еще дремала сладко, супруга обнимая;
Они лежали оба в супружеской постели.
Вздохнули горько девы и их разбудить не
посмели.
- ¹²⁰¹ Но этот вздох Герлинда услышала сквозь сон,
На пленниц напустилась, идти велела вон.
«Почто стирать нейдете вы на берег кремнистый,
Пока, с белья стекая, вода не останется чистой?»
- ¹²⁰² Сказала Хильдебурга: «Куда босым идти?
Снег выпал нынче ночью, все выстелил пути.
Спасите нас от смерти заботами своими,
Ведь мы погибнуть можем, коль на берег выйдем
босыми».

- 1203 Ответила волчица: «Вас холить? — Никогда!
Пусть худшее случится, умрете — не беда!
Усерднее стирайте, не то дам волю злобе,
Смотрите не пеняйте...» Подруги заплакали обе.
- 1204 Узлы с одеждой взяли и вышли из дверей.
«Пусть только бог поможет, я это вспомню ей!» —
Кудруна обещала. Шли по снегу они,
И скоро у несчастных озябли босые ступни.
- 1205 На берег, как обычно, пришли они опять
И начали привычно стирать и полоскать
У моря одиноко Герлиндины одежды.
И мало было прока от их сокровенной надежды.
- 1206 Но часто устремляли они в морской простор
Исполненный печали нетерпеливый взор,
Стараясь обнаружить в тумане необъятном
Гонцов, что королева отправила к пленникам
знатным.

XXV авантюра

Как Ортвин и Хервиг прибыли туда

¹²⁰⁷ Они прождали долго, пока узрели челн,
Двоих мужей несущий по лону синих волн.
«Я вижу, двое едут. Не их ли накануне
Нам птица предвещала?» — сказала подруга
Кудруне.

¹²⁰⁸ «Увы мне, — отвечала Кудруна, глядя вдаль, —
В душе моей смешались и радость, и печаль:
Посланцы королевы владетельную даму
За стиркою застанут! Куда мне деваться от
сраму?»

¹²⁰⁹ Что делаю, не знаю, и что мне делать след,
Любимая подруга, хоть ты мне дай совет;
Пристало ли нам скрыться иль рыцарей
дождаться.
Уж лучше, чем срамиться, навеки служанкой
остаться.»

¹²¹⁰ «Вы все предусмотрели, — подруга ей в ответ, —
И в этом важном деле не мне давать совет.
Как знаете решайте, а я вам пособлю
И с вами все невзгоды и радости все разделю.»

¹²¹¹ От моря на дорогу свернули госпожи,
Но тут прекрасных прачек увидели мужи,
Подплывшие так близко, что вскоре разглядели,
Как девы, бросив стирку, от них удалиться
хотели.

- ¹²¹² И спрыгнули на берег два рыцаря тогда.
«Зачем вы так спешите, красавицы? Куда?
Взгляните — убедитесь, мы люди здесь чужие,
Уйдете — не вернете свои покрывала льняные.»
- ¹²¹³ Подруги притворились, что слов не разобрали,
Хоть звуки их до слуха красавиц долетали
И эхо оглашало весь берег нелюдимый.
Не знал отважный Хервиг, как близко он был от
любимой.
- ¹²¹⁴ Вскричал король зеландский: «Вернитесь же
назад
И только нам скажите, чьи платья здесь лежат,
Мы просим не лукаво, не расставляем сети,
Вернитесь ради славы, всех дев непорочных на
свете!»
- ¹²¹⁵ И молвила Кудруна: «Мне совестно молчать,
Коль вы девичьей славой нас стали заклинать.
Пока зовусь я девой, должна исполнить просьбу,
Хотя бы даже плакать от этого после
пришлось бы».
- ¹²¹⁶ А шли они в одежде, промоченной насквозь,—
Двум знатным дамам прежде счастливее
жило,—
Служанки злой Герлинды от холода дрожали,
Их мартовские ветры до самых костей пробирали.
- ¹²¹⁷ То было время года, когда зима кончалась,
Когда лесная птица запеть приготавлилась,
Лишь только март минует и прекратятся вьюги.
Еще по льду и снегу шли две горемычных
подруги.

- 1218 Брели престо­во­ло­сы к то­му, кто к ним взы­вал,
И ветер марта косы их буйно разве­вал,—
Хотя и отличались их волосы красой,
Дождем секло их летом и снегом белило зимой.
- 1219 На море плыл повсюду, раска­лы­ваясь, лед
Томила дев тревога, что их за встреча ждет.
Сквозь обе их рубашки просвечивало тело,
Оно, как снег зимою, как выпавший иней, белело.
- 1220 Лишь Хервиг благородный их близко увидал,
Он тотчас «С добрым утром» приветливо сказал.
У их бесчеловечной хозяйки под началом
«День добрый», «Доброй ночи» никто никогда не
сказал им.
- 1221 Спросил у пленниц Ортвин, Кудруны милый брат:
«Чьи это здесь одежды богатые лежат?
Кому их здесь стирают? Вы обе так пригожи,
Зачем же истязает он вас, накажи его боже!
- 1222 Такой красе, как ваша, пристала бы корона,
Вы быть могли бы с честью наследницами трона.
Так кто работой низкой вас тут неволить смеет?
Таких красавиц прачек он много ли в дворне
имеет?»
- 1223 В ответ услышал Ортвин печальный девы глас:
«Там много есть красавиц, куда прекрасней нас.
Не мешкайте, хозяйка нас держит под надзором,
Накажет, коль увидит с кем заняты мы
разговором».
- 1224 «Красавицы, утешьтесь от горестей своих,
Возьмите — вот четыре браслета золотых,

Даем вам их в награду, чтоб вы жалеть не стали
О том, что на расспросы бесхитростно нам
ответчали.»

1225 «Дай вам господь счастливо владеть своим
добром,—

Ответила Кудруна,— мы платы не возьмем.
Расспрашивайте вволю, но поспешите все же:
Коль нас увидят с вами, накажут как некуда
строже.»

1226 «Чьи земли и уголья нас окружают тут?
Чьи высятся чертоги? И как его зовут?
Коль есть в нем капля чести, пусть знает: все
осудят,
Что вас он стиркой мучит, у моря на холоде
студит.»

1227 Она сказала: «Хартмут — один из двух князей,
Владелец всех угодий, земель и крепостей,
Другой,— нормандец Людвиг. Отважная дружина
Ему покорно служит и чтит своего господина».

1228 «Нам надо их увидеть,— промолвил Ортвин ей,—
Но где искать нам этих владетельных князей?
Коль это вам известно, тогда и нам скажите,
Мы едем к ним послами, нас числит король в
своей свите.»

1229 «Сегодня утром в замке оставила их я,
Еще в своих постелях покоились князья.
В их доме сорок тысяч героев почивали,
Как знать, теперь, быть может, они со двора
ускакали.»

¹²³⁰ Сказал король зеландский: «Зачем им это бремя,
Огромную дружину с собой держать все время?
Имей я столько войска в своем распоряженье,
Я целым королевством сумел овладеть бы в
сраженье».

¹²³¹ «Мы этого не знаем,— ответила она,—
Не ведаем, далеко ль простерлась их страна,
Но земли хегелингов норманнам страх внушают,
Князья все дни оттуда заклятых врагов ожидают.»

¹²³² Красавицы дрожали, так холод их терзал.
«Надеяться нельзя ли,— тут Хервиг им сказал,—
Что вы для вашей чести зазорным не сочтете
И наши меховые плащи благосклонно возьмете?»

¹²³³ Дочь Хильды отвечала: «Счастливо дай вам бог
Плащами укрываться. Как жребий мой ни плох,
Никто не должен видеть меня в мужском уборе.
(О, если б она знала, что ждет ее худшее горе!)

¹²³⁴ Не мог князь Хервиг взора от девы оторвать,
Казались столь прекрасны лицо ее и стать,
Что князь вздыхал глубоко и сердце его ныло:
На ту, кого любил он, так сильно она походила.

¹²³⁵ Тут королевич Ортвин стал спрашивать опять:
«Случалось ли вам, девы, о пленницах слыхать?
В Нормандию пригнала их княжеская рать,
Там много есть красавиц, Кудрупой одну из них
звать».

¹²³⁶ Дочь Хильды отвечала: «Слыхала это я.
Давно явились девы в норманнские края,

В сражении жестоком враги их в плен забрали,
О доме безутешно невольницы здесь горевали.

¹²³⁷ И пленную Кудруну когда-то я видала,
Она от непосильной работы изнывала». (Никто не знал об этом верней служанки юной,
Зане на самом деле она и была той Кудруной.)

¹²³⁸ «Взгляните, сударь Ортвин,— промолвил Хервиг-
князь,—
Ведь если где-то в мире от гибели спаслась
Сестра ваша Кудруна, то вот она — живая,
Настолько с нею схожа не может быть дева
другая.»

¹²³⁹ «Пригожа эта дева,— сказал ему герой,—
Однако не сравнится с красавицей сестрой.
Уже тогда, как с нею мы оба были дети,
Я знал, что не найдется красе ее равной в свете.»

¹²⁴⁰ Лишь только «сударь Ортвин» окликнул его друг,
Как пристально взглянула одна из двух подруг;
Красавица искала с любимым братом сходства,—
Тогда бы миновала пора ее бед и сиротства.

¹²⁴¹ Она сказала: «Доблесть сияет без прикрас.
Я рыцаря знавала, похожего на вас,
А звали его Хервиг, Зеландией он правил.
Будь он в живых поныне, он нас бы от плена
избавил.

¹²⁴² Ведь я одна из пленниц, что из родной земли
Жестокие норманны за море увезли.
Вы ищете Кудруну — напрасные заботы:
Погибла королевна, не вынесла тяжкой работы».

- 1243 Тут слезы покатались у Ортвина из глаз,
И Хервиг не заплакать не мог на этот раз.
Когда они узнали, что дева умерла,
Кручина, словно камень, обоим на сердце легла.
- 1244 И видя, что герои от горя слезы льют,
Похищенная дева им вымолвила тут:
«Вы так себя ведёте и так душой скорбите,
Как будто бы с Кудруной в ближайшем родстве
состоите».
- 1245 «Она моя супруга,— ответил Хервиг-князь,—
И клятва нерушимо скрепила эту связь.
Оплакивать я буду любимую до гроба,
Навеки разлучила нас старого Людвига злоба.»
- 1246 Несчастная сказала: «Вы лгали мне сейчас,
О Хервиговой смерти я слышала не раз,
Мне все блаженство жизни досталось бы на долю,
Будь жив отважный Хервиг. Уж он возвратил бы
мне волю».
- 1247 Тут молвил знатный рыцарь: «Я вас взглянуть
прошу,
И если вам знакомо кольцо, что я ношу,
Так верьте, что я Хервиг. Им обручен я с милой.
Коль вы моя супруга, из плена вас вызволю
силой».
- 1248 От перстня королева не отводила глаз,
Блестел на пальце золотом оправленный алмаз,
Тот камень абаллийский являл любви поруку,
Он украшал когда-то Кудруны прекрасную руку.
- 1249 Улыбка озарила красавицы лицо.
«Я с радостью узнала на вас мое кольцо.

Взгляните ж вы на перстень, что дал мне друг
сердечный
В отцовском королевстве, во дни моей жизни
беспечной».

¹²⁵⁰ Взглянул герой на перстень и глаз не отводил,
И молвил: «Тот, кто, дева, на свет тебя родил,
Был крови королевской. В тебе все совершенства.
Прошли мои невзгоды, достиг я земного
блаженства».

¹²⁵¹ И обнял королеву Зеландии король.
Тут все перемешалось — и радость их, и боль.
Прекрасную Кудруну он целовал несчетно
И верную подругу, что ей услужала охотно.

¹²⁵² А брат Кудруны Ортвин спросил у ней тогда,—
И дева, это слыша, сгорала от стыда,—
Ужели службы нету другой для королевы,
Чем на море норманнам одежду стирать
ежедневно.

¹²⁵³ «Сударыня-сестрица, куда,— сказал он ей,—
Девали вы прижитых от Хартмута детей?
Как вас они пускают одну стирать здесь платья?
Для княжеской супруги негоже такое занятие.»

¹²⁵⁴ Она сказала плача: «Где я возьму детей?
Ведь все норманны знают о стойкости моей:
За то, что отказалась в мужья их князя взять я,
Все дни теперь у моря должна я стирать сти
платья».

1255 Тут подал голос Хервиг: «Сказать мы можем смело,
Что славно завершилось задуманное дело,
Нам счастье привалило. Чего желать нам боле?
Так увезем Кудруну, избавим ее от неволи».

1256 «Я это отвергаю,— вступил с ним Ортвин в спор.—
Хотя бы погибали в неволе сто сестёр,
Все лучше, чем скрываться, с врагом идти на
хитрость.
Что Хартмут отнял силой, тайком не годится
нам выкрасть.»

1257 Сказал на это Хервиг: «Что ты задумал, друг?
Сперва спасем Кудруну, потом ее подруг».
Но снова юный Ортвин сказал в укор герою:
«Да лучше пусть мечами убьют меня вместе с
сестрою».

1258 И, слыша это, дева воскликнула, скорбя:
«Брат Ортвин милый, чем я обидела тебя?
Ничем не заслужила я горького упрека,
За что же, князь отважный, караешь меня так
жестoko?»

1259 «Любимая сестрица, ведь я тебе не враг.
Во имя блага пленниц я поступаю так.
Тебя спасти отсюда я должен только с честью,
Чтоб ты жила счастливо с возлюбленным
Хервигом вместе.»

1260 Сказал король зеландский: «Одно меня страшит,
Что если нас узнают, то Хартмут поспешит
Прекрасных пленниц спрятать, их увезет далеко.
Вот почему нам надо скрываться от вражьего ока».

- ¹²⁶¹ И снова молвил Ортвин: «Как мы оставить можем
В неволе дев? Ведь этим мы горе их умножим,
И так пришлось им долго в чужой земле
томиться;
Нам надобно избавить от плена всю свиту
сестрицы».
- ¹²⁶² Пошли к челну герои, а королева — в плач:
«О, горе мне несчастной, я жертва неудач,
Меня презрели оба, кем сердце утешалось,
Мне мучиться до гроба без помощи близких
осталось».
- ¹²⁶³ Мольба прекрасной девы вслед Хервигу неслась:
«Из всех была я лучшей — я худшей
стала, князь,
Кому ты оставляешь меня без сожаленья?
Где, спроте несчастной, искать мне теперь
утешенья?»
- ¹²⁶⁴ «Нет, ты не стала худшей, ты — лучшая, как
встарь.
Храни же нашу тайну, — промолвил государь, —
Я завтра до рассвета — и это слово чести! —
Приду под стены замка с моими героями вместе.»
- ¹²⁶⁵ Отплыть гонцы спешили как можно поскорей,
И не было разлуки для близких тяжелей.
Покуда было видно мужей на расстоянье,
Им девы вслед глядели, надеясь продлить
расставанье.
- ¹²⁶⁶ Белые и стирка вышли у пленниц из ума,
А злобная Герлинда заметила сама,
Что знатные служанки стоят внизу без дела.
Озлилась королева, она ведь о платьях радела.

- ¹²⁶⁷ Кудруне Хильдебурга промолвила, дрожа:
«Зачем вы побросали одежду, госпожа?
Коль мы ее для свиты не выстираем к сроку,
Так нас Герлинда злая, пожалуй, накажет
жестоко».
- ¹²⁶⁸ Дочь Хильды отвечала: «Я чересчур горда
И слишком благородна для низкого труда,
И более не стану стирать Герлинде платья.
Два короля сегодня меня заключили в объятия».
- ¹²⁶⁹ Сказала Хильдебурга: «Стирать нам платья след,—
Прошу вас не сердиться, что я даю совет,—
Нам в горницы нести их нечистыми негоже,
Не то исполосуют нам розгами нежную кожу».
- ¹²⁷⁰ А Хагенова внучка ответила на это:
«Грядет мое блаженство. Пусть даже до рассвета
Меня секут лозою, я не умру от боли,
А раньше те погибнут, кто нас так тиранит в
неволе».
- ¹²⁷¹ Не прачкой,— королевной должна отныне стать я.
Снесу к воде и брошу в пучину эти платья,
А им не помешает побыть в морской купели,
Пусть их волна качает и весело гонит отселе».
- ¹²⁷² Благие уговоры не тронули ее.
Швырнула дева в воду хозяйское белье.
Поплыли покрывала, подхвачены волною,
Бог весть, что после стало с прекрасною тканью
льняною

1273 День гас, и Хильдебурга в слезах пошла домой,
Взяв остальные платья и семь простынь с собой.
Кудруна не жалела о том, что совершила,
И в королевский замок с пустыми руками
спешила.

1274 А злобная Герлинда стояла у ворот
И там подстерегала злорадно их приход,
Когда они вернулись, уж было очень поздно,
На благородных прачек Герлинда набросилась
грозно:

1275 «Кто это вам позволил нарушить мой приказ
И с моря возвращаться домой в столь поздний
час?
Я строго накажу вас, чтоб стали вы покорней,
Не вместно находиться вам в горницах с нашею
дворней.

1276 Скажите, для чего вам так низко поступать,
В ответ на речи князя презрительно молчать
И тешиться беседой с каким-то жалким кметем?
Вы ищете почета? Его не заслужите этим.»

1277 Сказала королева: «Зачем меня чернить?
Я в мыслях не имела с чужими говорить,
Достойных этой чести я и людей не знаю,
За вычетом немногих, кого я родней называю.»

1278 «Молчи, гадюка злая! Ты говоришь, я лгу?
Я так с тобой за это расправиться могу,
Что ты уже не будешь так дерзко горячиться.
Сегодня от побоев занует твоя поясница.»

1279 «А я,— сказала дева,— даю совет благой,
Чтоб вы меня не смели наказывать лозой.
Я много благородней и вас, и ваших близких.
Вам каяться придется во всех ваших действиях
низких.»

1280 Тут молвила волчица: «Где простыни мои?
Что руки под передник ты спрятала свои?
Пока еще жива я, ты рано их сложила.
Возьмусь учить иначе, чтоб ты мне прилежно
служила.»

1281 «Белье,— сказала дева,— волною унесло,
Нести его с собою мне было тяжело,
Вот я его в пучину взяла и побросала,
От вашего убытка, по чести, мне горести мало.»

1282 Ответила Герлинда: «Я это не прощу,
Не лягу спать, покуда тебя не проучу.
Она терновик острый в пучки вязать велела,—
Чертовке не терпелось начать свое черное дело.»

1283 Всех прочих приказала в покои не пускать,
А пленницу к изножью кровати привязать.
Спустить ей кожу с бедер готовилась волчица.
Все девушки рыдали, узнав, что такое творится.

1284 И, к хитрости прибегнув, сказала королева:
«Стегать меня сегодня вы выдумали гневно,
Когда меня увидят с высоким князем вместе
В короне, на престоле, то он не простит вам
бесчестья.»

- 1285 Велите, чтобы розгой меня не смели бить,
Того, кого отвергла, готова я любить,
Владычицей хочу я в Нормандии явиться,
А власть употреблю я, как вам, почитай, и не
снится».
- 1286 «Тогда я все прощаю, и ты душой остынь,
Хотя бы потеряла ты даже сто простынь,
Жалеть о них не стану. И ты не прогадаешь,
Что Хартмуту-норманну супругою стать
обещаешь.»
- 1287 Красавица сказала: «Мне надо отдохнуть,
Испытанные муки мне истерзали грудь.
Пускай король норманнский придет ко мне сюда,
Отныне его воле я буду покорна всегда».
- 1288 И те, кто это слышал, не стали больше ждать,
А бросились в покои, герою рассказать.
Сидел отважный Хартмут с отцовскими бойцами,
Когда ему сказали, чтоб он поспешил к своей
даме.
- 1289 «Я жду за весть награды,— сказал один гонец,—
Сменила гнев на милость Кудруна наконец,
И вас покорно просит к ней в комнату явиться.
Когда вы к ней придете, она вас не будет
дичиться.»
- 1290 Ответил знатный рыцарь: «Гонец, ты мне солгал.
Была бы это правда, так я бы тебе дал
Три замка и угодья, богатые на диво,
И множество браслетов. И сам бы я зажил
счастливо».

- 1291 Тогда второй свидетель пред очи князя вышел:
«Чур, пополам награду! Я тоже это слышал,
Стать вашею супругой Кудруна обещает
И, с вашего согласия, Нормандией править
желает».
- 1292 «Спасибо тебе, вестник», — король ему сказал.
Он мнил, что это счастье господь ему послал.
Возрадовавшись духом, вскочил влюбленный с
кресел
И в горницу Кудруны явился без памяти весел.
- 1293 В своей рубашке влажной от холода дрожа,
Приветствовала князя сквозь слезы госпожа
И так стояла близко, шагнув к нему навстречу,
Что Хартмут собирался обнять ее белые плечи.
- 1294 «Нет, нет, оставьте, Хартмут! — она сказала тут, —
Коль люди нас увидят, они вас упрекнут:
Ведь вы — король, я — прачка и вам стираю
платья,
Вас могут лишь унижить ничтожной служанки
объятья».
- 1295 Но с радостью позволю я вам себя обнять,
Когда меня в короне увидит ваша знать;
Тогда я королевой по праву буду зваться,
Тогда и вам не будет зазорно со мной
обниматься.»
- 1296 Блюдя благопристойность, он отступил на шаг.
«Прекрасная Кудруна, — ей рыцарь молвил так, —
Коль ты меня полюбишь, — я твой слуга отныне,
Приказывай что хочешь и мне, и норманнской
дружине.»

1297 «Я счастлива безмерно,— ответила она,—
И если вам отныне приказывать должна,
То вот приказ мой первый: по нашему желанью,
Пусть перед сном сегодня еще приготовят мне
баню.»

1298 Кудруна продолжала: «А вот второй приказ:
Пусть всех красавиц пленных пришлют ко мне
сейчас.
Не в горницах Герлинды, среди ее прислуги,
Со мною находиться должны дорогие подруги».

1299 Герой повиновался приказу знатной девы,
И пленниц отыскиали в покоях королевы.
Они пришли в отрепьях, их волосы сваялись —
С подругами Кудруны позорно в плену
обращались.

1300 Все шестьдесят три девы явились к ней, как
встарь.
И молвила Кудруна: «Взгляните, государь,
К лицу ли вам, что пленниц держали в черном
теле?»
«Я сделаю,— сказал он,— чтоб больше их мучить
не смели.»

1301 «Так мне в угоду, Хартмут, извольте приказать,
Еще до сна сегодня несчастных искупать.
Насущного лишали в плену красавиц этих,
Вы позаботьтесь сами в роскошные платья одеть
их.»

1302 И рыцарь безупречный ответил госпоже:
«Владычица, быть может, утрачены уже

Те платья, что из дома везли служанки ваши,
Так мы найдем другие, намного богаче и краше.

1303 Я рад им дать наряды, каких не видел глаз».
Готовить стали баню для пленниц в тот же час.
О том радели слуги и стольники-вельможи,
Кудруне угождая, чтоб милость снискать ее позже.

1304 На славу искупаться красавицы могли;
Прекраснейшие платья им вскоре принесли,
И то из этих платьев, что было самым бедным,
Понравиться могло бы самим королевнам
наследным.

1305 А после знатной бани им подали вино —
Считалось самым лучшим в Нормандии оно —
И мед, такой отменный, что слов сказать не
хватит.
Как мог предвидеть Хартмут, чем дева за это
заплатит?

1306 С подругами в светлице Кудруна восседала,
Когда Герлинда злая Ортруне приказала
Созвать прислужниц знатных и в гости одеваться,
Коль с пленной королевной желает она повидаться.

1307 Ортруна нарядилась так скоро, как могла,
И радостно к Кудруне со свитой пошла.
Навстречу юной гостье с улыбкой устремилась
Та, что роднею Вате, седому вождю приходилась.

1308 И тут расцеловались красавицы тепло.
У каждой светлый обруч охватывал чело,
От золота сияли еще светлей их лица.
Была своя причина у той и другой веселиться.

- 1309 В то время как Ортруна была безмерно рада
Узреть Кудруну в блеске богатого наряда,
Дочь Хильды веселилась, забыв бывшее горе,
Затем, что уповала увидеться с близкими вскоре.
- 1310 «Я счастлива,— Ортруна ей молвила тогда,—
Что с Хартмутом ты хочешь остаться навсегда;
Тебя вознагражу я за это, как умею,
Короною Герлинды — наследной короной моею.»
- 1311 Кудруна отвечала: «Воздай тебе Христос!
Мне, бедной, сострадая, лила ты много слез.
Приказывай, что хочешь: за ласку и за дружбу
Тебе я обещаю свою неизменную службу».
- 1312 И с хитростью девичьей промолвила опять:
«Вам надо, сударь Хартмут, посланцев разослать
К своим друзьям ближайшим, чтоб те
поторопились
И в замок королевский по вашему зову явились».
- 1313 И если судьбы наши войной не омрачатся,
Я буду вместе с вами короною венчаться.
Мы сможем убедиться, кто мне служить желает.
Меня с моей роднею вся знать ваша скоро узнает».
- 1314 Задуманная хитрость Кудруне удалась;
Гонцов не меньше сотни послал в дорогу князь,
На сто бойцов дружина норманнов оскудела,
И этим королева помочь хегелингам хотела.
- 1315 Герлинда ей сказала: «Возлюбленная дочь,
Пора вам разлучиться, уж наступает ночь,
Вы встретитесь по чести, завтра, вставши с ложа»,
И с девою попрощалась, промолвив: «Храни тебя
боже».

- 1316 Откланялся и Хартмут. К Кудруне для услуг
Приставили радивых и расторопных слуг.
Ее с девичьей свитой отужинать позвали.
И слуги им бесшумно еду и питье подавали.
- 1317 Одна из знатных пленниц осмелилась сказать:
«Любимые подруги, как тяжело сознавать,
Что мы в плену норманнском навек должны
остаться.
Мы этого не ждали, нам нечем теперь утешаться».
- 1318 И слезы поневоле из глаз ее лились.
Сердца красавиц болью на них отозвались.
Им жизнь непоправимо загубленной казалась.
Все девы зарыдали, а их госпожа рассмеялась.
- 1319 Она не только годы, но даже дня провести
С норманном добровольно не собиралась здесь,
Как это мнилось девам. Пока они тужили,
О смехе королевны Герлинде уже доложили.
- 1320 Та, что утех не знала тринадцать с лишним лет,
Нарушила внезапно приличия запрет
Неудержимым смехом. Герлинда все слыхала
И Людвигу кивнула: чертовку тоска обуяла.
- 1321 Она ушла поспешно и Хартмута нашла.
«Мой сын, не безмятежны в Нормандии дела,
Пускай обходит стража границу ежедневно:
Бог весть, чему смеялась сегодня твоя королевна.
- 1322 Одно уже случилось, и это я узнала:
Родня Кудруны тайно к ней вестников послала.
Князь, бойся хегелингов, остерегись их мести.
Чтоб жизни не утратить со славою рыцарской
вместе.»

1323 «Оставь свои заботы,— сказал Герлинде сын,—
Пускай ее смеется, для страха нет причин,
Далеко хегелинги от нашего предела,
Идти на нас войною для них недоступное дело.»

1324 А дева слуг спросила, постелена ль кровать,—
Ее ко сну клонило, настало время спать.
В ту ночь она впервые не ведала печали,
И стольники-вельможи до спальни ее провожали.

1325 Свечами освещали дорогу ей пажы,
И это было ново для пленной госпожи.
Уже постлали ложа — их было три десятка.
Все спутницы Кудруны могли теперь выспаться
сладко.

1326 Вид этой пышной спальни все взоры привлекал
Красою разноцветных арабских покрывал.
Зеленые, что клевер, там были одеяла
С каймой великолепной; вся ткань их огнем
отливала,

1327 Простеганная нитью червонно-золотой,
Из шкур морского зверя был меховой подбой.
Князь мнил, что овладеет своей любимой вскоре,
Не знал надменный Хартмут, какое грозит ему
горе.

1328 Кудруна слугам князя дала приказ такой:
«Идите спать, герои, нам надобен покой;
С тех пор, как мы из дома в Нормандию попали,
Я и мои подруги спокойного сна не вкушали».

- 1329 И сразу все чужие, вельможи и нажи,
Покинули покои по слову госпожи,
Ушли все люди князя к нему на половину,
Оставив на почь девам и мед, и душистые вина.
- 1330 Она сказала снова: «Запремся же теперь».
На два двойных засова закрыли девы дверь,
А стены отличались такою толщиной,
Что слышать речь Кудруны никто бы не смог
за стеною.
- 1331 Сперва все девы сели и выжили випа.
«Предайтесь же веселью,— сказала им она,—
До утра наберитесь отваги и терпенья,
И мы увидим нечто, что вас приведет в
восхищенье.
- 1332 А нынче я воспряла душою оттого,
Что мужа целовала и брата своего.
Пусть та, что пожелает богато жить на свете,
Рассвет подкараулит и нам возвестит о рассвете.
- 1333 Мой дар желанным будет любой из знатных дам.
И замки, и угодыя я ей в награду дам.
Их вволю получу я, лишь часа бы дожждаться,
Когда уже не пленной, владычицей буду я зваться».
- 1334 Развеселились духом прекрасные девицы,
Уверясь, что назавтра должны сюда явиться
Герои хегелинги, чтоб их спасти из плена.
Согретые надеждой, все сну предались постепенно.

XXVI *авентюра*
Как Хервиг и Ортвин
вернулись к войску

1335 Теперь пойдет о новом мое повествованье.
Герои-хегелинги томились в ожиданьи
На острове пустынном, пока не возвратились
Князь Хервиг, юный Ортвин; и рыцари к ним
устремилась.

1336 Лазутчиков встречали с почтением и честью
Расспрашивать их стали, с какой явились вестью,
А Ортвина просили ответить без обмана,
Жива ль еще Кудруна в жестоком плену у
норманна.

1337 Но рыцарь благородный потребовал отсрочки:
«Рассказывать нет мочи вам всем поодиночке.
Пусть близкие сойдутся и встанут тесным кругом,
Тогда я расскажу вам о том, что мы видели
с другом».

1338 И вот, пришло немало их близких и друзей,
Все рыцарство обстало вернувшихся князей;
И молвил юный Ортвин: «Я вам скажу такое,
Что лучше бы не слышать и вам не лишаться
покоя.

1339 Все это было дивом, что я теперь открою:
На берегу залива я встретился с сестрою
И с девой Хильдебургой, что в Эйре воспиталась».
Все это небылицей отважным бойцам показалось.

- 1340 И многие сказали: «Оставьте эту ложь,
Иль тешиться над нами вам стало невтерпеж?
Годами мы мечтали спасти из плена деву
А брат с его бойцами позор переносят без гнева.»
- 1341 «Вы Хервига спросите, он виделся с ней тоже,
И лучше б это было не истиной, а ложью,
Нет ничего постыдней, чем видеть это горе:
Кудруна с Хильдебургой одежду стирали на море.»
- 1342 Всем близким тяжело стало, и каждый слезы лил,
А старый воин Вате в сердцах заговорил:
«Невесть зачем, герои, вы плачете, как бабы,
Достойно порицанья, что рыцари духом так слабы.»
- 1343 Коль вы хотите в горе помочь прекрасной даме,
Так вымытую в море лилейными руками
Ту белую одежду вам надо сделать красной
И этой верной службой принести избавленье
несчастной».
- 1344 Спросил датчанин Фруте: «А как нам поступить,
Чтоб на берег проникнуть и замок окружить,
Покуда Людвиг с сыном еще не догадались
О том, что хегелинги до их королевства
добрались?»
- 1345 И молвил старый Вате: «Совет я дать могу.
И славно послужу я заклятому врагу,
Вот только довелось бы с ним в поле
повстречаться.
Снимайтесь со стоянки, нам надо в поход
собираться.»

1346 Я рад, что нынче ночью погода так ясна,
Прозрачен воздух, щедро сияет нам луна.
Герои дорогие, спешите же в дорогу,
Обложим до рассвета норманнского князя
берлогу».

1347 И все взялись за дело. Бойцы на корабли
Свели коней, доспехи туда перенесли,
Спешили как умели, послушавшись совета,
И Людвигова замка достигли еще до рассвета.

1348 Велел в ту пору Вате всем воинам молчать
И на землю без шума улечься отдыхать.
Усталые от странствий, все так и поступили.
Под головы герои стальные щиты положили.

1349 «Кто хочет ранним утром победу одержать,
Тот,— молвил старый Вате,— не должен долго
спать.
Мы этого похода годами ожидали,
Смотрите же, чтобы нынче, вы други, зари не
проспали.

1350 Еще вас упреждаю, и в этом буду строг,
Лишь только затрублю я в походный этот рог,
Готовьтесь каждый к бою, не мешкая нимало,
Я утро возведу вам, и тут уж дремать не
пристало.

1351 Вдругорядь затрублю я,— седлайте поскорей
Своих ретивых на почь расседланных коней
И ждите наготове, когда я срок назначу,
Чтоб нам идти на приступ обдуманно, не наудачу.

- 1352 И снова протрублю я воинственную весть,—
Тогда во всеоружье должны вы в седла сесть,
Но с места не сходите, а смирно ждите все вы,
Когда я сам поеду за стягом моей королевы.»
- 1353 Все сделать обещались, как Вате научил.
Ах, скольких он красавиц с друзьями разлучил!
Что рыцарей в сражение от ран смертельных пало!
А всем им не терпелось, чтоб утро скорее настало.
- 1354 Легли устало наземь герои почивать,
От Людвигова замка почти рукой подать.
Хотя и ночь стояла, чертога очертанья
Все ясно различали и строго хранили молчанье.
- 1355 Вот утренняя в небе забрезжила звезда,
Одна из дев к окошку приблизилась тогда,—
Она подстерегала желанный час рассвета,
Чтоб щедрую награду снискать у Кудруны за это.
- 1356 И слабый луч денницы заметила она.
Сверкая, отражала бегущая волна
Щиты и шлемы. Ими светилась вся округа.
Лежал в осаде замок, как в петле, затянутой
туго.
- 1357 Красавица поспешно вернулась к госпоже.
«Сударыня, проснитесь, воители уже
Заполнили округу и замок осадили.
Нас, бедных полонянок, как видно, друзья не
забыли.»
- 1358 Вскочила дева с ложа и встала у окна.
За весть благодарила прислужницу она,

Потом ее Кудруна богато наградила.

Но в этот миг с тоскою она за друзьями
следила.

1359 Она узрела море все в белых парусах
И сразу ощутила страдание и страх.
«Сегодня много смелых умрут во цвете лет.
О, горе мне несчастной, зачем я родилась на свет!»

1360 Той раннею порою еще весь замок спал.
«К оружию, герои! — дозорный прокричал.—
Отважные норманны, вставайте, не лежите,
Вы слишком долго спали. Мечи боевые берите!»

1361 Услышала Герлинда, что сторож кличет рать,
И Людвига оставив на ложе почивать,
Сама взопла поспешно на замковую стену,
Узрела хегелингов, и вся обомлела мгновенно.

1362 В светлицу чуть живая вернулася она.
«Проснись, хозяин Людвиг, твой замок и страна
Окружены врагами, что каменной стеною,
Вчерашний смех Кудруны окупим мы страшной
ценою».

1363 «Молчите,— молвил Людвиг,— я сам взгляну
сначала,
Мы вынесем все беды, чего бы нас ни ждало.»
Король пошел на башню, дабы узреть воочью,
Что за лихие гости непрошенно прибыли ночью.

1364 Увидел перед замком он множество знамен.
«Сказать об этом сыну нам надо,— молвил он,—
Быть может пилигримы в Нормандию явились
Купить себе припасы и в гавани остацовились.»

- ¹³⁶⁵ Героя разбудили, чтоб новость рассказать,
И молвил смелый Хартмут: «Не будем унывать,
Гербы князей враждебных я различу по виду.
Мне мнится, хегелинги пришли отомстить за
обиду».

XXVII авентюра
Как Хартмут называл Людвигу
княжеские стяги

- ¹³⁶⁶ Оставил князь дружину спать безмятежным сном,

И стали Людвиг с сыном в окно глядеть вдвоем.
Войска увидев, Хартмут сказал не без тревоги:
«Они расположились почти у нас на пороге.

- ¹³⁶⁷ Поверь, отец мой милый, здесь пилигримов нет,
Должно быть, это Вате друзей привел чуть свет,
Он и король нортландский пришли сразиться
с нами,
И в этом убеждает парящее в воздухе знамя.

- ¹³⁶⁸ Богатый шелк на древке, он выткан в Карадине,
И золотом сверкает лик мавра посредине
Коричневого поля. Нам надо насмерть биться,
Чтоб это знамя долу заставить покорно склониться.

- ¹³⁶⁹ То Зигфрид мавританский привел большую рать,
С ним двадцать тысяч мавров — храбрее не
сыскать,

Все жаждут в битве с нами прославиться
геройски.

Еще я вижу знамя, а с ним еще большее войско.

1370 Под этим стягом Хорант датчан ведет в строю,
А рядом знамя Фруте я тоже узнаю
И Морунгово знамя: бойцы из марки Валеис
С вождем своим отважным еще до зори к нам
добрались.

1371 Еще я вижу прапор, догадываюсь чей,—
Меж красных поперечин стоят клинки мечей,
Его владелец — Ортвин; отца лишенный нами,
Он не затем явился, чтоб мирно поладить
с врагами.

1372 А среди прочих стягов один, как лебедь, бел,
Фигуры золотые на нем я разглядел,
Мне теща сей гостинец послала из-за моря,
Свирепость хегелингов мы с вами изведем,
вскоре.

1373 Еще один могучий я различаю стяг,
Он сизый, словно туча, на нем приметный знак:
Цветок морской лилен на гладком поле вышит,
Король зеландский Хервиг с ним прибыл, он
местию дышит.

1374 Я вижу, рыцарь Ирольт нам тоже бросил вызов;
Как я предполагаю, привел он много ффризов
И доблестных гольштинцев. Идет к сраженью
дело.
К оружию, норманны! Большая страда подоспела!

1375 Вперед! — воскликнул Хартмут, — бойцы мои,
вперед!

Враги вблизи от замка. Нам надо у ворот
Своих гостей незваных со всею честью

встретить

И острыми мечами их там по заслугам приветить».

1376 Вскочили все с постели, кто спал до этих пор,
Подать бойцы велели их воинский убор,
На помощь государю спешили его слуги,
Их добрых сорок сотен в свои облачились
кольчуги.

1377 Оделись Людвиг с сыном в сверкающую сталь.
А пленниц охватила и радость, и печаль.
Одна из дев сказала: «За счастьем горе скачет,
Кто прошлый год смеялся, тот ныне слезами
заплачет.»

1378 Пришла Герлинда к сыну и стала говорить:
«Что вы творите, Хартмут? Хотите погубить
И жизнь свою задаром, и рыцарей без счета?
Враги вас уничтожат, коль выйдете вы за ворота.»

1379 А рыцарь благородный сказал: «Уйдите, мать,
Меня с моею свитой не след вам поучать.
Учите ваших женщин, им впрок пойдут советы,
Как нитью золотою на шелк нашивать самоцветы.

1380 А то еще Кудруне и девушкам ее
Велите, как бывало, идти стирать белье.
Вы думали, что близких и слуг у ней уж нету?
Увидите, как нынче они призовут нас к ответу».

- 1381 «Но я тебе служила и, правду говорю,
Надеялась, что этим Кудруну усмирю.
Твой замок так надежен, послушайся, мой
милый,
Вели закрыть ворота: враги не возьмут его силой.
- 1382 Тебе по крови близких меж хегелингов нет,
И это ты их присных на тот отправил свет,
Ты знаешь, что за это тебя и ненавидят.
Так берегись: их тридцать на каждого нашего
выйдет.
- 1383 Вы только рассудите,— промолвила она,—
Вам дома на год хватит и хлеба и вина,
И прочей пищи. Кто же к ним в руки
попадетса,—
Спаси такого, боже! — из плена уже не вернется».
- 1384 Так сына убеждала супруга короля,
О чести и о жизни заботиться веля.
«Пусть наши самострелы из всех окон стреляют
В лихих гостей. Пусть дома родные по ним
зарыдают.
- 1385 Готовьте камнеметы, беритесь за пращу,
Я вас мечом сражаться с врагами не пущу.
Мы их и так отгоним. Наш замок полон смелых,
Мы, жены, принесем им камней в рукавах своих
белых.»
- 1386 «Сударыня, уйдите,— в сердцах ответил князь.—
Лицом перед врагами мы не ударим в грязь.
Чему меня научат все ваши поученья?
Чем мне сидеть в осаде, я лучше погибну в
сраженьи.»

- ¹³⁸⁷ Заплакала Герлинда и молвия: «Сынок,
Я это говорила, чтоб ты себя берег.
Тот, кто под нашим стягом пойдет на супостата,
Тот может быть уверен,— его награжу я богато.
- ¹³⁸⁸ Друзья, к оружию! Шлемы рубите горячей,
Чтоб искры засверкали огнем из-под мечей.
Мне сына охраняйте сегодня неустанно
Идите, наносите гостям вашим раны».
- ¹³⁸⁹ Князь молвил: «Королева вам мудро говорит.
И если кто-то будет безвременно убит,
Усердно помогая мне биться с супостатом,
И он сирот оставит, то всех их осыплю я золотом».
- ¹³⁹⁰ И Людвиговы рати готовились в поход,
Число их достигало одиннадцати сот.
Свой замок покидали отважные норманны,
За стенами оставив пятьсот человек для охраны.
- ¹³⁹¹ Уж подняли решетки всех четырех ворот,
И шлемы подвязали бойцы. Их тридцать сот
За Хартмутом скакали, свои окончив сборы.
Всего у них хватало — от крепкого шлема до
шпоры.
- ¹³⁹² А грозного сраженья все приближался срок.
Собрав все силы, Вате так протрубил в свой рог,
Что слышно его было за тридцать миль в округе.
Под знамя королевы спешили сойтись ее слуги.
- ¹³⁹³ Второй раз протрубил он, что время подошло
И надобно садиться воителям в седло.
И строиться в отряды. Кто слышал, чтобы воин
В таких годах, как Вате, был так же могуч и
достоин?

1394 И снова протрубил он, и дрогнула земля,
И море застонало. А в замке короля
Все камни зашатались под крепкими стенами.
И тут повез датчанин своей государыни знамя.

1395 Норманны стихли: Вате боялись как огня,
И можно было слышать малейший всхрап коня.
Со стен зубчатой башни Кудруна разглядела,
Как вышли хегелинги на битву с противником
смело.

1396 А в этот миг и Хартмут из замковых ворот
С своими удальцами отправился вперед.
И людям было видно в оконные проемы,
Как на чужих и близких сверкают щиты и
шеломы.

1397 На замок хегелинги шли с четырех концов.
Серебряно светились доспехи храбрецов,
Щиты у них блистали застежками из золота.
И, будто лев свирепый, страшил своих недругов
Вате.

1398 Скакали грозно мавры, отдельно от других.
Они метали копьа, в щепу ломая их.
Когда с норманнской ратью вступили мавры в
сечу,
То искры полетели, мечи засверкали, как свечи.

1399 Датчане к стенам замка помчались на конях.
Привел могучий Ирольт, прославленный в боях,
Туда своих героев шесть тысяч или боле.
За голову схватился норманнский король поневоле.

- 1400 Отдельно ехал Ортвин. Вел десять тысяч он,
И это неминуемый пророчило урон
И землям королевским, и жителям тем паче.
Герлинда и Ортруна стояли на стрельнице плача.
- 1401 И суженый Кудруны, князь Хервиг, шел вперед,
Беду норманским женам сулил его приход,
Когда из-за любимой он стал сражаться смело,
Далеко было слышно, как сталь шишаков
зазвенела.
- 1402 Приспел с дружиной Вате, он духом был не кроток.
Воздевши копьа, стали герои у решеток.
Так близко их увидеть Герлинде горько было,
Зато в душе Кудруна спасибо друзьям говорила.
- 1403 И Хартмут вел дружину с достоинством таким,
Что лучше не сумел бы, будь кесарем самим.
Вся ратная одежда на рыцаре сияла
Под солнцем. Доблесть духа норманн не утратил
нимало.
- 1404 Увидел Ортвин князя на боевом коне
И молвил: «Тот, кто знает, пускай расскажет мне,
Кто этот знатный рыцарь. Он так надменно едет,
Как будто королевством, у нас завоеванным,
бредит».
- 1405 «Перед тобою Хартмут,— сказал один боец,—
Меж рыцарей отважных он первый удалец.
И это им когда-то был твой отец убит.
Он храбростью прославлен и мощью своей
знаменит.»

- 1412 А в Хервигово войско, откуда ни возьмись,
Смешав ряды, сто сотен вонтелей влились,
Они сказали грозно: пусть тут их похоронят,
Но из страны норманнской противники их не
изгонят!
- 1413 Каким бойцом был Хервиг! Так доблестен он был,
Что благосклонность милой тем пуще заслужил.
Но как могло представить его воображенье,
Что в этот миг Кудруна глядит со стены на
сраженье?
- 1414 С датчанами норманны сошлись накоротке.
Могучий меч булатный держал в своей руке
Их предводитель Людвиг. Как истый вождь он
бился
И за ворота замка уже далеко устремился.
- 1415 Став во главе гольштинцев, равно могуч и смел,
Врагов отважной Фруте немало одолел,
И юный воин Морунг им много зла содеял,
Всю землю перед замком телами убитых усеял.
- 1416 А родич Вате Ирольт,— он панцири сплеча
Рубил, и кровь катилась из-под его меча,—
Под стягом Хильды рыцарь с врагами бился смело.
Белели мертвых лица, враждебное войско редело.
- 1417 Сын Людвига и Ортвин возобновили бой.
Так густо хлопья снега не падают зимой,
Как падали удары их острого булата.
Князь Хартмут вынес натиск Кудруны отважного
брата.

¹⁴¹⁸ Не ведал Ортвин страха, но грозный Хартмут так
Хватил его с размаха, что разрубил шишак;
Кровь хлынула на панцирь багряною струей.
Как горько было видеть дружине, что ранен

герой!

¹⁴¹⁹ Смешались оба стана, норманнов и датчан,
Герои наносили друг другу много ран,
И много под мечами лихих голов упало.
Смерть, точно злой разбойник, друзей у людей

отнимала.

¹⁴²⁰ Что Ортвин залит кровью, увидел Хорант вдруг,
И рыцарей спросил он, чьих это дело рук:
«Кем господин мой милый так тяжко в битве

ранен?»

Князь Хартмут рассмеялся: он слышал, что

молвил датчанин.

¹⁴²¹ Сам Ортвин знаменосцу ответил на вопрос:
«Князь Хартмут это сделал, он рану мне нанес».
Тут отдал Хорант знамя, им поднятое с честью,
И ринулся к норманну, пылая отвагой и мезтью.

¹⁴²² А Хартмут за собою услышал звон мечей,
Он видел: кровь струится на землю, как ручей,
Из сотен ран глубоких и под ноги сочится.

Он молвил: «За потери я должен с врагом

расплатиться».

¹⁴²³ Он Хоранта увидел. И съехались они,
Тут искры полетели столбом от их брони.

Бойцы упорно бились, от ненависти немь,

Концы мечей погнулись от мощных ударов

о шлемы.

- 1424 Как прежде Ортвин ранен был Хартмутом лихим,
Был ранен и датчанин противником своим.
Сквозь светлую кольчугу катилась кровь из раны.
Кто мог теперь решиться взять силою землю
Норманна?
- 1425 За время этих страшных, губительных часов
Немало раскололи украшенных щитов
Враждующие рати булатными мечами.
В жестокой битве Хартмут на славу сражался
с врагами.
- 1426 А что же Ортвин? Хорант? Двух раненых князей
Уже перевязали старанием друзей.
И снова под знамена герои воротились,
Где вскоре непреклонно они с неприятелем
бились.
- 1427 Но пусть вершат герои, что смелым подобает.
Никто об этой битве доподлинно не знает:
Кто выжил, кто оставил на бранном поле кости.
Норманны храбро бились, на славу боролись их
гости.
- 1428 О всех и не расскажешь. Кто в памяти остался,
По большей части насмерть с противником
сражался.
Бойцы дрались мечами у стен воротных башен,
В пылу не замечали, кто был боязлив, кто
бесстрашен.
- 1429 Отважный Вате время не праздно проводил,
В последний путь он многих норманнов проводил,
Он их своим булатом сразил на поле чести.
А родичи убитых скорбели и бредили мезтью.

- 1430 Я слышал, что и Хервиг с дружиной подошел.
Он свой отряд немалый на Людвига повел,
Как только он заметил, что Людвиг необорен
И витязей он губит, как рубят деревья под
корень.
- 1431 Воскликнул Хервиг громко: «Кто может мне
сказать,
Как старого норманна воинственного звать?
Он столько ран глубоких нанес своей рукою,
Что из очей красавиц покатятся слезы рекою».
- 1432 Услышал это Людвиг: «Кто это на коне
Ведет во время боя расспросы обо мне?
Я — Людвиг, вождь норманнов. Коль биться мне
приспело,
Врага не пощажу я, мечом отстою свое дело».
- 1433 Сказал король зеландский: «О, если это так
И ты взаправду Людвиг, то я — твой лютый враг.
Тобой на Вюльпензанде бойцы мои убиты.
Убит тобою Хетель, а он был боец знаменитый.
- 1434 Ты перед тем, как скрыться, нам много зла
принес,
Об этом и поныне мы льем потоки слез.
Мне горько, что Кудруну увез ты на чужбину,
На острове пустынном мою уничтожил дружину.
- 1435 Знай, пред тобою Хервиг. Ты взял мою жену,
Верни ее, иль жизнью оплатите вину
И ты, и твои люди, повинные в коварстве».
Норманн сказал: «Ты слишком грозишь мне в
моем государстве.

- 1436 И время тратишь даром на исповедь свою.
Поверь, у многих отнял я родичей в бою,
Убил друзей, богатство себе присвоил силой.
Уж никогда на свете тебе не лобзать своей
милой».
- 1437 Он смолк, и застонала от топота земля,—
Сошлись на поединке два знатных короля,
Однако перевеса никто не мог добиться,
И скоро им на помощь бойцы поспешили
явиться.
- 1438 Был смел и славен Хервиг, но грозный его враг
Отважного героя мечом ударил так,
Что от руки норманна князь Хервиг рухнул
наземь.
И жизнь, и королевство могли быть утрачены
князем.
- 1439 Когда б не подоспели дружинники сюда,
Не мог бы юный рыцарь укрыться никуда
От Людвига и ждал бы кончины неминучей.
Недаром ненавистен был Хервигу старец могучий.
- 1440 Друзья спастись от смерти герою помогли.
Опомнившись, поднялся поверженный с земли,
Взор устремил на башню, увериться желая,
Не смотрит ли оттуда на битву его дорогая.

XXVIII авентюра Как Хервиг убил Людвига

- 1441 Подумалось герою: «Ах, что со мной случилось!
Когда мое паденье от милой не укрылось,
Как мне обнять Кудруну, покрытому позором?
Ведь и на брачном ложе она меня встретит
укором.
- 1442 Стыжусь того, что старцем был выбит из седла я.
Так пусть мой стяг поднимет дружина удалая!
Преследовать норманна велю своим героям,
Мы все пути отсюда врагам ненавистным
закроем».
- 1443 А Людвиг за собою услышал громкий звон,
К зelandцу обернулся тогда поспешно он.
Звенел булат о шлемы, шла молодость на
старость,
Кто был в тот день с князьями, того испугала
их ярость.
- 1444 Они рвались друг к другу, и завязался бой;
Их люди поединки вели между собой,
А сколько их погибло, никто не сосчитал,
Но только эту битву норманнский король
проиграл.
- 1445 Достал жених Кудруны сверкающим клинком
Грудь Людвига меж шлемом и кованым щитом,
Нанес такую рану, что враг не смог сражаться,
И выпало норманну лишь смерти своей
дождаться.

- 1446 Тогда отважный Хервиг занес свой острый меч,
И голова седая слетела с крепких плеч,
Погиб король норманнский и с жизнью
распрощался.
Так за свое паденье зеландский герой
расквитался.
- 1447 Лишь людвиговы слуги конец его узрели,
Они вернуться в замок со знаменем хотели,
Но от ворот твердыни бойцы далеко были,
И, знамени не спасши, судьбу короля разделили.
- 1448 Видали стражи замка, как испустил он дух,
И рыцари, и жены тут стали плакать вслух,
Что Людвиг именитый стал ныне горстью праха.
Кудруна же со свитой в душе трепетали от
страха.
- 1449 И только рыцарь Хартмут не знал о горькой вести,
Что Людвиг с храбрецами погиб на поле чести
И множество их близких там головы сложило,
Он слышал лишь, как в замке по мертвым родня
голосила.
- 1450 И молвил смелый Хартмут своим норманнам
верным:
«Мы многих уложили в сраженье беспримерном,
Кто нам готовил гибель. Пора и возвращаться
И за стенами замка счастливой поры
дождаться.
- 1451 Вы верно мне служили, за это, я клянусь,
Что с вами королевством наследным поделюсь.
Теперь вернемся в замок, где нас родные ждут,
Откроют нам ворота, вина или меда нальют».

- ¹⁴⁵² Герои согласились, что надо отдохнуть,
За Хартмутом пустились, прокладывая путь
Сквозь вражеское войско. Пришлось героям
биться —
В крови по локоть руки,— чтоб к замку опять
воротиться.
- ¹⁴⁵³ Немало потеряли дружинники бойцов,
Будь даже эти земли наследством их отцов,
Они б не защищали владений с большим пылом,
Но с тысячным отрядом вождь Штурмена путь
преградил им.
- ¹⁴⁵⁴ Привел к воротам Вате свою большую рать,
И Хартмута решил он в ворота не пускать,
Однако без успеха он начал наступленье:
Со стен высоких башен посыпались градом
каменя.
- ¹⁴⁵⁵ Как будто с неба падал свирепый этот град
На Вате с его войском, теснившимся у врат.
Старик о погибавших не сетовал нисколько,
Надежда на победу все мысли его занимала.
- ¹⁴⁵⁶ Когда князь Хартмут Вате у замка увидал,
«Мы это заслужили,— он рыцарям сказал,—
Все жизни под угрозой, лежат горою трупы,
На страшные удары противники наши не скупы.
- ¹⁴⁵⁷ Враги сильны, их много — вот что меня гнетет,
Стучит дружина Вате мечами у ворот.
Радивее не мог бы сражаться старый ратник,
Когда бы даже в замке служил у меня как
привратник.

- 1458 Бойцы, взгляните сами: все стены, замок весь
 Окружены врагами,— и много смелых здесь.
 Со всех сторон твердыни,— а тех сторон четыре,
 Друзья Кудруны бьются как лучшие рыцари
 в мире.
- 1459 Они неутомимы, увы, я в это верю,
 Должны еще нести мы тяжелые потери,
 Уж у ворот наружных я вижу знамя мавра.
 Колеблемое ветром. Боритесь же, витязи, храбро.
- 1460 И у ворот соседних остановился враг,—
 Украшенный клинками по ветру вьется стяг.
 Здесь Ортвин, брат Кудруны. Пока он пыл
 остудит,
 Немало крепких племов мечами расколото будет.
- 1461 Стяг Хервига у третьих колышется ворот,
 А с Хервигом семь тысяч отправилось в поход,
 По-рыцарски он служит своей прекрасной даме.
 Горда теперь Кудруна отвагой его и делами.
- 1462 А я промешкал в поле и в замок опоздал.
 Куда теперь податься? Мой разум крепко спал.
 Четвертые ворота сам Вате осаждают,
 Сдается, что напрасно нас дома родня ожидает.
- 1463 Я крыльев не имею, летать я не могу,
 От недруга сквозь землю, увы, не убегу.
 Пытаться выйти к морю нам пробовать напрасно.
 Но есть счастливый выход, о нем вам поведаю
 ясно.
- 1464 Нам спешиться осталось и ну рубить сплеча,
 Чтоб кровь из ран глубоких струилась горяча,

Пусть это не доставит вам, рыцари, печали»,
Тут спешились норманны, коней от себя отогнали.

¹⁴⁶⁵ Воскликнул громко Хартмут: «Мои герои, в путь!
Сперва пробьемся к замку, а дальше будь что
будь!

Я должен попытаться убрать с дороги Вате,
Придется постараться, чем ни было б это
чревато».

¹⁴⁶⁶ Подняв мечи, на приступ решились храбрецы,
Отважный рыцарь Хартмут и все его бойцы.
Свирепый натиск Вате князь Хартмут встретил
с честью.
Звенела сталь, и много убитых осталось на месте.

¹⁴⁶⁷ Узрел старик, как круто князь Хартмут наступал,
И молвил: «Братец Фруте (а Фруте стяг держал),
Я слышу звон булата,— то голос вражьей стали,
Держитесь,— молвил Вате,— чтоб вас от ворот не
прогнали».

¹⁴⁶⁸ Старик, окончив речи, на Хартмута напал,
Но этой грозной встречи норманн не избегал.
Враги сражались смело и честь свою хранили,
И солнце потускнело от облака поднятой пыли.

¹⁴⁶⁹ Шел слух, что редкой силой был Вате наделен,
Как двадцать шесть героев, воинствитель был силен.
Что проку! Юный Хартмут остался необорен,
И каждый выпад Вате им был отражен и
повторен.

¹⁴⁷⁰ Князь Хартмут был отважен и бился как герой.
Кругом белели трупы, лежавшие горой,

И было просто чудом, что князь не принял
смерти
 От доблестного Вате: тот был беспощаден, поверьте.

1471 Пронзительно кричала супруга короля,
 Отмстить за гибель мужа дружинников моля
 И злато обещая тому, кто ей поможет,
 Кто пленную Кудруну и свиту ее уничтожит.

1472 Нашелся вероломный, польстившийся на плату,
 Украдкою проник он к красавицам в палату,
 Где все они сидели, и чуть не погубил их,
 За золото убить он готовился девушек милых.

1473 Увидела Кудруна блеск обнаженной стали.
 Недаром ее сердце сжималось от печали,
 Что так она далеко от близких очутилась.
 И если бы не Хартмут, Кудруна бы жизни
лишилась.

1474 Ей гибель угрожала, и, ужаса полна,
 Забыв приличья, громко заплакала она,
 И громко зарыдали тогда ее подруги,
 Красавицы стонали и руки ломали в испуге.

1475 Сын Людвига Кудруну по голосу узнал.
 «Что с нею?» — думал рыцарь, пока не увидал,
 Что, деве угрожая, наглец заносит меч.
 Князь за нее вступился, повел с неотесанным
речь.

1476 «Злодей и трус презренный, скажите, как вас
звать?»
 Что за нужда подвигла вас пленниц убивать?
 Вы за одну Кудруну уже достойны смерти,
 И родственники ваши повешены будут, поверьте».

- 1477 Из страха перед князем наемник убежал,
Но тут и Хартмут жизни едва не потерял,
Он верностью доставил несчастной утешенье,
Но, пленницу спасая, сам рыцарь нуждался
в спасенье.
- 1478 С известием, что помощь защитнику нужна,
Пришла, ломая руки, норманнская княжна,
Упала на колени Ортруна перед пленной,
О Людвиге рыдала и так умоляла смиренно:
- 1479 «О, дочь и внука знатных и славных королей,
Моих убитых близких сегодня пожалей,
Припомни, что за мука тебе на сердце пала,
Когда отец твой умер: я тоже отца потеряла.
- 1480 Пойми же, королевна, мою беду и боль,
Родня моя погибла и мой отец-король,
И Хартмуту-герою грозит расправой Вате,
Я горькой сиротою останусь, утративши брата.
- 1481 Во имя нашей дружбы, мне, дева, помоги,
Ведь в замке окружают тебя одни враги,
Лишь я тебя жалела, и все твои невзгоды,
Что ты в плену терпела, я буду оплакивать
годы».
- 1482 «Ты плакала немало,— сказала Хильды дочь,—
Однако я не знаю, чем Хартмуту помочь,
Была бы я героем, так меч бы я носила
И битве беспощадной тогда бы конец положила».
- 1483 Но юная Ортруна молила все сильней,
Покамест королевна не сжалилась над ней,
Махнув в окно рукою, она мужей спросила,
Уж нет ли между ними сынов ее родины милой.

- 1484 Отважный рыцарь Хервиг ей вымолвил в ответ:
«Сударыня, уверьтесь, здесь хегелингов нет,
Со мной одни зеландцы, но мы мечей не сложим,
Скажите только, кто вы, и чем пособить мы вам
можем».
- 1485 Сказала королева: «Одно прошу сердечно
И буду за услугу обязана вам вечно:
Довольно битве длиться, предел войне поставьте
И Хартмута-норманна от натиска Вате избавьте».
- 1486 Тогда герой учтиво решился ей сказать:
«Прекрасная девица, скажите, как вас звать?»
«Зовут меня Кудруна, я Хагенова внука,
А здесь, хоть и знатна я, мне выпала горькая
мука».
- 1487 «О если вы — Кудруна, любимая моя,
То вам,— промолвил рыцарь,— служить обязан я.
Я — Хервиг. Вас избрал я себе на утешенье
И вскоре вас избавлю от всяких невзгод и мученья».
- 1488 «Коль, сударь, вам приятно услугу оказать,
Прошу вас не превратно слова мои понять.
Передо мной хлопочет красавица за брата,
Его избавить молит от ярости старого Вате».
- 1489 Сказал Кудруне Хервиг: «Владычица моя,
Все с радостью исполню». Он рек бойцам: «Друзья,
К неистовому Вате несите наше знамя»—
И выступил поспешно вперед со своими бойцами.
- 1490 Служенья даме ради он подвиг совершил,
Завидев близко Вате, герой проговорил:
«Любезный друг, скорее кончайте эту битву,
Прекраснейшие дамы возносят о мире молитву».

¹⁴⁹¹ Ответил Вате гневно: «Идите, сударь, вон!
Кто слушается женщин, тот разума лишен.
Ведь сам себя сгублю я, дав недругу поблажку.
Нет, за свое злодейство пусть Хартмут поплатится
тяжко».

¹⁴⁹² Тогда во имя девы, которую он чтил,
К сражавшимся героям зеландец подскочил,
Чтоб их разнять. Далеко разнесся звон булата.
За кровную обиду счел это разгневанный Вате.

¹⁴⁹³ Так Хервига ударил неистовый старик,
Что рухнул миротворец. Дружья героя вмиг
Пришли к нему на помощь и вынесли из боя.
А Хартмут был захвачен, увел его Вате с собою.

XXIX *авентюра*

Как Хартмут был взят в плен

¹⁴⁹⁴ Взбешен был старый Вате. Он двинулся вперед
К высокому чертогу у запертых ворот.
Повсюду плач и стоны сливались с лязгом стали,
Захвачен в плен был Хартмут, в беду его люди
попали.

¹⁴⁹⁵ Их восемьдесят только в неволю взяты были,
Всех прочих хегелинги без жалости убили.
И был посажен Хартмут на их корабль в оковах.
Но много еще ждало датчан испытаний суровых.

- 1496 Напрасно их от замка старались отогнать —
В жестокой битве Вате сумел твердыню взять.
И вырублены были из стен ее засовы.
Слезами обливались в то время норманнские
вдовы.
- 1497 Пронес датчанин Хорант прекрасной Хильды стяг,
За ним пошла дружина. Все устремили шаг
От рыцарского зала к вершине башни главной, —
Как можно было видеть, ей в крепости не было
равной.
- 1498 Был замок завоеван, как я уже сказал,
И всех объяло горе, кто в замке обитал.
Бросались на поживу бойцы, тесня друг друга.
«Куда,— промолвил Вате,— девалась с мешками
прислуга?»
- 1499 Все переверотили их люди кверху дном,
И в княжеских покоях стоял и стук, и гром,
Терзая слух. И было гостям не до приличий —
Кто множил вражьи раны, кто руку тянул за
добычей.
- 1500 И столько в этом замке богатства отнял Вате,
Шелков и самоцветов, и серебра, и злата,
Что если б их по морю дружина увозила,
То для такого груза и двух бы судов не хватило.
- 1501 В отчаянье все впали и был напуган всяк,
И всей стране норманнской грозил расправой враг.
Пришельцы убивали и женщин, и мужей,
Младенцы погибали в тот день в колыбели своей.

- 1502 Могучий Ирольт с Вате повздорили тогда.
«Вам дети,— молвил Ирольт,— не сделали вреда,
И в смерти наших близких ведь не повинны дети,
Так вы сирот несчастных во имя Творца
пожалейте».
- 1503 «Ты сам ребячлив духом,— ответил Вате так,—
Младенцы плачут в люльке — вот Ирольт и размяк:
Пускай де подрастают, порадуются солнцу.
А вырастут норманны,— им верить, что злomu
саксонцу!»
- 1504 Из разоренных горниц бежала кровь ручьем,
Норманны сокрушались о жребии своем.
Пришла княжна Ортруна к Кудруне в сильном
горе,
Ей сердце предвещало, что будет и худшее вскоре.
- 1505 И стала королевне Ортруна бить челом:
«Сударыня Кудруна, молю лишь об одном:
Спаси меня от смерти, проникнись нашей мукой,
Пускай мне в этом будет твоя добродетель
порукой».
- 1506 «Я с радостью готова, княжна, тебя спасти,
Чтоб зажила ты снова в богатстве и чести,
Покоем наслаждаясь. Будь под моей защитой
И стань ко мне поближе со всей своей девичьей
свитой».
- 1507 «Все сделаю, что скажешь»,— ответила княжна.
(Так смерти избежала впоследствии она
И тридцать три служанки, и слуги с ними вместе,
Не то бы хегелинги их всех зарубили из местн.)

1508 Но вот и старый Вате пожаловал сюда,
Широкая в две пяди свисала борода;
Старик скрипел зубами, глаза его сверкали
И ужас наводили на всех, кто стоял в этом зале.

1509 Одежда Вате кровью забрызгана была.
Хоть он служил Кудруне, она бы предпочла,
Чтобы в этом исступленьи к ней Вате не являлся.
Он встречен был молчаньем, здесь каждый его
опасался.

1510 И лишь одна Кудруна к герою подошла.
«Привет тебе!— в тревоге она произнесла,—
Как я была бы рада увидеться с тобой,
Когда бы, верный Вате, другим не грозил бы ты
бедой».

1511 «Ужели, вы — Кудруна? Привет вам, госпожа!
А кто все эти дамы, что тут стоят дрожа?»
«Со мной княжна Ортруна,— дочь Хильды
отвечала,—
Будь ласков с нею, Вате, она мне всегда
сострадала.

1512 А этих несчастливиц из их родной земли
Жестокие норманны за море увезли.
Но вы покрыты кровью, не приближайтесь, Вате,
За службу мы с любовью отплатим вам всем, чем
богаты».

1513 Правитель марки Штурмен, послушавшись, ушел,
Он Хервига-зелаидца и Ортвина нашел,
И Прольта лихого, и Морунга, и Фруте.
Все, отдыха не зная, сражались с норманнами люто.

- 1514 А скоро и Хергарда за помощью пришла,
Что знатной герцогиней в Нормандии была:
«Сударыня Кудруна, ты сжался надо мною,
Осталась я, как прежде, твоею покорной слугою».
- 1515 Разгневалась Кудруна: «Не смейте подходить!
Все то, что нам, несчастным, пришлось переносить,
Нисколько не мешало вам петь и веселиться,—
Так мне и нужды мало, коль с вами беда
приключится».
- 1516 Тут и Герлинда злая пришла искать приют:
«Спаси нас, королева, не то меня убьют,
Укрой меня от Вате»,— она рекла, стеная,
И пала на колени, как будто ее крепостная.
- 1517 Дочь Хильды отвечала: «Так вы пришли просить
О жалости? Но как же вас можно защитить?
К моим мольбам и пеням безжалостны вы были,
И этим гнев и злобу вы в сердце моем поселили.
- 1518 Однако же укройте среди моих девиц».
Искал Герлинду Вате в кругу враждебных лиц,
В то время как чертовка, чтобы не быть убитой,
У госпожи Кудруны скрывалась со всей своей
свитой.
- 1519 Но скоро старый Вате явился снова в зал.
«Сударыня Кудруна,— он в ярости сказал,—
Отдайте мне Герлинду, что стиркой вас томила,
Со всей ее роднею, что наших бойцов истребила».
- 1520 Красавица сказала: «Здесь никого их нет».
Но Вате только пуще разгневался в ответ:

«Скорей мне укажите Герлинду без обмана,
Не то костями полягут и наши бойцы и
норманны».

1521 Все сразу увидали, в какой пришел он гнев,
И тут ему моргнула одна из пленных дев:
«Вон, вон, она!» И Вате промолвил злой
гордячке:
«Вам, госпожа Герлинда, нужны еще знатные
прачки?»

1522 И, за руки схвативши, повел Герлинду прочь.
От горя злой чертовке дышать стало невмочь,
А Вате, разъярившись, ей молвил: «Королева,
Белье стирать не будет вам больше прекрасная
дева».

1523 Лишь только королеву он выдворил за дверь,
Все замерли: что станет с ней делать он теперь?
Взял за волосы Вате Герлинду в сильном гневе
И голову седую мечом отрубил королеве.

1524 Все дамы закричали, их ужас охватил.
А старый воин в залу вернулся и спросил:
«Где родичи Герлинды? Им нечего гордиться,
Я силою заставлю их головы долу склониться».

1525 Дочь Хильды со слезами так стала говорить:
«Ты тех, по крайней мере, обязан пощадить,
Кто с трепетом явился, ища во мне защиты.
Не тронь княжны Ортруны, не тронь ее девичьей
свиты».

1526 Всем названным велели в сторонку отойти,
И Вате молвил грозно: «Где мне теперь найти

- 1533 Почтительно склонились датчане перед ней.
Дочь Хильды не скрывала от преданных друзей,
Как рада она видеть своих вассалов знатных,
Как любо ей услышать о славных их подвигах
ратных.
- 1534 И Зигфрид мавританский с почетом принят был,
Как это добрый рыцарь делами заслужил,
Его благодарили все дамы до единой
За то, что он расстался для них со своей
Карадиной.
- 1535 Как только Кассиана была покорена,
На милость хегелингам сдалась и вся страна.
Держать совет собрались воители. Тогда-то
Спалить дворец и замки друзьям посоветовал
Бате.
- 1536 «Разрушить Кассиану? Нет, этому не быть!
Здесь наша королева со свитой будет жить.
Пусть вынесут убитых,— сказал датчанин
Фруте,—
Спалить твердыню,— значит, лишить наше войско
приюта.
- 1537 Высок и крепок замок, надежен его кров,
Велите, чтобы смыли со стен густую кровь,
Чтоб этих красных пятен не видеть женским
взором.
А всю страну нам нужно объехать военным
дозором».
- 1538 Все вняли слову Фруте,— датчанин был умен,—
Собрали в замке трупы и вынесли их вон,
(Тела героев раны сплошные покрывали),
И бросили в пучину, кого у ворот подобрали.

- 1545 За ними тридцать тысяч сподвижников пошли.
Что на пути встречалось, все хегеллинги жгли,
Угодья побежденных огнем запылали,
А Хартмут благородный впервые предался
печали.
- 1546 Герои марки Штурмен и Дании, они
От замков оставляли развалины одни,
Прекраснейшую в мире добычу захватили
И множество красавиц в невольниц своих
обратили.
- 1547 И долго слуги Хильды, свою творили месть,
Пока не сокрушили всех замков двадцать шесть.
Горды своим походом, душой возликовали,
И много сотен пленных к своей королеве
пригнали.
- 1548 И вдоль дорог норманнской униженной земли
Герои знамя Хильды победно пронесли,
Туда, где ожидали Кудруна и девицы,
Вонтели желали в отчизну теперь возвратиться.
- 1549 А те, кто в Кассане остались ожидать,
Тут вышли за ворота торжественно встречать
Бойцов отважных Фруте и Вате с их уловом.
Датчане вопрошали: «Ну, рыцари, как повезло
вам?»
- 1550 «Нам счастье привалило,— ответил Ортвин им,—
За мужество спасибо сподвижникам моим,
Все, что враги забрали у матушки с сестрицей,
Мы с нашими бойцами уже возместили сторицей.»

- 1551 А старый мудрый Вате повел такую речь:
«Кого нам здесь оставить Нормандию стеречь?
Пусть к нам сойдет Кудруна, нам надо
торопиться,
Со всем, что мы добыли, к своей королеве
явиться».
- 1552 «Датчанин Хорант! Морунг!— вскричали стар и
млад,—
Они пусть остаются и землю сторожат,
Мы тысячное войско дадим им на подмогу.»
А пленных хегелинги забрать собирались в
дорогу.
- 1553 Они домой спешили: пора, давно пора!
Уже нестрела пристань от всякого добра,
Что им принадлежало и то, что с бою взято.
Да, было чем похвастать дружинникам Фруте
и Вате!
- 1554 Велели, чтобы вышел князь Хартмут из ворот
С норманскими бойцами,— а и было их пятьсот,
Захваченные в поле, все пленниками стали,
В безрадостной неволе их долгие дни ожидали.
- 1555 Прекрасную Ортруну на берег привели,
Ее с девичьей свитой на горе обрекли,
Они людей любимых и родину теряли,
Что выпало Кудруне, то нынче они испытали.
- 1556 Всех пленных хегелинги в страну свою везли,
А замки побежденных в их руки перешли;
Датчанин Хорант, Морунг тут правили отныне,
И с тысячью отважных остались они на чужбине.

1557 «Хочу просить сердечно,— гостям князь Хартмут
рек,—

Я жизнь свою, и землю готов отдать в залог,
Чтоб мне остаться дома и не терять свободы.»
«В плену,— ответил Вате,— вы будете долгие
годы.

1558 Не знаю, в чем причина, что хочет родич мой
Такого супостата везти к себе домой.

Дай Ортвин мне согласие, уж я бы постарался,
Чтоб этот знатный рыцарь в оковах уже не
нуждался.»

1559 «Что проку, если даже,— тут Ортвин возразил,—
Всех, кто теперь под стражей, я злобно бы убил?
Пусть князь с его дружиной останется в надежде,
Что пользоваться будет таким же почетом, как
прежде.»

1560 Своих коней герои свели на корабли,
Сокровища и платья туда перенесли.

О чем они мечтали, сбылось на самом деле,
И те, кто раньше плакал, от радости громко
запели.

XXX авентюра

Как они отправили к Хильде послов

- 1561 Ликуя, хегелинги взошли на корабли,
А раненых и мертвых, что в битве полегли,
Три тысячи пришлось им оставить в Нормандине.
Помянут и оплакан был каждый, кто пал
на чужбине.
- 1562 Попутный ветер резво гнал их по гребням волн;
И радостью высокой был каждый рыцарь полн,
Они гонцов послали с известьем горделивым,
Обрадовать всех близких своим возвращеньем
счастливым.
- 1563 На двор к прекрасной Хильде посланцы торопились,
Не знаю лишь, как скоро они туда явились.
И не было для Хильды милей и лучше вести,
Чем та, что старый Людвиг зарублен Зеландцем
на месте.
- 1564 Спросила королева: «Как дочь моя живет?»
«Свою невесту Хервиг к вам по морю везет.
Сопутствовало счастье зеландскому герою:
Им в плен захвачен Хартмут с Ортруной,
пригожей сестрою.»
- 1565 «Вот радостные вести!— воскликнула она,—
По их вине я горем была удручена,
Как пленников увижу, я им воздам исправно
За все, что я терпела, скрывая от близких и явно.
- 1566 А вас осыплю золотом за то, что эта весть
Такое утешение сумела мне принести.

И радоваться будем удаче обоюдно.»

Гонцы сказали: «Это, владычица, сделать не
трудно.

¹⁵⁶⁷ Зане мы столько злата от недругов везем,
Что, не из небреженья, другого не возьмем,
Все барки наши полны казною золотою,
А должность казначея досталась лихому герою».

¹⁵⁶⁸ Услышав это, Хильда готовить приказала
Для пышной встречи близких, которых ожидала,
На славу угощенье — и кушанья, и вина,
И каждому сиденье, как следует это по чину.

¹⁵⁶⁹ Прислуга в Мателане, не покладая рук,
Трудилась на поляне, у замка и вокруг,
А плотники усердно устраивали место,
Где с почестью большою воссядут жених
и невеста.

¹⁵⁷⁰ Не знаю, много ль в море им выпало тревог,
Но только юный Ортвин с воителями мог
Доплыть до Мателаны за шесть недель, не ране.
И много знатных пленниц они привезли
к Мателане.

¹⁵⁷¹ Герои возвратились. Я слышал, будто год
Продлился их победный в Нормандию поход.
То было время мая, бойцы, ликуя,плыли,
Хотя своих мучений и тяжких трудов не забыли.

¹⁵⁷² Когда из Мателаны узрели паруса,
То трубы загремели, раздались голоса
Рогов и флейт, и громко ударили литавры.
Входил в их гавань Вате, причалили к берегу
мавры.

- 1573 И Ортвин не замедлил с дружиною пристать.
Тут выехала к морю со свитой его мать,
Покинув стены замка,— она гостей встречала;
А дочь ее Кудруна с подругами шла от причала.
- 1574 Хозяйка с ее свитой сошли уже с коней,
Отважный рыцарь Ирольт подвел Кудруну к ней.
Как ни прекрасно Хильда дитя родное знала,
Она ни королевны, ни дев остальных не узнала.
- 1575 Сто девушек прекрасных перед собой узрев,
Владычица сказала: «Кому из милых дев
Открыть свои объятия как дочери, не знаю,
Но все вы здесь желанны, я в сердце вас всех
обнимаю».
- 1576 «Вот эта ваша дочь!» — так Ирольт ей ответил.
Объятия, поцелуй... Как этот миг был светел!
Он был для них дороже, чем все земное злато,
Их горести былые исчезли теперь без возврата.
- 1577 Тепло был принят Ирольт владычицей своей,
А после старый Вате склонился перед ней.
«Привет тебе сердечный, мой несравненный воин,
Ты за свое служенье земли и короны достоин.»
- 1578 И Вате ей ответил: «Покуда буду жить,
Всем, чем я только в силах, готов тебе служить».
Тогда поцеловала она его и сына.
А вскоре прибыл Хервиг и с ним боевая дружина.
- 1579 Вел за руку Ортрупу отважный Хервиг-князь.
Просить у королевы Кудруна принялась:
«Даруйте знатной деве, сударыня, лобзанье,
Меня бедняжка чтילה, служила мне в тяжком
изгнанье».

1580 «Того, кого не знаю, не стану я лобзать,
Кто родственники девы? Как эту деву звать,
Для коей поцелуя вы просите душевно?»
Ответ гласил: «Ортруна; она, как и я, королевна».

1581 «Так вот о чем ты просишь! Нет, этому не быть!
Для нас куда пристойней велеть ее убить.
Родня Ортруны много нам горя причинила,
И все, о чем я плачу, лишь души врагов веселило.»

1582 «Ортруна неповинна,— Кудруна ей в ответ,—
Совсем не в ней причина всех наших горьких бед,
Суди сама, была ли б я в чем-то виновата,
Когда бы убивали противников Фруте и Вате?»

1583 И слушать не хотела Кудруну ее мать,
Но дева продолжала, рыдая, умолять.
И тут сказала Хильда: «Не надо плакать боле,
Даруем мир Ортруне, тебе угождавшей в пеломе».

1584 Так Хильда свою злобу сумела превозмочь
И Людвиг-норманна поцеловала дочь,
Приветив прочих пленниц. В ту светлую минуту,
Явилась Хильдебурга к ним об руку с доблестным
Фруте.

1585 Сказала королевна: «Возлюбленная мать,
Прошу вас Хильдебургу радушно обласкать.
Что может быть достойней, чем преданная
дружба?
Пусть золото и жемчуг дадут Хильдебурге
за службу».

1586 И Хильда отвечала: «Мне ведомо уже,
Как верно Хильдебурга служила госпоже,
До той поры венца я с отрадой не надену,
Пока не заплачу ей за все справедливую цену».

1587 Она поцеловала подругу прежних лет,
Потом сказала Фруте: «Позора в этом нет,
Что я пошла навстречу тебе и всей дружине.
С прибытием, герои! Вас ждут в нашей древней
твердыне».

1588 Все Хильде поклонились учтиво. В этот миг
Правитель мавританский их гавани достиг,
Его бойцы на берег сошли толпою тесной,
И воздух огласился приятной арабскою песней.

1589 Владетельного гостя хозяйка дождалась,
С большою честью принят был мавританский
князь.
«Привет вам, сударь Зигффрид, я век у вас в долгу
За то, что помогли вы отмстить мое горе врагу.»

1590 «Сударыня, охотно за вас я постою,
Когда ж вернусь обратно я в вотчину свою,
(Чтоб с Хервигом расчесться уехал я оттуда),
То с доблестным Зеландцем вовеки сражаться
не буду.»

1591 Герои разгрузили немедля корабли,
Богатую добычу на берег отнесли
.
. за Хервигом все поспешили.

1592 Хозяйка поскала с гостями в чистый дол,
Для каждого у замка стоял шатер и стол,

Листвой зеленой были украшены сиденья,
А слуги так служили, что просто одно загляденье.

1593 Выплачивала Хильда долги за бедняка,
И дивно не скудела дающая рука.
У ней казны с лихвою для добрых дел хватило,
Хоть всех людей задаром кормила она и поила.

1594 Пять суток отдыхали усталые бойцы,
Ни в чем нужды и горя не знали храбрецы,
И только рыцарь Хартмут сидел в оковах сирю.
Пришли к хозяйке девы просить для воителя мира.

1595 Явилась к ней Кудруна с Ортруною вдвоем.
«Никто за зло не должен платить другому злом —
То правило благое, вы, матушка, почитите
И с вашей добротой норманнского князя простите.»

1596 «Дитя, — сказала Хильда, — об этом не проси ты,
Из-за него мой Хетель и рыцари убиты,
Пускай теперь в темнице искупит преступленье». —
Все знатные девицы упали тогда на колени.

1597 Тут молвила Ортруна: «Даруйте жизнь герою,
Он честно вам послужит, ручаюсь головою.
Молю, над братом сжальтесь, не будет вам урону,
А будет только к чести вернуть ему власть и
корону».

1598 А все другие девы заплакали навзрыд,
Что он закован в цепи, в узилище сидит,
Король норманнов Хартмут, и песни его спеты.
Тяжелые оковы на всех его близких надеты.

- 1559 Сказала королева: «Обрадную сестру.
Пусть пленники свободно приходят ко двору,
С них цепи снять, но прежде пускай дадут
присягу,
Без нашего согласия отсюда не сделать ни шагу».
- 1600 С высокородных пленных оковы сняли прочь,
Их выкупать велела прекрасной Хильды дочь,
Надеть пышней наряды и в горницы позвать их,
Таким бойцам пристало ходить в подобающих
платьях.
- 1601 Когда явился Хартмут меж рыцарей других,
Он был намного краше героев остальных,
Терзаемый заботой, хотя и был раскован,
Казалось, был он кистью на белой стене
нарисован.
- 1602 Он вызвал состраданье у женщин, оттого
Все дамы благосклонно смотрели на него,
Их ненависть и злоба сочувствием сменялись,
Забыли, как жестоко два стана недавно
сражались!
- 1603 А Хервиг благородный надумал той порой
Из края хегелингов отправиться домой,
Коней седлать велел он и выюки приторочить.
Узнала это Хильда, отъезд попросила отсрочить.
- 1604 «Прошу Вас, сударь Хервиг, подольше погостить,
Услуг бесценных ваших мне век не позабыть.
Прошу повремените,— она рекла герою,—
Покамест торжества я для верных друзей не
устрою.»

- 1611 На пире нужен стольник. Кто им обязан стать?
За Ирольтом хозяйка изволила послать,
Дворецким же назначен был Вате, старый воин.
Отправились за Фруте, был чести и он удостоен.
- 1612 Хотела королева, чтоб чашником он стал.
«Сударыня, охотно,— ей Фруте отвечал,—
Но мне по чину землю должны вы предоставить,
Вручив двенадцать стягов, чтоб Данней начал
я править.»
- 1613 Хозяйка рассмеялась: «Нельзя того никак,
Ведь датским королевством владеет твой свояк,
Отважный рыцарь Хорант, его как чашник ныне
Ты дружески заменишь, коль скоро он сам
в Нормандине».
- 1614 Обязанности слугам строжайше разъяснили,
Узорный шелк и бархат,— их много лет хранили,—
Раздать велела Хильда гостям своим желанным,
И слуги разносили их званым на пир
и незваным.
- 1615 Давали без изъятья всем, кто бы ни просил,
И праздничные платья здесь каждый получил.
Не знаю, как хозяйка столь щедро всех дарила,
Здесь ровно тридцать тысяч одних только
пленников было.
- 1616 Всех так одеть богато ну кто бы это мог,
Хотя бы весь арабский служил ему восток?
Нет, не нашли бы лучших одежд и левантинцы
Чем те, что дочка Хильды гостям припасла
на гостинцы.

1617 Красавица сидела среди своих гостей.

И Ортвина велела позвать скорее к ней.

Благой совет герою хотелось дать Кудруне,

Чтоб брат ее женился на пленнице знатной

Ортруне.

1618 В покои королевы отправился герой

И ласково был принят красавицей сестрой.

Кудруна встала с кресел, пошла к нему навстречу

И, отведя в сторонку, с такой обратилась речью:

1619 «Любимый брат, послушай мой искренний совет,

Коль счастьем наслаждаться ты хочешь много лет,

Так нет вернее средства, чем я тебе открою,

Ты браком сочетайся с норманнского князя

сестрою».

1620 «Добро ли мне жениться на пленнице моей?

Я Хартмута не числю среди своих друзей,

Мы Людвига убили. Боюсь, что дева тоже

Не раз об этом вспомнит, вздыхая на свадебном

ложе.»

1621 «Брат, благосклонность дэвы ты должен

заслужить.

• И, взяв Ортруну в жены, счастливо будешь жить.

Прошу тебя об этом, желаячи добра,

Прислушайся к советам», — ему отвечала сестра.

1622 Сказал отважный рыцарь: «Достойна ли она,

Чтоб ей покорны были вассалы и страна?

Коль это так, жениться на деве я согласен».

Кудруна отвечала: «И будет удел ваш прекрасен».

- 1629 Князь Хартмут благодарность мне выразит в ответ,
Так пусть он мне послужит, я дам ему совет,
Не прочь ли он жениться, спрошу я, на особе,
Чтоб с нами подружиться, конец положить всякой
зlobe.»
- 1630 И Хартмута позвали. С ним вместе Фруте шел,
В покои королевны он пленника привел.
Две знатные подруги с Кудруной пребывали,
Ее советы вскоре избавили их от печали.
- 1631 Сын Людвига достойно прошел сквозь весь покой,
Ему навстречу встали все девы до одной
С узорчатых сидений. Порыв их был понятен,—
Князь Хартмут был отважен и был благороден
и знатен.
- 1632 Вошедшему норманну внимание и честь
Кудруна оказала и пригласила сесть.
«Сядь возле Хильдебурги,— дочь Хетеля сказала,—
Она со мной одежду тебе и всей свите стирала.»
- 1633 «Мне ваш укор понятен,— ответил ей король,—
Но знайте, ваши муки мне причиняли боль.
Мать все от нас скрывала. О том, как вы страдали,
Ни я, ни мой родитель, ни наши герои не знали.»
- 1634 Кудруна отвечала: «Нет, это не в укор,
Есть у меня к вам тайный, особый разговор».
«Правдивы ль эти речи?— подумал рыцарь
смелый,—
Для моего спасенья такими их, господи, сделай.»
- 1635 Одни лишь верный Фруте допущен третьим был,
Когда с прекрасной девой воитель говорил.

Она сказала: «Хартмут, вы мой совет примите,
И много тяжких бедствий уже навсегда избежите».

1636 «Я знаю вашу душу,— промолвил князь в ответ,—
Благим и справедливым он будет, ваш совет.
И я ему доверюсь открыто и душевно,
И выполню охотно, что мне повелит королева.»

1637 «Чтоб жизнь тебе оставить, простить твою вину,
Я и мои родные дадим тебе жену.
Спасешь ты честь и землю. На этом будем квиты,
И будут наши распри тогда навсегда позабыты.»

1638 Он молвил: «Но кого же вы прочите мне в жены?
Одно я вам отвечу, и это непреклонно,
Что я скорей погибну, чем слово дам жениться
На той, которой дома мне после пришлось бы
стыдиться.»

1639 Кудруна отвечала: «Суди об этом сам.
Твою сестру я замуж за Ортвина отдам,
А деву Хильдебургу ты должен взять в супруги.
Поверь, что ты не сыщешь милей и достойней
подруги.»

1640 «Ну если в самом деле все обернется так,
И с Ортвином Ортруна в законный вступит брак,
Я деву Хильдебургу в супруги взять согласен,
Мы распри позабудем и будет союз наш
прекрасен.»

1641 Она сказала: «Клятву жениться дал мой брат.
И ты получишь земли наследные назад,
Вернешь свое богатство и замки в Нормандии.
Так пусть и Хильдебурга там властвовать будет
отныне.»

¹⁶⁴² «Я это обещаю и руку в том даю.

Пусть Ортвин сдержит клятву, я — выполню свою.
Чтить будут Хильдебургу, ее приказам внемля.
Дарить мы станем вместе и в леп отдавать
наши земли.»

¹⁶⁴³ И молвила Кудруна, когда он дал обет:

«Я мир хочу упрочить на много, много лет.
За мавра выдам замуж я Хервига сестрицу,
И дружба между нами тогда навсегда воцарится».

¹⁶⁴⁴ Прочней и лучше мира еще не видел свет,
Чем дева утвердила. Ей Фруте дал совет
Двух рыцарей отважных позвать в ее палаты,
Властительного мавра и Ортвина, милого брата.

¹⁶⁴⁵ По зову девы оба явились ко двору
В таких нарядных платьях, что слов не подберу.
Потом гонцов за Вате, за Ирольтом послали.
Друзья, уединившись, совет с королевной держали.

¹⁶⁴⁶ И молвил старый Вате: «Но как мириться нам,
Пока Ортруна с братом не бросятся к ногам
Так много претерпевшей хозяйки Мателаны?
Простит их королева, так с нами поладят
норманны».

¹⁶⁴⁷ Тут молвила Кудруна: «Хочу вам рассказать я,
К ним Хильда не враждебна. Взгляните хоть на
платья,
Что дочь Герлинды носит,— их мать моя
дала нам.
Я все берусь устроить, чтоб мы помирились
с Норманном».

- 1648 И встала тесным кругом толпа друзей, подруг.
Ортруне с Хильдебургой идти велели в круг.
Князь Хартмут, юный Ортвин красавиц в жены
взяли.
Им Хильда пожелала не знать ни вражды, ни
печали.
- 1649 К себе отважный Ортвин любимую привлек
И ей надел на палец червонный перстенок,
И дева позабыла былую боль и муку,
Когда украсил перстень ее белоснежную руку.
- 1650 И Хартмут Хильдебургу в объятья заключил.
Он перстень обручальный от девы получил,
И ей надел на палец свое кольцо. Поверьте,
Что с девой беспорочной он был неразлучен до
смерти.
- 1651 Сказала дочка Хильды: «Любимый Хервиг мой,
Возможно ль за твоею отправиться сестрой,
Чтоб здесь у хегелингов устроить ей смотрины
И дать ее в супруги потом королю Карадины?»
- 1652 Ответил деве Хервиг: «Отправившись за ней,
Вернутся ваши сваты через двенадцать дней,
Но трудно им придется. Прекрасная девица
Без наших провожатых покинуть страну
не решится».
- 1653 «Так вы бойцов пошлите за девушкой, прошу я,
И тем себе же радость доставите большую.
Им Хильда приготовит еду, питье и платье,
А вас за вашу службу смогу похвалить и
обнять я.»

- 1654 «Но где ей взять наряды?— князь Хервиг
вопросил,—
Когда владыка мавров наш край опустошил.
Сгорело все...» Тут Зигфрид заверил их душевно,
Что и в одной рубашке возьмет за себя
королевну.
- 1655 И Хервиг за сестрою сто воинов послал.
Скорее возвращаться он людям наказал,
Отправил с ними Фруте и доблестного Вате.
Хоть им и трудно было, но долг они помнили
свято.
- 1656 Посланцы днем и ночью спешили как могли,
Зеландии достигли, красавицу нашли,
С трудом внушили Вате, чтоб он не начал боя.
И мирно королевну и дев ее взяли с собою.
- 1657 От замка и до моря их Вате провожал.
У берега он вскоре галеры увидал,
В одну из них и девы, и все герои сели.
До замка королевы проплыли они две недели.
- 1658 А в замке Мателана вся рыцарская знать
Решала, как почетней красавицу встречать.
Вот подняли знамена, поехали навстречу,
А после обратились к невесте с приветственной
речью.
- 1659 Ну мог ли быть где-либо радушнее прием?
Встречали гостью Хильда с Кудруною вдвоем
И много знатных женщин. И тоже не без свиты
Была сестра Зеландца, хоть замки их были
разбиты.

¹⁶⁶⁰ С ней ехали три сотни вассалов и друзей.

Когда же смелый Хервиг стал приближаться

к ней,

То рыцарской потехой почтил сестру брат милый.

Доспехи зазвенели, клинки ударили в них

с силой.

¹⁶⁵¹ Когда четыре князя к их гостье подскакали,

Герои-хегелинги негромко спорить стали,

Кто из красавиц краше, и порешили скоро,

Что все собой пленяют. На этом их кончились

споры.

¹⁶⁶² Тут госпожа Кудруна, а после дамы все

Расцеловались с гостьей, дивясь ее красе.

Ввели в шатер шелковый невдалеке от моря.

Как дева удивилась, услышав, что ждет ее

вскоре!

¹⁶⁶³ К ней Зигфрида позвали и стали вопрошать:

«Согласны ли в супруги вы князя мавров взять?»

Служить вам будут девять земель, ему покорных.»

А князь стоял со свитой из доблестных рыцарей

черных.

¹⁶⁶⁴ Отец его был черен, а мать была светла,

По-христиански белым и сына родила.

Блестели его кудри, как пряжа золотая.

Была бы неразумной невеста, его отвергая.

¹⁶⁶⁵ Но медлила с ответом красавица, стыдясь,

Почтен ее обетом был мавританский князь,

И молвил славный рыцарь: «Она мила мне тоже,
Я ей служить отважусь и в ратных трудах,
и на ложе».

¹⁶⁶⁶ И тут они в любви друг другу поклялись.
Все пары брачной ночи насилу дождались;
Блаженством сокровенным печали их кончались.
Четыре королевны коронами вскоре венчались.

XXXI авентюра
Как в стране у Хильды
четыре короля
праздновали коронацию

¹⁶⁶⁷ В тот день короновались с почетом короли,
В сан рыцарский пять сотен героев возвели.
Шел праздник небывалый у замка на просторе.
То было в Мателане, у берега синего моря.

¹⁶⁶⁸ Дала одежду Хильда гостям и всей родне.
Ах, как хорош был Вате на скачущем коне!
Как бились Ирольт, Фруте, отважные герои,
Как, копыя наклоняя, в куски их ломали все трое!

¹⁶⁶⁹ Не веял ветер в поле, но пыль застлала свет,
Как будто мглой ночью. А смелым дела нет,
Что платья дам прекрасных от пыли станут
черны,
Они без передышки на бугурте бились упорно.

- 1670 Мужи не захотели здесь женщины оставлять.
Всех четырех избранниц и королеву мать
К окошкам усадили дивиться на сраженье.
Сто девушек прекрасных составили их
окруженье.
- 1671 Певцы и скоморохи — бродячий пестрый люд —
Гостям свое искусство показывали тут.
А на другое утро в собор пошли всем миром,
Обедню отстояли и вновь развлекались
турниром.
- 1672 Веселый шум и песни от полноты сердец
Немолчно наполняли чертог и весь дворец.
Все это продолжалось три долгих дня подряд,
А слуги хлопотали и ждали богатых наград.
- 1673 Певцы и все, кто были в их странствующем
братстве,
Мечтали о внезапно полученном богатстве.
Один воитель знатный услышал их желанье
И милостью своею поддерживал их упованья.
- 1674 То был король зеландский. Он щедрою рукой
Им жаловал подарки с готовностью такой,
Что все благодарили его с восторгом истым.
Певцов и скоморохов осыпал он золотом чистым.
- 1675 Его родня и слуги от щедрости своей
Певцам дарили платья, оседланных коней.
Когда же юный Ортвин увидел их даанья,
Он с доблестным зеландцем немедля вступил
в состязанье.

- 1676 Богатые одежды стал Ортвин раздавать.
Носил ли кто дорожке, не смею утверждать.
Король с его дружиной, верна дела благие,
Свои наряды сняли, остались почти что
нагие.
- 1677 А сколько пышных платьев — их всех
не сосчитать —
Певцам и скоморохам изволил Зигфрид дать,
Коней арабских резвых им мавры тоже дали,
Те, кто их получили, о лучших дарах не мечтали.
- 1678 Все стали богачами в ту пору — стар и млад.
Почтить гостей дарами был Хартмут тоже рад,
Как будто его замки враги не разорили,
И все его подарки здесь самыми лучшими
были.
- 1679 Хоть пленниками звались он и его друзья,
Но щедрыми остались, как истые князья,
Все, что они имели, норманны не хранили,
А людям отдавали, когда их об этом просили.
- 1680 Кудруна Хильдебургу, подругу юных дней,
Всегда дарила лаской и милостью своей,
И Хартмуту старалась оказывать услуги,
Чтоб был он благосклонней к ее неразлучной
подруге.
- 1681 Норманну от Кудруны подарки приносили,
Чтоб люди, это зная, с почтеньем говорили:
«Кого хозяйка наша так жалует богато,
Тот сам, кому захочет, подарит одежду и злато».

¹⁶⁸² Герои марки Штурмен на празднество пришли,
Одеты как вельможи иль даже короли,
И те, кто насладиться их щедростью желали,
Не долго подношений от доблестных рыцарей
ждали.

¹⁶⁸³ Богаче той одежды, что Вате подарил,
Доселе ни единый властитель не носил,
Сияющая сетка одежду покрывала,
Каменьем драгоценным и золотом чистым
сверкала,

¹⁶⁸⁴ Затем, что в каждой петле держался самоцвет,
Их чуждое название само бросало свет
На то, что в Абалии гранили те каменья.
Подаркам щедрым Вате все отдали дань
восхищенья.

¹⁶⁸⁵ Ведь все, кто их увидел, должны были признаться,
Что знатым государям за Вате не угнаться,
Что их дары померкли перед его дарами,
А те, кто получил их, считались потом богачами.

¹⁶⁸⁶ Большую щедрость Ирольт выказывать умел,
Он нажитых сокровищ несколько не жалел.
Следил как стольник Фруте за всем порядком
зорко,
А верность его Хильде и щедрость вошли
в поговорку.

¹⁶⁸⁷ Пришла пора прощаться, окончился их пир.
Был с Хартмутом подписан теперь почетный мир

По манию Кудруны. И Хартмут с храбрецами
Потом домой вернулись, счастливей, чем чаяли
самп.

¹⁶⁸⁸ На расстанях Кудруна и Хильда, ее мать,
Отправились из замка любезно провожать
В дорогу Хильдебургу и Хартмута со свитой.
Тут с ними распрощался их пленник и гость
пменитый.

¹⁶⁸⁹ Властительная Хильда назначила охрану
На суше и на море сопутствовать Норманну,
И десять сотен пленных прислали Ортвин с зятем
К услугам новобрачных, чтоб войско в Нормандию
взять им.

¹⁶⁹⁰ И вот уже все дамы, целуясь, обнялись.
Из глаз красавиц слезы недаром полились:
Вновь свидеться отныне им судьбы не сулили.
Герои Ортвин, Хервиг чету на корабль проводили.

¹⁶⁹¹ К норманнским землям Ирольт их провожатым
был,
Король просил, чтоб Ирольт сам Хоранту открыл,
Как мирно хегелинги с норманнами простились.
(А скоро все датчане в отчизну свою
возвратились.)

¹⁶⁹² Не знаю, сколько плыли и поздно или рано
Норманнские герои достигли Кассианы.
И тут воспряли духом бойцы на корабле:
Их бог вернул из плена и вывел к родимой земле.

¹⁶⁹³ Когда могучий Хорант ту новость услышал,
«Нам правильнее будет,— он Ирольту сказал,—
Из вотчины норманнской на родину убраться.
Хватило бы терпенья мне этого часа дожждаться».

¹⁶⁹⁴ Лишь Хартмут прибыл, стали датчане уезжать,
А как он дальше правил, не знаю, что сказать.
Домой отважный Хорант так сильно торопился,
Что в малый срок с друзьями в отчизну свою
воротился.

¹⁶⁹⁵ На этом их покинем. Останется сказать,
Что в жизни не случилось героям завершать
Большой придворный праздник пышной и веселее.
Там гордо красовались еще храбрецы Карадеи.

XXXII авентюра

Как все остальные отправились домой

¹⁶⁹⁶ Но дальше жить у Хильды герои не могли,
И Хервига сестрицу, ликуя, повезли
К супругу в Альцабею. Друзья им вслед глядели.
В дорогу отправляясь, все гордые мавры запели.

¹⁶⁹⁷ С зеландцами любезно простилась госпожа.
Хоть те богаты были, у Хервига служа,
Но Хильда без подарков их в путь не отпустила,
И можно счесть за диво, как щедро гостей
наградила.

- 1698 Кудруна ей сказала: «Приободришь душой,
Оставь скорбеть о мертвых. Я и хозяин мой
Служить тебе готовы, чтоб ты забыла горе.
Как добр и кроток Хервиг, ты сможешь увериться
вскоре».
- 1699 Сказала королева: «Возлюбленная дочь,
Коль ты в моей печали желаешь мне помочь,
Пускай твои посланцы, врачую сердца рану,
Три раза ежегодно приходят ко мне в Мателану».
- 1700 Кудруна изъявила согласие, и вот,
Мешая смех и слезы, все вышли из ворот.
Она и ее девы вздыхали неустанно,
Оглядываясь часто на стены родной Мателаны.
- 1701 Но беды их кончались чредой счастливых дней.
Уж подали всем дамам оседланных коней,
Чья сбруя верховая вся в золоте сверкала,
И с близкими прощанье затягивать Хильда
не стала.
- 1702 Подругам, не носившим повязки головной,
Взгрустнулось, что Ортруна, став Ортвина женой,
В Нортландию со свитой к супругу уезжала,
Кудруна же невестке лишь полного счастья
желала.
- 1703 А юная Ортруна, не сдерживая слез,
Сказала ей: «Кудруна, воздай тебе Христос
За то, что возвратила ты Хартмуту владенья.
От многих дум печальных ты мне принесла
облегченье».

¹⁷⁰⁴ И мать Кудруны Хильду она благодарила
За счастье, что корону она теперь носила,
Что будет госпожою с державным мужем вместе,
И Хильда отвечала, что счастья желает невесте.

¹⁷⁰⁵ Герои Ортвин, Хервиг — молодые короли —
Блюсти свой сан высокий обет произнесли,
Быть верными друг другу, вступаться брат
за брата,
А если враг нагрянет, вдвоем победить супостата.

На этом кончается Кудруна.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Р. В. Френкель

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА «КУДРУНА»,
ЕЕ ИСТОКИ И МЕСТО
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ НЕМЕЦКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

1. Проблема датирования «Кудруны»

Созданная в XIII в., поэма «Кудруна» («Гудруна») занимает место в одном ряду с «Песней о Нибелунгах»¹ — прославленным эпосом немецкого Средневековья. Вильгельм Гримм писал в «Германских героических сказаниях»: «От „Nibelungov“ — я непосредственно перехожу к поэме о Гудруне, потому что она так близка к ним по внутреннему достоинству и только с ними может быть сравнена»². Этот выдающийся ученый, знаток и собиратель фольклора прочел в Берлинском университете специальный курс о «Кудруне» (1843) и в нем, сопоставив «Песнь о Нибелунгах» с «Илиадой», отвел «Кудруне» место немецкой «Одиссеи»³. Эта мысль стала расхожей в немецкой критике.

¹ См.: Песнь о Нибелунгах/ Изд. подгот. Адмони В. Г., Жирмунский В. М., Корнеев Ю. Б., Сигал Н. А. Л.: Наука, 1972. Об этом памятнике см.: Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах/Пер. Бертельса Д. Е.; Под ред. Жирмунского В. М., Сигал Н. А.; Вступ. ст. и примеч. Жирмунского В. М. М.: Изд-во иностр. лит., 1960.

² Grimm W. Die deutsche Heldensage. В., 1829, S. 270.

³ Grimm W. Seitung zur Vorlesung über Gudrun.— In: Kleinere Einzschriften von Wilhelm Grimm, Gütersloh, 1887, S. 57.

Сравнение двух немецких поэм с гомеровским эпосом справедливо в том смысле, что в «Кудруне» картины быта знатного общества представлены полнее, чем в «Песне о Нибелунгах», развязка благополучна, а, главное, «Кудруне» так же, как «Одиссее», свойствен дух приключений: ветер странствий надувает паруса, корабли бороздят море, на фоне которого происходят почти все события поэмы.

Гете был прав, сказав, что в самой фабуле «Кудруны» есть что-то от моря и морских островов ("Es was Meer und Inselhaftes").

Ученые установили, что в основе этого эпоса лежат предания, старые, как седые валуны. Поэма складывалась и перестраивалась постепенно, пока какой-то один поэт не охватил всего целого единой мыслью и не придал ему окончательной формы. Сказать, когда это произошло, можно лишь приблизительно. Первый ориентир дает нам точная рифма в поэме. В древнем германском стихе организующим элементом была аллитерация — повторы согласных звуков. В IX — X вв. германская героическая поэзия осваивает новый рифмованный стих. Однако для рифмы считалось достаточным, если в конце двух парных строк совпадал один согласный звук (консонанс) или же один ударный гласный звук (ассонанс). Точная рифма хотя и встречалась, но только случайно. Под влиянием провансальских и французских образцов точная рифма утвердилась в поэзии на средневерхненемецком языке лишь в конце XII в. «Песнь о Нибелунгах» (ок. 1200 г.) уже знает строгую рифму. Неточная рифма в этом эпосе остается лишь как

архаический пережиток для очень небольшого числа слов⁴.

То же самое встречаем мы и в «Кудруне». Эту нижнюю границу, свидетельствующую о том, что «Кудруна» оформилась как конкретный литературный памятник не ранее этого времени, уточняют на основании упомянутого в поэме имени *Виголоис* (так зовут одного из второстепенных персонажей поэмы). Его имя — переделанное на немецкий лад французское имя *Вигалуа*. Последнее стало известно в Германии между 1204—1209 гг., когда немецкий поэт Вирит фон Графенберг сочинил обширный стихотворный роман «Вигалоис, или Рыцарь с колесом» в подражание неизвестному французскому образцу. Графенберг был современником знаменитых немецких поэтов — Гартмана фон Ауэ и Вольфрама фон Эшенбах. Вольфрам у Графенберга, по-видимому, заимствовал имя *Вигалоис*: оно встречается в романе Вольфрама «Парцифаль», законченном в 1210 г. Скорее всего отсюда его перенял поэт «Кудруны» (как *Виголоис*), поскольку в эпосе мы находим еще некоторые редкие названия, упоминающиеся в «Парцифале». Видимо, на этом основании В. М. Жирмунский отнес время создания «Кудруны» к первому десятилетию XIII в.⁵

Современные немецкие филологи чаще всего относят «Кудруну» к 1230—1240 гг.⁶ Они ищут в тексте

⁴ Сб этом см.: Жирмунский В. Теория стиха. Л.: Сов. писатель, 1975, с. 387—394.

⁵ См.: Жирмунский В. М. Немецкий героический эпос. — В кн.: История западноевропейской литературы: Раннее Средневековье и Возрождение. М.: Учпедгиз, 1947, с. 117.

⁶ См.: Lexikon deutschsprachiger Schriftsteller von Anfang bis zum Gegenwart. Leipzig, 1967, Bd. 1, S. 478.

поэмы косвенные указания на время ее завершения и усматривают ряд параллелей к историческим фактам и обстоятельствам. Вот некоторые из их наблюдений, систематизированных К. Дрёге⁷.

В поэме изображены владения короля Хетеля, чья власть простирается на Штормарн и Дитмаршен, Гольштинию и Северную Фрисландию. Покорилась ему и Нифландия, т. е. земля ливов. Это — точное подобие Дании в годы правления Вальдемара II (1200—1241). Наряду с датчанами деятельное участие в походе Хетеля принимают фризцы. Между тем и в реальных Крестовых походах в Прибалтику 1217 и 1227 гг. фризцы действовали наиболее активно. Указанные обстоятельства могут также пояснить, почему сюжет, связанный с датским и фрисландским Севером, привлек внимание поэта: события XIII в. придавали ему повизну.

В строфах 295—296 выведен правитель, который дает куницам и другим лицам, путешествующим по его стране, охранные грамоты и конвой. За покровительство он получает дары. Это было привилегией немецких князей, которую они приобрели в 1235 г. В этом же году был заключен Майнцский земский мир, что могло предопределить интерес поэта «Кудруны» к изображению губельных последствий различных усобиц и поворот фабулы к мирному их разрешению. Пятая же строфа, содержащая сентенцию автора о неизбежной смерти, которой не минуют сильные мира сего, могла быть навеяна событиями 1230—1231 гг., когда один за другим скончались Лео-

⁷ См.: *Droege K. Zur Geschichte der «Kudrun».*—*Zeitschrift für deutsches Altertum.* Bd. 54 (1913), S. 121 ff.

польд Австрийский, Людвиг Баварский, Оттокар I — король Богемии.

Ученые сходятся на том, что «Кудруна» является более поздним памятником, чем «Песнь о Нибелунгах». Соглашаясь с этим в принципе, К. Штакман, выпустивший одно из последних научных изданий «Кудруны», скептически относится к косвенным доводам и считает, что в вопросах датирования поэмы исследователи зашли в тупик⁸.

Хотя в литературных памятниках XIII в. нет никакого упоминания о дошедшей до нас поэме, что могло бы служить прямым доказательством того факта, что «Кудруна» к этому сроку уже была завершена, нам кажется правомерной точка зрения Б. И. Пуришева, относящего время создания поэмы в окончательном ее виде к первой трети XIII в.⁹

II. Историческая действительность

Это было время, когда в Германии утвердился феодализм со всей своей сложной системой социальной иерархии, время господства Штауфенов (Гогенштауфенов) — династии германских императоров (1138—1254). Германская империя достигла при них небывалого внешнеполитического могущества, но в отличие от Франции и Англии, где начинали складываться централизованные монархии, в Германии усиливалась политическая и экономическая раздробленность.

⁸ См.: *Stackmann K.* Einleitung.— In: *Kudrun/Hrsg. von Bartsch K.* Leipzig, 1865; 5. Aufl. überarb. und neu eingel. von *Stackmann K.* Wiesbaden, 1965, S. X.

⁹ См. *Пуришев Б. И.* Народный героический эпос.— В кн.: *История немецкой литературы: В 5-ти т. М.: Изд-во АН СССР, 1962, т. 1, с. 112.*

Германские императоры стремились господствовать в Европе, они вели войны в Италии, шли Крестовыми походами на Ближний Восток и в славянские земли. К прежним владениям, составлявшим собственно немецкое королевство, присоединилось много новых земель, захваченных немцами, в том числе графство Австрия, земли лужицких сербов между Одером и Эльбой (Лабой), славянские земли к югу от Дуная. Немецкими вассалами стали Чешское королевство и государство Ободритов, Средняя и Северная Италия, Бургундия. С конца XII в. к владениям Германской империи прибавилось Сицилийское королевство.

А между тем в самой Германии росла мощь крупных феодалов, имперских князей. Уже Фридрих I Барбаросса (годы правления — 1152—1190), этот могучий император, ведя войны в Италии и на Ближнем Востоке, вынужден был просить помощи у князей, что ослабляло его власть в стране. Его внук, Фридрих II, носивший корону обеих Сицилий еще до того, как стал императором, продолжал политику деда и хотел подчинить себе всю Италию. Ради этого он отдал Германию в руки князей, которым даровал новые привилегии, сделавшие имперских властителей политически почти независимыми государями на их землях.

В Саксонии, Тюрингии, Франконии и в других территориальных княжествах Германии строились новые замки-крепости, а старые перестраивались, укреплялись башнями, бастионами. Их владельцы могли выдержать осаду неприятеля, укрывшись со своим войском за крепостными стенами метровой ширины. Дорога к замкам, нарочито узкая — можно было проехать только одному всаднику, преграждалась рядами

копий; вход во внешние, единственные ворота¹⁰ вел к подъемному мосту через ров, а потом лишь во внутренние ворота, представлявшие собой целую башню. Замок графа или князя, правителя края, состоял из ряда строений, в центре был pallas — дворец, а в нем рыцарский зал для торжеств. Отдельно размещались свита, дворцовые слуги. Каждый замок имел часовню, или молельню. У иных правителей имелись конюшни и баня. Если место позволяло, то был разбит сад. В подвалах под стенами помещалась сокровищница, были темницы для пленных, прорывались подземные ходы. Все это описывается в «Кудруне» (26, 51, 138, 168, 381, 441, 1145, 1303 и др.)¹¹.

К этому времени завершается процесс превращения крестьян из крепостных в свободных арендаторов (так называемых майеров), широко применявших труд батраков. Если же крестьянин не мог арендовать землю и не шел в батраки, он обычно уходил в город. Города же к XIII столетию окрепли настолько, что играли уже заметную роль в экономике и общественной жизни. Развилось ремесло. Одни города вели оживленную торговлю с Италией, другие с Францией, третьи отправляли свои корабли во Фландрию, Брабант и восточные славянские земли. Города росли, выступая за пределы своих крепостных стен, когда-то опоясывавших их, а теперь ставших тесными, украшались новыми ратушами, со-

¹⁰ В «Кудруне» встречается и большее число ворот, например в норманском замке Хартмута их четверо.

¹¹ Здесь и далее, когда речь идет о «Кудруне», в скобках указаны номера строф.

борами, возносящимися над узкими улицами с островерхими домами. Могучий и тяжеловесный романский стиль потеснила готика, более гибкая и изящная. Целый мир человеческих чувств и характеров отразился в ранней готической скульптуре, составляющей часть убранства этих богатых храмов.

Города уже начинали отстаивать свою независимость, но император запретил им заключать союзы против князей, тогда как его западный сосед, французский король, смиряя непокорных феодалов, искал опоры у горожан.

Опорой германских императоров было рыцарство. При Штауфенах оно пережило свою самую блестящую пору. С упадком императорской власти сословие рыцарей утратило свой политический престиж и экономическое могущество. Зловещим симптомом этого процесса, начавшегося в XIII в., были шайки рыцарей-разбойников, грабящих на больших дорогах клириков и купцов и учиняющих зверскую расправу над крестьянами, как это описано в «Крестьянине Гельмбрехте»¹². Разумеется, и в военных походах Штауфенов немецкое рыцарство пролило немало вражеской крови.

Однако именно в это время, как и в других странах Запада, развивается новая, более тонкая культура, связанная с феодальными замками. В этом процессе большое значение имели заморская торговля, развитие внешних связей, влияние первых университетов, а также Крестовые походы. Дело в том,

¹² См.: Вернер Садовник. Крестьянин Гельмбрехт/Изд. подгот. Френкель Р. В. М.: Наука, 1971.

что в Италии и на мусульманском и византийском Востоке рыцарство не только познакомилось с сокровищами Леванта, богатством северных Ломбардских городов, утонченностью иноземных обычаев, но и нашло там высокую образованность. Под влиянием этого у рыцарей появилось желание изменить свой привычный, примитивный уклад жизни, а это привело к невиданной ранее роскоши, к устраиванию торжественных празднеств и церемоний. В то же время рыцарство стало претендовать на особую миссию, которой будто бы оно облечено.

Во Франции и под ее влиянием в других западных странах возник особый рыцарский кодекс, по которому истинный рыцарь должен не только быть отважным, уметь искусно владеть оружием, но также быть достаточно образованным, щедрым, великодушным, защищать слабых и сирых, находить удовольствие в музыке и поэзии. Для него превыше всего — понятия чести и верности. Он должен быть верен своей религии, своему сюзерену, избранной даме, которой обязан служить как своей госпоже и питать к ней «высокую любовь». Все это соединялось в понятии «куртуазность»: на провансальском наречии — *cortezia*, по-французски — *courtoisie*, по-немецки — *hovesheit*, что можно дословно перевести как «придворное вежество», но при этом следует учесть, что «вежество» означало не только соблюдение обычаев и приличий высшего общества, но еще и постоянное совершенствование своей личности. С этим связано и соблюдение во всем должной меры (*mâze*). Последнее понималось как воспитанность и сдержанность. От рыцаря требовалось обуздание своих страстей, подчинение слепых порывов дисциплине долга.

Куртуазный кодекс выражал феодальную идеологию. Он нашел воплощение в куртуазной поэзии — прежде всего в творчестве миннезингеров, как назывались немецкие поэты-рыцари, букв. «певцы любви» (от средневерхненемецкого *minne* — «любовь» и *singaere* — «певец»). В лирике миннезингеров доминировала любовная тематика, но она была не единственной. Радость жизни, прелесть природы нашли отражение в их поэзии, политические события также получили у них отклик (например, в творчестве великого лирического поэта Средневековья Вальтера фон дер Фогельвейде, ок. 1170—1230 гг.)

Стихотворный роман был второй обширной областью так называемой рыцарской, или куртуазной, поэзии, которая, по емкому определению В. Г. Адмони, «знаменовала первый широкий прорыв в чисто религиозной культуре католического Средневековья, означала предвестье Возрождения»¹³.

III. Мир рыцарского романа и повести

Создателем первого куртуазного романа в Германии был Генрих фон Фельдеке (род. между 1140—1150 гг., умер. ок. 1210 г.). Он был также талантливым миннезингером, но всеобщее признание заслужил как автор «Энеиды» (закончена в 1189 г.). Это было вольное переложение анонимного «Романа об Энее», созданного на языке Северной Франции на сюжет знаменитой поэмы Вергилия. События, описанные в римской эпосе, немецкий поэт переносит в обста-

¹³ Адмони В. Г. «Песнь Нибелунгах», ее истоки и ее художественная структура, — В кн.: Песнь о Нибелунгах. М.: Наука, 1972, с. 305.

новку средневековой Германии. Главный предмет его повествования — любовь и подвиг, и тут благодарным материалом для него послужила любовь Энея и Дидоны.

Своей «Энеидой» Фельдеке означил новый этап в развитии немецкой поэзии. Он ввел в обыкновение короткий четырехударный стих, рифмующийся попарно, не разделенный на строфы, точную рифму, правильное чередование ударных и неударных гласных. И это стало образцом для всех создателей рыцарского эпоса.

Мы назовем только трех самых великих немецких поэтов конца XII — начала XIII вв., в творчестве которых куртуазный роман и повесть достигли своей вершины. Это — Гартман фон Ауэ, Вольфрам фон Эшенбах и Готфрид Страсбургский. Мы мало о них знаем: почти ничего об их жизни, немного об их сочинениях. И все же отличительная черта куртуазной литературы в том, что она не анонимна. Поэт не прячется в тени, а с гордостью называет свое имя, говорит о своих заслугах. Из подробностей, рассеянных в стихотворных строках, вырисовываются характерные биографии. Так, Гартман фон Ауэ (ок. 1170—1210 гг.), поэт следующего поколения, последователь Фельдеке, в своем самом известном произведении, стихотворной повести «Бедный Генрих» (ок. 1195 г.), рассказывает, что он служил в замке у господ Ауэ (в Швабии), принадлежал к небогатому рыцарству — министерналам. Он был настолько учен, что читал по-латыни и по-французски, а в конце XII в. далеко не каждый немецкий рыцарь был даже грамотен. Считают, что образование Гартман получил в монастырской школе, готовясь стать кли-

риком. Однако он им так и не стал. В 1189—1191 гг. Гартман принял участие в Третьем крестовом походе, о чем повествуют его три «крестовых песни» (Kreuzlieder)¹⁴.

Гартман тоже обратился к французскому куртуазному роману, но имеющему не античный и даже не исконно французский источник, а фольклор древних кельтов. Речь идет о так называемых романах «артуровского», или «бретонского», цикла.

Создателем артуровского романа во Франции был выдающийся поэт Кретьен де Труа (ок. 1130 — ок. 1190—1191 гг.), написавший пять рыцарских романов. Гартман фон Ауэ переработал два из них, дав им те же названия, что и у Кретьена, — «Эрек» (ок. 1190 г.) и «Ивейн» (после 1200 г.).

Что касается маленькой стихотворной повести Гартмана «Бедный Генрих», о которой уже шла речь выше, то в ней повествуется о чудесном духовном и телесном исцелении рыцаря и на примере его судьбы показывается, что истинная любовь не знает словесных преград, а подлинное благородство может найти себе место в душе простой крестьянской девушки, чей непритязательный быт описан Гартманом заинтересованно и дотошно.

В небольшой повести Гартмана фон Ауэ все легко обозримо. Иное дело грандиозный рыцарский эпос «Парцифаль» (28 840 стихов), принадлежащий сверстнику Гартмана, баварскому рыцарю Вольфраму фон Эшенбах, великому поэту немецкого Средневековья. В «Парцифале» множество персонажей. Среди простых

¹⁴ Kreuzlieder — жанр песни, призывающей к участию в Крестовом походе, в которой описываются переживания крестоносца.

смертных встречаются и волшебники. В нем сложная, многоплановая композиция. Действие происходит на Западе и на Востоке, в сказочных дворцах, келье отшельника, в чаще леса. Прихотливая смена эпизодов управляется велением автора, одно приключение сменяется другим. Приключение (то же, что авантюра) — понятие в куртуазном романе очень важное и многозначное. Немецкое *aventure* (от лат. *adventura*, франц. *aventure*) — это предприятие, связанное с опасностью для жизни, рыцарский подвиг, совершаемый ради чести и славы. Оно означает и что-то удивительное, и даже судьбу. Авантюра — настолько существенный компонент рыцарского романа¹⁵, что нередко персонифицируется и в качестве музы поэта превращается в госпожу Авантюру, так же как в куртуазной поэзии персонифицируется госпожа Любовь. В соответствии с вышесказанным «Парцифаль» расцвечен поединками, схватками, битвами. В нем много говорится о приключениях.

Главный герой романа, королевич Парцифаль, проходит путь «авантюры духа», трудный путь душевного развития, он становится хранителем священного камня Грааля. Этот чудесный камень способен насыщать каждого по его желанию, даровать молодость и блаженство. Однако Грааль у Вольфра-

¹⁵ Исследователь рыцарского романа А. Д. Михайлов пишет: «В романе на первый план выдвинут «личный интерес» рыцаря — его стремление к подвигу и славе», отсюда выводится, что рыцарский подвиг, так называемая авантюра, становится «нравственной мерой и центральным понятием поэтики куртуазного романа» (см.: Михайлов А. Д. Роман и повесть Высокого Средневековья. — В кн.: Средневековый роман и повесть. М.: Худож, лит., 1974, с. 9, 15).

ма — это и символ христианской святости, символ высшей человечности.

Немецкий поэт расширил географические границы легенды о Граале, предпослав истории Парцифали приключения его отца Гамурета на Востоке, который женился на мавританской королеве. Мотив брака двух любящих, которые различаются цветом кожи, столь сильно прозвучавший у Вольфрама, мы находим и в «Кудруне» (строфа 1664), и мотив этот был продиктован высокими гуманистическими устремлениями средневековых поэтов.

Современник Вольфрама Готфрид Страсбургский был весьма образован. Он был близок к епископскому двору, но ему решительно чужда религиозная устремленность Вольфрама. О Готфриде мы знаем только то, что он жил в торговом верхнерейнском городе Страсбурге. Титул *meister*, который обычно прибавляют к его имени, говорит о его простом происхождении (в противоположность дворянскому *herr* — «господин»).

Его единственный, оставшийся незавершенным, роман — «Тристан» (19 552 стиха), который представляет собой переработку «Романа о Тристане» французского поэта Тома.

Кельтское предание о юноше и девушке, испивших волшебный напиток и потому охваченных необоримой страстью, в трактовке немецкого поэта превратилось в рассказ о великой земной любви. Волшебное питье стало поэтическим символом этого чувства, а его углубленный анализ в романе является значительным шагом средневековой литературы в постижении душевных переживаний человека. Ведь область психологии чувства трудно завоевывалась словом. Да-

же у Гартмана фон Ауэ и Готфрида Страсбургского она еще связана с жестом и символикой цветов.

Мастер Готфрид в своем романе охотнее изображает пышные празднества и рыцарские развлечения, чем кровавые битвы и поединки, которые по возможности он опускает. Мир у него ясен, как будто всегда освещен солнцем. В его произведении проявляются черты, чуждые рыцарской литературе.

Готфрид обращается к повествовательным жанрам, возникшим в городе в конце XII—XIII в. Это прежде всего короткие занимательные стихотворные рассказы, называемые во Франции *фаблио* (*fabliaux*), а в Германии *шванки* (*schwänke*). В них изображается жизнь более реалистично, хотя и более приземленно, с бытовыми подробностями, а это эстетике рыцарского романа было совершенно чуждо как слишком низменное. Героями этих стихотворных рассказов являются люди всех сословий, но чаще всего горожане — ловкие, остроумные и сметливые, которые при помощи этих качеств достигают осуществления своих желаний. Среди подобного рода историй особенно распространен сюжет о неверных женах. В романе Готфрида есть много эпизодов, сходных со шванками, например такие, где королева Изольда и рыцарь Тристан ловко обманывают простодушного короля Марка и его злых советников. Однако обман и хитрость не компрометируют их любви, не лишают возлюбленных благородства. Но любовь их чревата гибелью, поскольку она нарушает феодальные установления и оказывается незаконной. И поэтому роман Готфрида пронизан трагизмом.

IV. Немецкий героический эпос. Искусство шпильманов

Рыцарский роман не господствовал безраздельно в немецкой письменной литературе. На юго-востоке Германии, в придунайских землях, Баварии и Австрии, в XII—XIII вв. возникают обширные героические поэмы путем переработки старинных эпических песен, которые сохранились в устной традиции еще с дофеодалных времен. Их источником был не мир кельтских преданий, воспринятый через призму французских куртуазных романов, а исторические предания древних германских племен, уходящие корнями в эпоху переселения народов. Эти богатырские поэмы о Зигфриде, о гибели бургундского королевства, о Кудруне (песнь о ней мы причисляем к этому роду поэзии), об изгнании и возвращении Дитриха Бернского, одного из самых любимых героев германского эпоса, складывались и исполнялись уже не дружинными певцами, как в старину, а новыми, профессиональными поэтами, бродячими певцами — шпильманами (spilman — букв. «игрец»), забавлявшими своим искусством простой люд на ярмарках, постоянных дворах, в деревнях, находивших слушателей в феодальных замках, отправлявшихся вместе с воинами в походы за море. Их часто называют просто бродячими людьми (fahrende leute), хотя среди страствующих можно встретить и небогатого рыцаря-министериала, и школяра, и подмастерья. Церковь издавна преследовала шпильманов. Согласно средневековому судебнику («Саксонскому зеркалу», VIII—IX вв.), шпильманы, так же как преступники, стоят вне закона (rechtlos). Тот, кто против желания отца

становится шпильманом, лишается наследства. Но когда в XII в. к ним присоединились странствующие клирики и из их среды выделились талантливые поэты, имя «шпильман» получило новое значение и вес. Знатные господа охотно берут их на службу, дают им различные посольские поручения.

Эпическое искусство шпильманов в противоположность рыцарскому роману оставалось анонимным. Поэт не называет своего имени, значительно сдержаннее в своих оценках, прямо не порицает и не хвалит поступки тех лиц, которые изображены в его произведении. Этому искусству присущ гиперболизм (числа или силы), что особенно впечатляет в сценах массовых битв: от ударов мечей содрогается земля, море стонет, искры столбом летят из племов, кольчуг, копья и стрелы сыплются, как хлопья снега, противники наносят друг другу страшные раны, после боя приходится отмывать со стен густую кровь. В «Кудруне» богатырь Вате с такой силой трубит в рог, подавая сигнал к началу сражения, что сдвигаются камни, из которых сложены стены замка. «В героических поэмах,— пишет Б. И. Пуришев,— отражалась жизнь, исполненная опасностей, могучих страстей и трагических столкновений»¹⁶. Там, где героический эпос показывает, рыцарский роман больше анализирует и рассуждает. Героическому эпосу свойственны определенные формулы в описании битв, торжеств, красоты и силы героев, восходящие к фольклору и представляющие общее достояние, а не плод индивидуального творчества. Средневековый поэт-шпильман окружен слушателями и адресует им свое

¹⁶ Пуришев Б. И. Указ. соч., с. 100.

повествование, нередко прерывая его обращением: «Я хочу вам рассказать...» и т. п.

В середине XII в. эти обширные поэмы предназначались уже не для песенного исполнения, а для чтения вслух по рукописи, т. е. появился книжный эпос. В эту эпоху в литературных памятниках нередко встречается ссылка на книгу как на свидетельство того, что рассказанное поэтом не вымысел, а случилось в действительности («Кудруна», 505; «Крестьянин Гельмбрехт», стих 393). Этой же цели служат и ссылки на старинные предания («Кудруна», 22, 197). Ориентация на правду жизни, на изображение действительности «всерьез» сочетается в героическом эпосе с фантастикой, он сохраняет связи со сказкой.

Присущая героическому эпосу строфическая форма с ее неспешными длинными строками, разделенными на полустроки цезурой, создавала совершенно иное настроение, нежели короткий стих рыцарского романа. Однако рыцарский роман и героический эпос, существуя в одно время, влияли друг на друга. Героический эпос подвергался феодализации, а также христианизации. Повествуя о событиях древних времен, он переносил их действия в обстановку феодального государства XIII в. Героический эпос перенимал и описательный стиль куртуазного эпоса, хотя и при этом он тяготел не к аллегоризму и абстрактным понятиям, а к непосредственному показу вещей и событий.

V. Судьба рукописи «Кудруны». Издания и исследования

Создание «Кудруны» завершилось лет на тридцать позднее «Песни о Нибелунгах». Но как различны были их судьбы! «Песнь о Нибелунгах» дошла до нас в тридцати трех рукописях, где поэма представлена или полностью, или в отрывках, тогда как «Кудруна» — в одной единственной рукописи XVI в. (1505—1515 гг.). Это так называемая «Амбразская рукопись», или «Амбразская книга героев» („Ambraser Heldenbuch“). Название это происходит от замка Амбраз близ Инсбрука, где рукопись хранилась, а писал ее таможенный писец Ганс Рид по заказу императора Максимилиана I, прозванного «последним рыцарем» за его попытки оживить идеалы рыцарской культуры в дворянском обществе своего времени. Уцелело письмо императора с распоряжением переписать образец, названный им „Heldenbuch an der Etsch“. Прилежный копист списывал с рукописи, не дошедшей до нас, составленной, как полагают, на рубеже XIII—XIV вв., судя по названию, в австрийских землях, в долине реки Эч. Амбразская копия снабжена оглавлением. На титульном листе этой уникальной рукописи изображены два великана в рыцарском облачении, под сенью гранатовых деревьев, а над ними красный тирольский орел. В кодексе, писанном в три столбца, содержатся произведения рыцарской литературы и среди них прежде всего «Эрек» и «Ивейн» Гартмана фон Ауэ, далее идут памятники немецкого героического эпоса и в последнюю очередь стихотворные швабки и назидательные истории, среди которых «Поп Амис» Штрикера и «Крестьянин Гельм-

брехт» Вернера Садовника (одна из двух сохранившихся рукописей этой повести).

«Кудруна» следует за «Песнью о Нибелунгах» и «Жалобой» — поэмой, созданной вскоре после «Песни о Нибелунгах» и повествующей о судьбе тех героев, которые не погибли в кровопролитных битвах между бургундами и гуннами, описанных в «Песни». «Кудруна» занимает листы 140^a — 160^a: отсюда легко представить размеры этой удивительной рукописи. Если бы не рвение неизвестного составителя «Книги героев на реке Эч» и не романтическое увлечение Максимилиана I культурой Средневековья, мы не знали бы «Кудруны». «Амбразская рукопись» составлена не случайно, а с разбором и толком. Остается загадкой, почему «Кудруна», занявшая в ней столь точное, подобающее ей место, не имела распространения. Виной ли несчастный случай, что рукописей «Кудруны» не сохранилось? Или, как считает В. М. Жирмунский, причина в том, что «по своему сюжету она осталась изолированной в процессе циклизации средневекового немецкого эпоса»¹⁷. Наконец Бруно Бёш предполагает, что в 40-е годы XIII в. — время, к которому относится завершение поэмы, — в феодальном мире Германии произошли перемены, отразившиеся на читательских интересах, а именно эпическая поэма, родственная по духу и художественной манере «Песни о Нибелунгах», не находила своего читателя. «Сейчас, — пишет Бёш, — большой успех сулило облечь старый материал в формы бездумного шпильманского эпоса»¹⁸. Здесь имеется в ви-

¹⁷ См.: Жирмунский В. М. Немецкий героический эпос, с. 119.

¹⁸ Boesch B. Zur Einführung. — In: Kudrun/Hrsg. von Symons B. Halle, 1883; 4. Aufl. bearb. von Boesch B. Tübingen, 1964. S. XIV.

ду созданный шпильманами во второй половине XII в. тип эпических поэм преимущественно авантюрного характера. Их наиболее распространенный сюжет — сватовство и добыча невесты хитростью, с помощью верных слуг («Король Ротер», «Освальд», «Оредель»), путешествия героя в дальние страны («Герцог Эрнст»). Шпильманы охотно вводили в свои произведения сюжеты и мотивы восточных сказок, например о Синдбаде-мореходе. Они проторили дорогу восточной экзотике в рыцарский роман, но и сами испытали влияние рыцарского романа.

Однако высказанных соображений, на наш взгляд, недостаточно, чтобы объяснить загадку существования единственной рукописи «Кудруны». Впрочем, Средневековье знает и другие аналогичные примеры. Так, если знаменитый французский «Роман о Розе» сохранился в нескольких сотнях списков, то «песня-сказка» «Окассен и Николетта» дошла до нас лишь в одной рукописи. Но вернемся к судьбе нашей поэмы, чтобы решить другой вопрос: что в ней принадлежит традиции, а что явилось новшеством, изобретением ее создателя. Для этого рассмотрим, в каком направлении шло изучение «Кудруны» немецкой критикой, и ознакомимся с предположениями, откуда могли зародиться ее сюжет и образы.

Прошло триста лет после того, как «Амбразская рукопись» была закончена, и за это время никто нигде не упомянул о «Кудруне».

В 1817 г. А. Примиссер, разбирая в Вене собрание рукописей, перенесенных недавно из замка Амбраз, нашел манускрипт, составленный Гансом Ридом¹⁹, и

¹⁹ Теперь рукопись находится в Австрийской национальной библиотеке в Вене.

вскоре издал его совместно с Ф. Г. фон дер Хагеном²⁰. Им пришлось вносить исправления в написание многих слов, метрику ряда стихов, порядок строф, так как из-за ошибок переписчика нарушалась логика повествования. Еще сложнее обстояло дело с метрической формой. «Кудруне» присуща своя особая строфа, состоящая из четырех длинных стихов, рифмующихся попарно и разделенных цезурой на два полустишия. Все начальные полустишия имеют по четыре ударных слога и женское окончание. Заключительные полустишия первой пары также имеют четыре ударных слога, но при мужской рифме. Заключительные полустишия второй пары стихов построены сложнее: в третьем стихе строфы заключительное полустишие хотя и четырехударно, но заканчивается женской рифмой. Особенно бросается в глаза завершающее полустишие четвертого стиха: в нем уже шесть ударений. Строфа «Кудруны» в первой паре стихов совершенно совпадает с нибелунговой строфой, но во второй паре от нее отлична: последнее полустишие на один слог длиннее, чем в строфе «Нибелунгов». Вторая пара стихов кудруновой строфы совпадает с началом строфы «Титуреля», а это произведение Вольфрама фон Эшенбах датируется 1220 г. Развилась ли титурелева строфа из кудруновой или же имело место влияние Вольфрама на строфику «Кудруны»? Наконец существовала ли кудрунова строфа в немецкой поэзии прежде, чем она зазвучала в верхненемецком эпосе? На все эти вопросы до сих пор

²⁰Der Heldenbuch in der Ursprache/Hrsg. von Hagen F. H. von der, Primisser A. B., 1820, T. 1. (Deutsche Gedichte des Mittelalters, Bd, 2.)

нет ответа, так как они связаны с непреодоленными трудностями хронологии. И пока не открыт более ранний памятник с родственной метрикой, который мог бы пролить свет на этот вопрос, мы считаем кудрунову строфу вариантом нибелунговой, а точнее кюренберговой строфы, потому что еще до появления «Нибелунгов» такой строфой пользовался поэт-миннезингер Кюренберг (середина XII в.).

В поэме есть много отступлений от схемы строфы в ее чистом виде, но дело этим не ограничивается. Наряду с нормальной кудруновой строфой здесь насчитывается сто правильных нибелунговых строф, больше половины которых стоит в первой четверти поэмы. Ученые по-разному объясняют эту странность. А. Хойслер допускает, что нибелунговые строфы по ошибке внес Ганс Рид²¹. Ф. Нойман считает, что это автор «Кудруны» развил и усложнил нибелунговую строфу, но не сразу достиг совершенства и ошибался, особенно вначале, сбиваясь на прежнюю привычную схему²². Э. Сиверс усматривает здесь не ошибку переписчика или поэта, а стилистическое средство, к которому создатель «младшего» эпоса намеренно прибегает, чтобы создать нужное впечатление²³.

Помимо сказанного, в поэме имеются 408 строф, где есть внутренняя рифма перед цезурой. Исследо-

²¹ См. Heusler A. Deutsche Versgeschichte. Bd. 2. Berlin; Leipzig, 1927, S. 782.

²² См.: Neumann F. Rezensionen der Ausgaben von Boesch und Moret.— Anzeiger deutsches Altertum. Bd. 69. B. (1956/57), S. 24—39.

²³ См.: Sievers E. Die stimmliche Gliederung des Kudruntextes.— Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, Bd. 54 (1930), S. 418—456.

ватели не пришли к единому мнению, являются ли все эти отклонения от строфической формы «Кудруны» повешеством, привнесенным поэтом в XIII в., или же это пережиток старой формы, изменившейся с течением времени.

Не меньше трудностей представляет и язык поэмы. Ведь Ганс Рид, согласно своему разумению, списывал «Кудруну», переводя ее на свой язык — язык XVI в. Издатели «Кудруны», напротив, стремились перевести копию на язык оригинала — средневерхне-немецкий язык первой половины XIII в., сохранив при этом окраску австро-баварского диалекта. Именно так «окрашен» язык «старшего» эпоса — «Песни о Нибелунгах». Многие диалектные особенности языка «Кудруны» (например, *kom*, *kômen* и никогда *kam*, *kâmen*) указывают на местность в долине Дуная. Тем самым «Кудруна» включается в большую группу средневерхненемецких поэм, принадлежащих этому краю. Критическое издание «Кудруны», предпринятое К. Барчем, заложило основы для текстологической работы, продолженной П. Пипером, Е. Мартином и другими немецкими филологами, выпустившими хорошо прокомментированные издания «Кудруны»²⁴.

Иную задачу ставили перед собой сторонники песенной теории К. Лахмана. Этот выдающийся ученый в области немецкой филологии и исследователь «Песни о Нибелунгах» считал героический эпос плодом коллективного творчества многих поэтов. По Лахману, каждый из них сочинил одну какую-то песнь на основе народного предания. Из этих песен, объединенных позднейшими редакторами, и составлялся эпос. Эту

²⁴ Перечень изданий «Кудруны» см. во введении к «Примечаниям».

теорию «редакционного свода» ученики Лахмана применили к исследованию «Кудруны». Они пытались отделить «подлинные» строфы поэмы от «неподлинных», привнесенных разными «правщиками», и выделить первоизданные «эпические песни», из которых сложилась поэма.

Л. Эттмюллер разбивает «Кудруну» на отрывки и различает в поэме труд четырех компиляторов, из которых один будто бы внес отдельные строфы и сгладил шероховатости, другой что-то добавил к содержанию, третий украсил стихи внутренней рифмой, а последнему принадлежат нибелунговы строфы²⁶.

К. Мюлленгоф по-своему делит поэму на песни и находит в ней трех интерполяторов. Стремясь отделить пшеницу от плевел, он признает всего четыреста строф подлинными, 1530 строфу — завершающей, а все остальные — позднейшей добавкой²⁶.

Против попыток деления эпоса на эпизоды, разрушавшие его единство и цельность, выступил в Германии В. Вильманс²⁷. А. И. Кирпичников, первым в России привлечший внимание к «Кудруне», писал: «Эттмюллер имеет достоинство, общее всем критикам лахмановской школы, — остроумие, и общий недостаток — произвол»²⁸. С этой точки зрения русский ученый критикует Мюлленгофа, выбросившего три

²⁶ См.: Gudrunlieder/Hrsg. von Etmüller L. Zürich; Winterthur, 1841.

²⁶ См.: Kudrun: Die echten Teile des Gedichtes mit einer kritischen Einleitung/Hrsg. von Müllenhoff K. Kiel, 1845.

²⁷ См.: Willmans W. Die Entwicklung der Kudrundichtung. Halle, 1873.

²⁸ Кирпичников А. И. Кудруна, национальная поэма немцев. — Зап., Харьк. ун-та, 1874, т. 3, с. 5.

четверти поэмы как интерполяции, а также последователя Мюлленгофа — Плонниуса, который добавил к «очищенному» тексту несколько десятков стихов и выпустил «Кудруну» в таком адаптированном виде, присовокупив свой перевод на современный немецкий язык²⁹.

Чувствительный удар был нанесен школе Лахмана фундаментальной работой известного немецкого филолога Ф. Панцера «Хильда-Кудруна». Автор на протяжении многих страниц сличает строфы, разделенные Мюлленгофом на «подлинные» и «неподлин-ные», он доказывает их единство и приходит к выводу о «едином» авторе «Кудруны». Сказочные и книжные источники здесь так искусно переплетены и переработаны, пишет Панцер, «что я должен по праву утверждать: история „Кудруны“ есть в чистом виде собственное изобретение ее поэта»³⁰.

Наконец теория песен Лахмана была решительно опровергнута А. Хойслером, крупнейшим исследователем эпоса в Германии. Хойслер выдвинул принципиально новое положение о развитии древнегерманского эпоса, которое потом применил в своем исследовании «Песни о Нибелунгах»³¹. По его теории, германские сказания существовали лишь в форме героических песен. Каждая из этих песен трактовала какой-либо сюжет, исчерпывая его целиком. Песни отличались сжатым стилем изложения. Постепенно

²⁹ См.: Kudrun/Übers. und Urtext mit erklären. Abhandl. von Ploenies W. Leipzig, 1853.

³⁰ Panzer F. Hilde-Gudrun: Eine Sagen und literaturgeschichtliche Untersuchung. Halle, 1901, S. 445.

³¹ См.: Хойслер А, Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах.

они разрослись и превратились в пространные эпосы. «Однако этот процесс представляет разбухание, а отнюдь не сложение!» — пишет Хойслер и поясняет: «Согласно теории редакционного свода, эпос относится к песне, как шеренга людей к отдельному человеку или как аллея деревьев к отдельному дереву», в то время как эпическая традиция германцев доказывает другое: «... эпос относится к песне так, как взрослый человек к эмбриону, как ветвистое дерево к саженцу»³². Работа Хойслера была решающей в споре с теорией школы Лахмана. Однако это не означает, что в трудах ученых данного направления не было верных мыслей, ценных наблюдений. Л. Эттмюллер и К. Мюлленгоф, например, указали на трехчастное деление поэмы. По имени героя, о котором ведется повествование, эти части можно озаглавить: *Хаген — Хильда — Кудруна*.

VI. Композиция «Кудруны»

Центр повествования, что отразилось и в названии эпоса, — в истории Кудруны. История эта занимает две трети поэмы (573—1705). Все остальное — предыстория. Поэтому-то многие ученые рассматривают поэму как двухчастную, уподобляют ее в этом отношении «Песни о Нибелунгах». И так же, как «Песнь о Нибелунгах», «Кудруна» разделена на авентюры — их тридцать две. В данном случае это слово обозначает главу поэмы, отрезок, предназначенный для речитации, чтения по книге шпильманом или ученым клириком. Мы не знаем, кто разделил поэму на неравные куски и дал им заголовки, иногда только по

³² См.: Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах, с. 323, 320.

первым строфам, не исчерпывая содержания (например, в IX авентюре). Немецкие ученые отметили черты сходства двух эпосов в формулах приветствия и прощания, в описании красоты и силы героев, в сценах общего характера, например в сценах приема послов и гонцов, празднеств и битв. Близость эту можно объяснить сложившейся традицией эпического стиля. Но встречаются эпизоды и сцены более индивидуального характера, которые близки «Песни о Нибелунгах» настолько, что можно говорить об их заимствовании из «старшего» эпоса. По этому поводу давно уже собран обстоятельный материал³³. Тем не менее в современном немецком литературоведении утвердилось мнение, что по отношению к «Песни о Нибелунгах» «Кудруна» представляет антитезу. У автора «Кудруны» своя концепция, независимая от «Песни о Нибелунгах», «которая является для него высоким образцом», — утверждает В. Гофман³⁴.

На наш взгляд, если «Песнь о Нибелунгах» и служила создателю «Кудруны» «высоким образцом», то не менее сильно проявилось его стремление к противопоставлению своей поэмы «старшему» эпосу. Коснулось это и структуры «Кудруны». Две части «Нибелунгов» находятся в причинной связи, прямолиней-

³³ См.: *Kettner E.* Der Einfluss des Nibelungenliedes auf die Gudrun.— *Zeitschrift für deutsche Philologie*. Bd. 23 (1891), S. 145—217; *Panzer F.* Op. cit., S. 140—144.

³⁴ См.: *Hoffmann W.* Kudrun: Ein Beitrag zur Deutung der nach-nibelungischen Heldendichtung. Bonn, 1967.

Этого же мнения в той или иной степени придерживаются Хуго Кун (*Kuhn H.* Kudrun.— *Münchener Universitätswoche an der Sorbonne*. München, 1956, S. 135—143) и А. Бек (*Beck A.* Forschung und Deutung. Frankfurt am Main; Bonn, 1966, S. 26—68).

ной, как лезвие меча: убийство нидерландского королевича Зигфрида — и месть за него Кримхильды, его жены. «Кудруна» в дошедшем до нас виде облечена в форму семейного предания. Весь эпос связан смежной поколениями, от начала до конца их проходит пять. Вначале говорится об ирландском короле Гере и его жене Уте, родителях Зигебанда. После смерти отца Зигебанд женится на норвежской королеве. Ее тоже звать Утой. У них родится сын Хаген. В детстве он был унесен грифом на дикий остров, где провел несколько лет. Описано его возвращение на родину, женитьба на Хильде, одной из трех королевен, деливших его судьбу на острове грифов. У супружеской четы родится дочь, которую в честь матери тоже назвали Хильдой.

Судьба Хильды, дочери Хагена, теперь в центре повествования. К королевне сватаются много женихов, но суровый отец всем отказывает, а сватов велит казнить. Король хегелингов Хетель, узнав о ее красоте, посылает в Ирландию верных слуг, они уговаривают Хильду бежать из родительского дома к влюбленному Хетелю. Следует погоня за беглецами и битва за Хильду между Хагеном и Хетелем, которая, однако, оканчивается их примирением и женитьбой Хетеля и Хильды. Молодая королева родит двух детей — Орвина и Кудруну.

Дальнейшее повествование целиком посвящено судьбе Кудруны. Поначалу ситуация кажется сходной уже с описанной. К Кудруне сватаются женихи — Зигфрид, Хервиг и Хартмут. Надменный отец всем отказывает. Тогда Хервиг идет войной, чтобы завоевать невесту, и добивается согласия родителей. Кудруне люб Хервиг. Они обручаются. Отъезд королевы

к Хервигу откладывается на год. В это время Кудруну похищает норманнский князь Хартмут. Хетель и Хаген со своими воинами нагоняют похитителя, и на острове Вюльпензанде происходит бой, в котором Хетель, отец героини, погибает от руки Людвига, отца Хартмута. Тринадцать лет проводит Кудруна в плену, наконец ее освобождают, и она соединяется с Херлигом, верность которому хранила все годы.

Можно проследить главный и повторяющийся сюжет — сватовство, добывание невесты со все большим преодолением препятствий. В первом поколении эта ситуация только подразумевается — Гере с Утой уже пребывают в счастливом супружестве, им всего-то отдано несколько строф. От истории к истории повествование будет разворачиваться все шире, мотив «любовь — сватовство — свадьба» постепенно делается организующим, предстанет в различных жизненных вариантах, явится источником драматических ситуаций и нравственных конфликтов.

В «Песни о Нибелунгах» два трагических пика — смерть Зигфрида в конце первой части, предвещаемая уже с первых строф, и гибель бургундов во второй, куда неотвратимо стремится все действие.

Начало «Кудруны» не предвещает мрачных событий. Ее безмятежный пролог (1—22) пронизан весельем, в нем зримо представлена картина весны и описана дорога среди лугов и лесов, по которой движется свадебный кортеж. В дальнейшем в поэме рассказано о пяти кровавых сражениях. Здесь, как и в «Нибелунгах», встает проблема мести, но она не приводит к тотальному уничтожению двух вражеских сторон. Все заканчивается их примирением. Таким образом, в конце поэмы снова наступает идиллия (1531—

1705). «Кудруна» завершается четырьмя брачными союзами. Она начиналась счастливым правлением короля Ирландии патриарха Гере, а закончилась счастливым миром, заключенным по желанию многострадавшей героини. Сквозь эту сюжетную канву проглядывают фабульные ходы и мотивы, оставшиеся от саг, легших в основу сюжета.

VII. Истоки сюжета

Составные части сюжета поэмы (немецкие критики обычно пишут *Bausteine*, т. е. буквально «камни, из которых построена») возникли не в одно время. История Хагена считается самой младшей, сложившейся в эпоху Крестовых походов. Эта часть больше всего насыщена сказочными мотивами, приключениями. Хотя и в других местах поэмы встречаются сказочные мотивы — мертвое море, магнитная гора, предание о подводном царстве, но там они только эпизоды, которые расцвечивают странствие мореходов. Здесь же царит особая сказочная атмосфера. Грифф, похитивший Хагена, сродни птице Рок арабских сказок. Подвиги, совершенные Хагеном на острове, тоже сказочны: он убивает дракона и, утолив жажду его кровью, становится неуязвимым, — это может быть соотнесено только с сагой о Зигфриде в «Нибелунгах». Вообще в этой части поэмы очень пестрый сплав мотивов, что как раз характерно для творчества шпильманов, жадных до всякого рода авантурных сюжетов, открытого влиянию различных жанров. Подруги Хагена, занесенные грифами на дикий остров, также похищены — одна из Индии, другая из Португалии, третья из Изерланда. Последнее, вымышлен-

ное название почерпнуто из «Парцифалья». Оттуда же и некоторые подробности: королевны собирают ягоды и коренья, чтобы накормить маленького пришельца, — в тех же словах описан скудный быт отшельника Треврицента в поэме Вольфрама. Хаген находит на берегу убитого воина и надевает его доспехи, — в этом видят (Панцер, Мартин) сходство с эпизодом, где Парцифаль забирает вооружение убитого Итера, и т. д.

Где и когда сложился сюжет главной части — история Кудруны, до сих пор является предметом споров. Самой ранней считают историю Хильды. У нее древние германские источники. Мы коснемся только основных из них, полностью или отчасти передающих сагу о Хильде.

1. Скандинавские источники

а) «История датчан» Саксона Грамматика. Саксон Грамматик (ок. 1150 — ок. 1210 гг.) написал во второй половине XII в. на латинском языке свою знаменитую историю Дании и в ее первых девяти разделах пересказал прозой множество скандинавских героических сказаний и песен.

Повествуя о царствовании Фроттона III, летописец рассказывает: норвежский король Хитин и король югов Хогин³⁵ были друзьями. У Хогина была дочь Хильда, такая красавица, что норвежец влюбился в нее, еще не видя ее, а только слыша о ней. Хогин выдал дочь за Хитина. Друзья отправились в поход и завоевали королю Фроттону Оркадские острова. Вскоре Хитина

³⁵ Саксон Грамматик называет отца Хильды Хогинус, что является латинизированной формой имени Хаген.

оклеветали, обвинив в том, что Хильда еще до брака слюбилась с ним. Отец поверил навету и напал на Хитина, требуя вернуть ему дочь. Фроттон напрасно пытался их примирить. Тогда он дал совет решить дело поединком. Хитин был тяжело ранен, но Хогин пощадил его. Через семь лет они возобновили сражение на острове Hitinsö³⁶ и оба погибли от ран, которые нанесли друг другу. «Говорят, что Хильда была охвачена такой любовью к мужу, что она по ночам жалобными песнями пробуждала души умерших, чтобы они продолжали битву», — заключает летописец. В его изложении остается неясным, почему был возобновлен бой после того, как Хогин пощадил зятя. Возможно, автор изменил предание, и вместо фигурировавшего в нем обольщения и увоза девушки появился оговор. Это предположение обосновывают тем, что другой древнейший источник иначе передает ход событий.

б) *«Младшая Эдда»*. Исландский ученый, поэт и политический деятель Снорри Стурлусон (1170—1241) в своей прозаической *«Эдде»*³⁷ рассказывает: Когда конунг Хёгни был на совете с другими предводителями, один конунг, по имени Хедин, увез его

³⁶ Остров в Балтийском море близ Рюгена.

³⁷ Снорри Стурлусон написал учебник для скальдов, дружинных певцов скандинавских конунгов (королей). В нем пересказаны легенды о богах и героях. Снорри назвал его *«Эддой»*. Позже, в XVII в., был найден более древний рукописный сборник о богах и героях германского Севера, написанный в XIII в. Многие из этих песен сложились в VIII—IX вв. Этот сборник по аналогии назван *«Старшей Эддой»*, а сборник Снорри в отличие от него — *«Младшей Эддой»*. (См.: *Младшая Эдда*/Изд. подгот. Смирницкая О. А., Стеблин-Каменский М. И. Л.: Наука, 1970.)

дочь. Хёгни погнался за ними и догнал беглецов у Оркнейских островов. Тогда Хильда явилась к отцу и предложила ему от имени Хедина ожерелье в знак примирения, но тут же сказала, чтобы он не ждал пощады от Хедина. Сурово ответил отец дочери. Вернувшись к мужу, она объявила, что Хёгни не желает примирения, и просила приготовиться к бою. Противники встретились на острове Высоком (Наеу), где выстроили свои войска. Хедин предложил тестю мир и много золота. Но Хёгни предложение отклонил, и началась битва. Ее называют битвой хьяднинггов (воинов Хедина). Конец сказания совпадает с рассказом Саксона Грамматика: Хильда колдовством оживляет убитых. Хьяднинги так и будут сражаться до конца света³⁸.

Рассказ Снорри Стурлусона лишен противоречий и, можно думать, передает ход фабулы древней саги: бегство Хильды с Хедином, преследование беглецов отцом девушки, бой на острове, в котором оба противника погибают.

в) «Прядь о Сёрли»³⁹. Версию сказания в мифологической трактовке дает «Прядь о Сёрли» („Sörla-pattr“), относящаяся к более позднему времени — XIV в. Она такова: Локи⁴⁰ похитил у Фрейи⁴¹ ожерелье. Один⁴² обещал ей вернуть драгоценность, но с одним условием: Фрейя должна возбудить распрю между

³⁸ Младшая Эдда, с. 155—156.

³⁹ Прядями исландцы называли мелкие прозаические повествования, отличая их от больших по объему и сложных по содержанию саг.

⁴⁰ Локи — бог огня.

⁴¹ Фрейя — богиня любви.

⁴² Один — верховный бог скандинавской мифологии, бог бурь.

двух королей и чтобы те, убив друг друга, вновь и вновь восставали из мертвых и продолжали смертельную бой до тех пор, пока христианский воин не избавит их от заклятья. Фрейя поручает валькирии⁴³ Гёндуле выполнить желание Одина. Жертвами воли богов стали два короля: Хедин, сын Хиарранди, короля Сарацинии, и Хёгни, сын датского короля. Три раза являлась Гёндула к Хедину, подстрекая его к расправе с Хёгни. Тогда Хедин спросил ее, кто равен ему по силе и доблести. Валькирия назвала Хёгни. Хедин вызвал Хёгни помериться силой. Оба оказались равными в поединке. У Хёгни была дочь Хильда, известная своей красотой. Хедин хотел посвататься к ней, но Гёндула его подстрекнула похитить девушку в отсутствие Хёгни и убить королеву, что он и сделал. Явившись в третий раз, Гёндула дала Хедину выпить волшебный напиток, и он прозрел, осознав, какое зло содеял. Хедин решил увезти Хильду далеко от родных мест, но Хёгни догнал их у острова Ха, где начался бой между ним и Хедином. Когда противники надвое разрубали друг друга мечами до пояса, они вновь оживали, и битва возобновлялась. А Хильда глядела на это из роши. В эпилоге рассказывается, что через 143 года на остров явился норвежский король Слав Трюггвасон. Согласно предсказанию, Ивар, один из часовых, снимает заклятие: он поражает обоих противников во время их поединка. Все исчезает бесследно, только окровавленный меч Ивара свидетельствует о минувшем сражении.

⁴³ Валькирии — девы-воительницы, побуждающие воинов к битвам, уносящие души сраженных героев в небесный чертог — обитель богов Валгаллу.

В этом сравнительно позднем источнике заметно сильное влияние христианства, но само предание о Хильде, так фантастически здесь преображенное, гораздо древнее. Сюжет его — похищение невесты и гибельный исход этого дела. Такими по типу были древние германские викингские песни. В них говорилось о разбойничьих набегах и увозе красавиц. Внутренняя пружина действия заключалась в свободном выборе, на который решается героиня, порывая со своим родом во имя любви. Этот тип старогерманских песен представляют «Песни о Хельги» в «Старшей Эдде».

г) «Старшая Эдда» — «Песни о Хельги». В этих песнях, исторической основой которых, как считают, послужили битвы между отдельными родами и племенами в далекую эпоху переселения народов, встречаются знакомые нам имена: Хедин, Хёгни, Хединзее. Больше того, в одной из них витязь Хельги открывает любимой, что он убил ее отца и брата, а когда девушка плачет, он говорит:

Сигрун, утешься,
была ты нам Хильд;
Судьбы не оспоришь!

Она отвечает:

Оживить бы убитых
и в объятиях твоих
укрыться бы мне! ⁴⁴

Эта строфа возникла в начале XII в. и существовала самостоятельно до того, как была внесена в цикл

⁴⁴ Старшая Эдда: Древнеисландские песни о богах и героях/Пер. Корсуна А. И.; Ред., вступ. ст. и ком. Стеблина-Каменского М. И. М.; Л.: Наука, 1963, с. 88—89.

«Песен о Хельги». Трагический сюжет сказания о Хильде отжат здесь до краткого изречения. В словах «была ты нам Хильд» — намек на то, что Сигрун, как и Хильд, явилась причиной битвы, а также здесь подчеркнут и самый смысл имени Хильд (Hildir), что значит «битва». В песнях «Эдды» говорится, что Сигрун была валькирией и носилась по небу и морю. И Хильда в древних героических песнях была валькирией, подстрекавшей воинов к битве.

Согласно приведенным источникам, место, где шел этот смертельный бой, — остров либо в Балтийском, либо в Северном море.

Шотландские и датские баллады на этот сюжет, записанные в XVII — XVIII в., — самые поздние свидетельства предания о Хильде. В них действие тоже происходит на Оркнейских островах.

2. Древнеанглийская поэзия

а) «Видсид». Самым ранним свидетельством предания является стихотворная запись на древнеанглийском языке, относящаяся к VIII в., написанная от лица дружинного певца Видсида. Ее автор, назвавшийся «странником», перечисляет имена властителей разных племен и народов, правивших в IV—VI вв. Эти имена встречаются и в других источниках. Среди этого перечня есть и герои германского героического эпоса. Видсид упоминает резиденции, где его принимали с почетом. Воспоминания скопа (так назывались у англосаксов дружинные певцы) — это своеобразный прием, и автор им пользуется, чтобы сообщить те знания, которыми он располагает. Он перечисляет властителей гуннов, готов, бургундов и ффиннов. В

последних двух стихах говорится: «Хаген властвовал над хольмрюгенцами, Хеден — над гломмами. Витта властвовал над свевами, Вата — над Хельсингом». Два первых властвовали на берегах Балтийского моря. Имя Хедина (Хетеля) запечатлелось в названии острова Хиддензее. Хаген же назван правителем хольмрюгенцев, которые переселились со своей родины Каттегата на остров, получивший название Рюген. Поскольку их переселение совершилось не ранее 434 г., то этот год можно считать точкой отсчета для возникновения саги о Хильде, дочери Хагена. Поскольку имена Хагена и Хедина (Хетеля) отделены от имени Вада (Вате) еще одним именем, не имеющим отношения к саге, остается неясным, усматривал ли Видсид связь между этими лицами. «Странник» ничего больше не сообщает о Вада (англосаксонское Wada, северогерманское — Wado). Вадо первоначально был мифологическим существом, сыном морской девы. Это морской великан, дикий, вспыльчивый, неукротимый. По значению его имя связано со словами Wüten («бушевать») и Water («вода»), а этимологически примыкает к скандинавскому Один, немецкому Вотан — имени верховного бога древнегерманской мифологии, бога битв и бурь⁴⁵. Характер Вате в «Кудруне» почти совершенно утратил свои мифологические черты. Следы их сказываются лишь в том, что этот старый вассал и родич Хетеля, помогающий ему добыть невесту, отличается неукротимым, воинственным нравом, он искусный врачеватель, ему ведомы морские пути, он знает морскую сказку о подводном

⁴⁵ См.: *Gutenbrunner S. Schleswig-Holsteins älteste Literatur.* Kiel, 1949, S. 77.

царстве и его несметных кладах и только он может вызволить мореходов из стоячего моря.

б) *«Жалоба Деора»*. Другое древнеанглийское стихотворение VIII в., *«Жалоба Деора»*, упоминает еще одного сподвижника Хетеля, а именно Хоранта. В седьмой строфе стихотворения певец Деор жалуется, что много лет он был певцом хеоденингов, пока Хеорренда, искусный в пении муж, не отнял у него эту почетную должность, а с ней и милость двора, и ленное владение. Здесь Хорант выведен в роли искусного певца, присущей ему в эпосе.

3. Средневерхненемецкий книжный эпос

«Песнь об Александре». В середине XII в. трирский священник Лампрехт написал *«Песнь об Александре»*, явившуюся переработкой одноименной французской поэмы первой половины XII в. Незамысловатое в поэтическом отношении произведение Лампрехта примечательно тем, что оно было первым опытом светского эпоса на немецком языке. Повествуя о чудесной судьбе и приключениях Александра Великого на Востоке, поэма эта по типу приближалась к рыцарскому роману, время которого, однако, пришло позднее. *«Песнь»* сохранилась в трех рукописях, но не полностью, в отрывках. В рукописи из монастыря в Форау, как считают, самой надежной, читаем:

На Вюльпенверде был бой жесток —
Родитель Хильды там мертвым лег —
Меж Хагеном и Вате.

Далее автор говорит, что ни один воин не мог сравниться с Александром в доблести и без видимой

связи с приведенными выше строками называет Хервига и Вольфвина.

Это свидетельство Лампрехта очень важно для понимания трансформации сказания о Хильде. Выявляются следующие изменения: место сражения из-за похищенной девушки теперь не Хиддензее, а Вюльпенверд (то же что Вюльпензанд) — остров в устье Шельды. Отец Хильды погибает в бою не от руки Хетеля, а его убивает Вате. Это существенно меняет дело, смягчает трагизм развязки, снимает вину за смерть Хагена с Хетеля и тем самым делает возможным его брак с Хильдой⁴⁶. И вместе с тем появляется предлог начать повесть о новом поколении в связи с рождением дочери Хильды и Хетеля. Заманчиво предположить, что сага о Хильде в это время уже имела такое продолжение, ввиду того что в поэме Лампрехта упоминаются брат и жених Кудруны, однако текст не дает более надежных оснований для таких заключений.

Некоторые современные исследователи (Бруно Бёш, Росвита Висниевски⁴⁷) представляют развитие эпической поэмы о Кудруне по ступеням:

1. Вначале возникла древнегерманская песнь о Хильде. Она зародилась на севере у Балтийского моря в IV—V вв. Со временем она передвинется на юг.

⁴⁶ В песнях «Эдды» встречается и другая ситуация: Хельги, убийца Хёгни, женится на его дочери. Но тут кровавая развязка неизбежна: сын мстит за отца и убивает Хельги (см.: Вторая Песнь о Хельги Убийце Хундинга. — В кн.: Старшая Эдда, с. 85—93).

⁴⁷ См.: *Boesch B. Op. cit.*, S. XXIV—XXX; *Wisniewski R. Kudrun*. 2. Aufl. Stuttgart, 1969, S. 18.

2. В IX в. уже сложились условия для появления в устье Шельды шпильманской песни о Хильде. Здесь викингские элементы соединились с элементами поэм шпильманов, трагизм смягчился, что было характерно для творчества бродячих певцов.

3. В XI—XII вв. сложилась короткая шпильманская поэма в духе «Короля Ротера», «Соломона и Морольфа», как и другие подобные поэмы, бытовавшие на нижнем Рейне. Возможно, что она уже объединила содержание саги о Хильде и историю Кудруны. В ней уже проявились христианско-религиозные мотивы, возникшие под влиянием Крестовых походов, как, например, появление крестоносцев, столкновение с пилигримами, а также мотивы восточных сказок, как это мы наблюдаем в других шпильманских эпосах («Короле Ротере», «Герцоге Эрнсте»), что можно считать не заимствованием, а типологической чертой этого жанра. Трагический конец прежней саги о Хильде должен был здесь полностью измениться, а акцент переместиться на иные мотивы — сватовство, похищение невесты с помощью хитрости и ловких помощников, и т. д.; особенно важно то, что теперь выделяется роль Хоранта, искусного шпильмана, чье пение зачаровывает людей и зверей, подобно пению Орфея.

4. Последним этапом создания эпоса было воссоединение фабулы первой большой части поэмы с фабулой второй части (назовем их по примеру Ф. Панцера «Хильда-Кудруна») и переосмысление структуры и содержания всего эпоса так, что вторая часть стала главенствующей и, контрастируя своей серьезностью с первой, оттеснила историю Хильды на задний план. По мнению Р. Виснивски, несмотря на сложность

эволюции, основной конфликт сказания о Хильде остался неизменным⁴⁸. Это конфликт между родовыми связями индивида и его личными, любовными связями. Новизна проявилась лишь в устранении первоначального трагического конца. Власть родовых отношений должна была ослабевать по мере того, как укоренялось сознание личностных прав человека. Р. Висниwski, как это ни покажется вначале парадоксальным, приводит в качестве параллели развитие саги о гибели бургундов, легшей в основу «Песни о Нибелунгах». Действительно, в песнях «Эдды»⁴⁹ гибель бургундских королей объяснялась другими причинами, нежели в «Песни о Нибелунгах»: Атли (такова скандинавская форма имени Аттилы, Этцеля) зазывает к себе бургундов и убивает их, чтобы завладеть кладом нибелунгов — наследием Сигурда (Зигфрида). Трагическая развязка заключалась в том, что Гудруна (скандинавская параллель Кримхильде) мстит мужу за убийство братьев. Она убивает и Атли, и своих, рожденных от Атли, сыновей, а затем сжигает его палаты. В «Песни о Нибелунгах» происходит знаменательная трансформация: власть рода не имеет прежней силы в глазах героини. Невзирая на кровное родство, Кримхильда мстит братьям за смерть любимого мужа.

⁴⁸ См.: Wisniewski R. Op. cit., S. 19.

⁴⁹ См.: «Гренландская Песнь об Атли» и «Гренландские Речи Атли», — В кн.: Старшая Эдда, с. 137—152.

VIII. Истоки сюжета — история Кудруны

Гораздо меньше мы знаем об истоках главной части эпоса — истории Кудруны, у нее не было собственного круга саг. Не вполне ясно генетическое соотношение Хильды и Кудруны.

В этом вопросе сталкиваются два мнения ученых. Согласно одному (В. М. Жирмунский, Б. Симонс, Ф. Нойман), история Кудруны, дочери Хетеля, берет начало в предании о Хильде как ее парафраз⁵⁰. Согласно другому (А. Хойслер, И. Шреблер, М. Кюбель), у Кудруны свой собственный источник⁵¹. Его поиски породили немало измышлений, позднее отвергнутых.

*1. Гипотеза о «Хервиг-саге»
как об источнике истории Кудруны*

Еще В. Вильманс утверждал⁵², что история Кудруны явилась результатом контаминации двух саг, содержание которых такое: 1) У короля хегелингов похи-

⁵⁰ Как полагал В. М. Жирмунский, сказание о Кудруне вряд ли имеет самостоятельные источники: оно является вариантом похищения Хильды, обычным в эпосе и сказке «вторым кругом» — повествования, в котором шпильман еще раз проводит перед слушателем уже знакомых ему героев (см.: Жирмунский В. М. Немецкий героический эпос. — В кн.: История западноевропейской литературы, с. 118—119; Symons B. Einleitung. — In: Kudrun/Hrsg. von Symons B., 1883, S. XLI ff; Neumann F. «Kudrun». — In: Die deutsche Literatur des Mittelalters: Verfasserslexikon/Hrsg. von Stammler W., Berlin; Leipzig, 1936, Bd. 2, S. 976.

⁵¹ См.: Heusler A. Heldensage. — In: Reallexikon der germanische Altertumskunde/Hrsg. von Hoops J. Strassburg, 1913, Bd. 2, S. 520 ff; Schrobler J. Wikingische und spilmannische Elemente in zweiten Teil des Gudrunliedes. Halle, 1934, S. 44.

⁵² Willmans W. Die Entwicklung der Kudrundichtung, S. 224 ff.

щена дочь Гудруна. Король преследует похитителя Гартмута, настигает на морском острове и гибнет от его руки. Гудруна в плену, она терпит жестокое с ней обращение, но отказывается выйти замуж за Гартмута. Мать пленницы посылает войско под началом брата Гудруны Ортвина, чтобы освободить дочь. Тот убивает Гартмута и вместе с сестрой возвращается на родину. Роль брата является главной в освобождении Гудруны.

2) Вторая сага выводится Вильмансом из того, что в эпосе в похищении Кудруны подчеркнута роль Людвига — отца Хартмута. Он делает предположение, что в саге о Хервиге похитителем был именно Людвиг и действие саги происходило так: мелкий островной князь Хервиг сватается к дочери могучего короля и сражается за обладание ею. Он получает согласие на брак, но еще до свадьбы, в отсутствие жениха и отца, невеста похищена Людвигом. Хервиг преследует и убивает его. Здесь главной в освобождении девушки является роль жениха.

Вильманс считал, что в процессе контаминации двух саг — о Гудруне и о Хервиге — похититель Людвиг превратился в отца Хартмута, помогающего сыну добыть невесту.

Эта гипотеза была очень влиятельна и долго держалась. Л. Ю. Шепелевич, автор фундаментальной работы о «Кудруне»⁵³, в которой добросовестно отреферировал все труды, посвященные поэме, направил свои усилия на доказательство существования «Хервиг-саги».

⁵³ См.: Шепелевич Л. Кудруна: Историко-литературный этюд. Харьков, 1894; Шепелевич Л. Кудруна: Перевод II-й части поэмы (Гильда) и опыт ее исследования. Харьков, 1895.

2. Баллады, песни и сказки
как возможный источник эпоса

Подтверждение бытования отдельной «Хервиг-саги» Вильманс видит в шотландской балладе, записанной на острове Фоул со слов крестьянина, потомка норвежцев, колонизовавших в IX в. Шотландские, Гебридские и Оркадские острова. Вильманс считает, что эта баллада соединила эпизоды сказания о Хильде с эпизодами саг о Кудруне и Хервиге, причем ее конец сходен с «Песней о Нибелунгах».

В балладе рассказывается, что знатный норвежский витязь Хилюга посватался к королевской дочери Хильдине. Король дал свое согласие, но Хильдина отвергла жениха. Во время отсутствия короля и Хилюга ярл оркнейский (наместник короля) встретился с Хильдиной, покорила ее сердце и вместе с ней бежал. Король с Хилюгой догнал беглецов. Хильдина надеется установить мир между королем и ее возлюбленным, но Хилюга восстанавливает короля против ярла, вызывает соперника на поединок и убивает его. Хильдина возвращается в Норвегию и соглашается на брак с ненавистным ей Хилюгой, но на брачном пире дает гостям снотворное, велит вынести отца и поджигает чертог, где Хилюга погибает в пламени пожара.

Вильманс полагает, что Хилюга и Хервиг идентичны, ибо они оба не равня невестам, к которым сватаются (Хильдине — Кудруне). Похищение обеих девушек совершается в отсутствие их отцов, похитители ярл и Людвиг убиты, один — Хилюгой, другой — Хервигом⁵⁴.

Ф. Панцер отверг гипотезу Вильманса. Согласно его доводам, баллада эта относится ко времени значи-

⁵⁴ См.: Willmans W. Op. cit., S. 225.

тельно более позднему, чем поэма о Кудруне, и не имеет отношения к эпосу. О незнатности Хилюги в балладе нет и речи. В одном случае девушка увезена насильственно, в другом — уходит из дома по собственному желанию. Ярла убивает Хилюга, отвергнутый жених, который в такой ситуации совсем не походит на Хервига⁵⁵. Ф. Панцер конструирует свою сагу о Хервиге, основываясь на строфе 656 поэмы, где после битвы приглашенный в замок Хетеля Хервиг говорит Кудруне, что она пренебрегает им, поскольку он не знатного рода (*durch mîn lîhtes künne*).

По мнению Панцера, сага о Хервиге, легшая в основу III части эпоса, возникла из тирольской сказки о Золотоволосом⁵⁶ (в сборнике сказок братьев Гримм это «Goldener», но более известна она под названием «Железный Ганс»). Сказочная ситуация такова: благородный герой, одетый в бедное платье, неузнанный, под личиной простого садовника, завоевывает любовь королевской дочери, которая все же распознала его благородство. Отец красавицы отвергает Золотоволосого, пока наконец не узнает о его высоком происхождении.

По Панцеру, в «Хервиг-саге» герой выступает в качестве жениха, но так как все его люди и он сам одеты богато, то появляется другой мотив — мнимая худородность, которую Хервиг, как и его сказочный прототип, использует для маскировки. Вот это послед-

⁵⁵ См.: *Panzer F. Op. cit., S. 332.*

⁵⁶ См.: *Ibid., S. 251 ff., S. 440 ff.* Панцер пробовал применить к «Кудруне» так называемую сказочную теорию, выдвинутую В. Вундтом, согласно которой героический эпос непосредственно восходит к первобытным, первичным жанрам — культовой песне и сказке.

нее и отразилось в строфе 656 поэмы, однако этот мотив остался только намеченным, но не развитым.

Задачей поэта «Кудруны», согласно Панцеру, было соединить в целостное произведение доставшийся ему разнообразный и разрозненный материал, слить «Хервиг-сагу» с вариантом «Хильды-саги», украсить это рядом мотивов из шпильманского эпоса (из «Соломона и Морольфа», «Короля Ротера», «Герцога Эрнста»), с которым немецкий ученый находит у «Кудруны» много общего. Панцер считает отразившийся в поэме мотив отца, который отказывает всем женихам в руке дочери и убивает (женихов) сватов, заимствованием из позднего греческого романа об Апполонии Тирском. Панцер находит также сходство поэмы с русскими былинами о Василии Окульевиче и Соловье Будимировиче (сватовство, переодевание сватов купцами, приглашение царицы посмотреть на корабль и увоз ее, напоминающие похищение Хильды).

В поисках родственных мотивов и тем Панцер обратился к материалу, еще не использованному другими исследователями, а именно к песням балладного характера, бытующим в разных редакциях и вариантах на испанском, немецком, скандинавских и славянских языках, которые по имени их героини принято называть «балладами о Зюдели» («Замарашке» от нем. Südeln — «пачкать, марать»). В них рассказывается о королевской дочери, в раннем детстве похищенной у родителей. Королевна растет у злой госпожи, которая ее притесняет, заставляет работать как простую служанку, посылает стирать белье на берег моря (реки, ручья или к колодцу). Там ее встречает незнакомый рыцарь, которого восхищает ее красота. Он домогается любви девушки, предлагает ей

золото, подарки, но Зюдели все отклоняет. Девушка поверяет ему свою историю, называет родных. Рыцарь узнает в ней свою сестру. Баллада заканчивается тем, что рыцарь карает злую госпожу, обрекая ее на смерть, и увозит сестру домой к матери.

Другая группа баллад — «О прекрасной поморянке» — локализуется в местечке Готше (Крайна, после Первой мировой войны отошла к Югославии). Населенный потомками австро-баварских колонистов, устремившихся сюда в середине XIV в., Готше долгое время был своеобразным «лингвистическим островом» со своим говором, представляющим дальнейшее развитие баварского диалекта с аллеманскими и славянскими заимствованиями. В балладе, по всей вероятности занесенной из тех же мест, где создавались произведения героического эпоса, рассказывается, что ранним утром пришла на морской берег прекрасная поморянка, чтобы выстирать белье. В это время подплыл челнок, в котором сидел молодой господин. Он окликает девушку, дарит ей золотое кольцо, а затем сажает в челнок и увозит в свою страну, где она становится его женой.

Злая госпожа, помыкающая королевной, активная роль брата в освобождении пленницы, девушка-прачка, окружающая обстановка — раннее утро, берег моря — все как будто указывает на близкое родство с фабулой «Кудруны». Разделяя точку зрения Ф. Панцера, Г. Шнейдер считает балладу типа «Зюдели» наследницей героической песни и предшественницей «Кудруны»⁵⁷. Эту мысль развивает и Марта Кюбель.

⁵⁷ См.: *Schneider H. Ursprung und Alter der deutschen Volksballade.* — In: *Festschrift Ehrismann.* Berlin; Leipzig, 1925, S. 112.

Она расходится с Ф. Панцером лишь в оценке баллады о «Поморянке», считая ее не источником, а искаженным перепевом эпоса о Кудруне⁵⁸.

Но положения, выдвинутые Панцером, вызвали много возражений со стороны других ученых. Оспаривается, например, генетическая связь эпоса и баллад (Р. Менендес-Пидаль, Б. Бёш). Последние трактуются не только как значительно более поздние по сравнению с поэмой, но и глубоко чуждые ей по духу⁵⁹. А. Хойслер выступил против сказочной теории Панцера и назвал «губительной» роль, которую сыграл его «Золотоволосый» в изучении германских сказаний⁶⁰. Взгляды Хойслера спорны, когда он отрицает сказочное происхождение сказаний о Зигфриде⁶¹, но в данном случае он совершенно прав: сказка о «Золотоволосом» не имеет не только генетической связи с поэмой о Кудруне, но даже никаких типологических сходжений. Сопоставление Хервига с героем этой сказки Панцер строит на произвольно истолкованной строфе поэмы (656), чему в остальном тексте не находится подтверждений.

3. Гипотеза о существовании саги о Кудруне

А. Хойслер отверг также идеи Вильманса и других исследователей о том, что источником истории Кудруны была сага о Хервиге, точнее ее соединение

⁵⁸ См.: Kübel M. Das Fortleben des Kudrunepos. Leipzig, 1929.

⁵⁹ См.: Boesch B. Zur Einleitung.— In: Kudrun/Hrsg. von Symons B., 1883; 4. Aufl. bearb. von Boesch B., S. LV.

⁶⁰ См.: Хойслер А. Указ. соч., с. 375.

⁶¹ Подробнее о критике Хойслером сказочной теории Вундта и Панцера см.: Жирмунский В. М. Германский героический эпос в трудах Андреаса Хойслера.— В кн.: Хойслер А. Указ. соч., с. 43—45.

с переработанной сагой о Хильде. Главным доводом Хойслера было то, что эта часть эпоса, ставшая, как он выразился, «романом о Кудруне»⁶², не нуждалась в других источниках. У нее, как считал Хойслер, была большая предыстория и собственная сага, которая лежит в ее основе⁶³. Сопоставляя обе крупные части эпоса, он указал, что история Хильды по самой сути отличается от истории Кудруны. Хильда по своей воле бежала к Хетелю, тогда как Кудруна была насильственно увезена из родительского дома. И здесь, и далее расстановка и взаимоотношения действующих лиц, их характеры, психология совершенно различны. Хойслер конструирует сагу о Кудруне, идущую, как он полагает, из викингских времен IX—X вв., и сводит ее к следующему: Героиня похищена и долгие годы страдает в плену. Отец ее убит уже во время нападения на замок и увоза дочери. Брат героини мстит за смерть отца, освобождает и увозит сестру домой. Таким образом, сага, по Хойслеру, заканчивалась освобождением героини и мезтью, а не свадьбой. Все же новшества — введение Людвига, отца похитителя, убийство им отца Кудруны, а не Хартмутом, введение роли Хервига и т. д. — это создание последнего эпика, поэта «Кудруны».

Хойслер также считал, что в поэме три фавулы, «совершенно лишённые как временной, так и причинной связи, соединены друг с другом лишь действующими лицами и их генеалогией: принцип чисто механического сложения»⁶⁴. Мы постараемся дальше пока-

⁶² Хойслер А. Указ. соч., с. 137.

⁶³ См.: Heusler A. Op. cit., S. 520 ff.

⁶⁴ Хойслер А. Указ. соч., с. 316.

зять, что эпизоды, связанные с юностью Хагена, история Хильды и последняя часть, целиком посвященная Кудруне, составляют единое целое и должны были восприниматься в свое время как целостное произведение.

IX. Последнее воплощение «Кудруны»

Имя героини эпоса в рукописи — Cautrun, Cutrun. В скандинавской поэзии часто встречается его северная форма — Gudrun, тогда как древняя верхненемецкая его форма — Gundrun. Это — составное и «говорящее» имя, оно означает «вызывающая битву заклятиями» (Gûnd — «битва», run от gûne — «тайна, заклятие»). В древних источниках именно данное свойство было присуще Хильде как валькирии. Некоторые ученые делают заключение, что Гудрун — это северное имя Хильды: ведь gûnd и hild одинаковы по значению, они обозначают битву.

За время эволюции памятника претерпело изменение и имя героини. В устах бродячих нижненемецких певцов оно звучало без нозального звука *л*, а попав на австро-баварскую почву, утратило начальный спирантный звук *g*: он был заменен верхненемецким *sk*, соответствующим общенемецкому *k*. Вот почему исследователи, считающие, что поэма родилась в Северной Германии, сохраняют имя *Гудруна*, но все, кто основывается на ее австро-баварском происхождении, пишут *Кудруна*.

Как уже говорилось, в «Кудруне» сюжет сватовства, добывания невесты главенствует. Отсюда общность и сходство мотивов. Например, Хетель, отец

королевы, становится похож на своего тестя Хагена. Так же, как Хаген, он спесиво отказывает женихам в руке своей дочери. Но как причудливо дwoятся и трoятся эти мотивы! Вместо одного жениха — а им представал Хетель во второй части поэмы — в третьей части их появляется трое: мавр Зигфрид, норманнский князь Хартмут и зеландский король Хервиг; вместо одной битвы из-за невесты возникает три, а затем и того больше.

Вторая часть, посвященная Хильде (в особенности VI авентюра), звучит гимном любви с ее незаконными порывами («..На зов любви пошла бы по морю и по суку, // Когда б отцу родному перечить хватило мне духу...»). Героиня третьей части — Кудруна, чей образ стоит в центре повествования, любит Хервига, однако же никакого конфликта между ее чувством и семейным долгом нет. Напротив, можно сказать, что, давая согласие на брак с Хервигом Зеландским, она избавляет родных от бед, грозящих им со стороны влюбленного короля. Следовательно, основной конфликт здесь существенно меняется. На первом плане стоит честь и верность, которую Кудруна при самых жестоких обстоятельствах сохраняет в плену. Кудруна еще не стала *de facto* женой зеландского короля, ее отъезд к нему отложен на год под предлогом достойных приготовлений к будущей коронации, но она и Хервиг в присутствии свидетелей выразили согласие заключить брак и обменялись клятвами. По средневековым обычаям этого было достаточно, чтобы они считались мужем и женой.

Честь и верность лежат в основе рыцарского идеала, и Кудруна представляет его безупречное воплощение. Когда король Людвиг обещает пленнице земли

и замки, если она будет благосклонна к его сыну Хартмуту, Кудруна отвечает:

К кому же благосклонной я ныне быть могу,
Сама лишившись блага и, думаю, навеки?

Мне плакать надо, благо еще не закрылися веки.

Манера выражаться изысканно, отвечая врагу, до некоторой степени свойственна Кудруне. В этом проявляется высокомерие Кудруны, в котором упрекает ее жена Людвиг — Герлинда. Точнее было бы сказать, что в этом выражается достоинство пленницы и чувство превосходства над ее мучителями. Но когда злая Герлинда угрожает ей, знатная пленница отвечает, что лучше согласится делать всю черную работу служанки, чем станет женой Хартмута.

Герои эпоса постоянно помнят, с кем они связаны родством. Хильда, созывая вассалов в поход за дочерью, говорит: «Пусть помнит Хорант: он Хетелю родня...» (1084). Рядом с украшающими эпитетами, сопутствующими именам главных героев («смелый», «благородный» рыцарь, «знатная», «прекрасная» дама), часто указано: сын такого-то или дочь такого-то. В «Песни о Нибелунгах» Зигфрид тоже зовется «сыном Зигмунда», «сыном Зиглинды». Это свидетельствует о том, что поэма находится в русле древней эпической традиции. Но и сословная гордость феодальной верхушки здесь тоже нашла отражение. Так, на страницах поэмы то и дело обсуждается, кто кого знатнее. Например, Людвиг, когда сын задумал посвататься к Кудруне, говорит ему: «...Спесивы хегелинги, для них мы с тобой худородны» (592), Кудруна, заявляя, что она никогда не полюбит Хартмута, восклицает: «Будь он по родословной мне ровней,— и тогда бы...» (959) и т. п. И лишь однажды ниспровергается власть,

традиции, когда король Хервиг, отвергнутый как жених отцом Кудруны, идет с ним воевать. Видя перевес Хервига и сколько пролито крови, Кудруна молчит закончить сражение и тут же просит Хервига рассказать о его ближайших родичах. Традиционный вопрос задевает Хервига: он заподозрил, что Кудруна презирает его за то, что его род не знатен, и говорит ей, что знатные люди часто многим бывают обязаны незнатным. «Можно ль героем пренебречь, // что верно служит даме и с честью носит меч?» (657) — спрашивает Кудруна и признается, что любит Хервига. Здесь намечен, хотя и не развит, вывод о самоценности личности, о том, что человека надо ценить за его достоинства, а не за то, что он унаследовал от предков. Кудруна противопоставляет свой взгляд обычаям прежних поколений. Так, в конце поэмы (1582) она просит мать пощадить Ортруну, дочь Людвига, потому что она неповинна в преступлениях своих родичей и не может за них быть в ответе.

Генеалогический принцип, проходящий сквозь эпос и связывающий его части, не является формальным и внешним, как это считал Хойслер. Это не механическое сцепление разнородных частей, а то, что придает теперь уже единому целому движение во времени. Далекой стариной становится время Гере и Зигебанда, уходит в прошлое и легендарный «дикий Хаген», чьи молодые годы прошли на острове грифов. Хаген — олицетворение природных сил, однако он полон противоречий: «и дерзок, и смирен» (93), жестокость и мягкость уживаются в нем.

Вот наступают иные времена, и на смену приходит иное поколение, которое во многом отличается от поколения Хагена. Читатель обнаружит, что ир-

ландский король слишком простодушен и доверчив, что его двору не хватает куртуазности, утопченной рыцарской культуры, какая свойственна хегелингам, двору короля Хетеля. Блеск славы Хагена тускнеет. Когда же хитроумный план похищения его дочери удается хегелингам, то он становится страшен и жалок, как в «Одиссее» Гомера великан Полифем, обманутый Улиссом.

Королевство Хетеля выглядит феодальным государством, каким оно в идеале рисовалось людям XIII в. Раскинулось оно на обширном пространстве полуострова Ютландия и южном побережье Северного моря. Хетель свой стол «у хегелингов близ Дании воздвиг», — пишет создатель эпоса, не делая различий между вымышленными и реальными географическими названиями. Исследователи отмечают, что ряд названий (Фридешоттен, Валейс, Гарадея) он мог почерпнуть в романах Вольфрама фон Эшенбах «Парцифаль» и «Титурель», а восточные имена (Абакия, Абалия, Кампалия, Амилия) могли попасть в «Кудруну» еще на стадии ее существования как шпильманского эпоса.

В этой части поэмы много противоречивых, неясных моментов⁶⁵. Так, страна хегелингов — это название всего королевства Хетеля, а хегелинги — все его подданные (см. строфы 289, 507, 893 и др.). В то же время страна эта отделена от остальных земель, подвластных Хетелю, так как оттуда ездят в Данию и другие края (см. строфы 235, 271 и др.). Автор отличает хегелингов от фризов, датчан и др. Дания

⁶⁵ Все действительные и кажущиеся противоречия поэмы четко классифицировал Ф. Панцер в своем фундаментальном исследовании «Хильда-Гудруна» (Panzer F, Op. cit., S. 90—120).

предстает у него, с одной стороны, как самостоятельное королевство, управляемое Хорантом и Фруте, а с другой — как часть государства Хетеля, называемая Данией, и все ее жители называются датчанами. Отдельные части своего королевства Хетель отдал в лен верным вассалам: Данию — Хоранту, которого за особые заслуги наградили короной; марку Штурмен (филологи расшифровывают как Штурмари) — Вате; Ирольт правит фризями и гольштинцами; королевский сын Ортвин владеет Ортландией (иначе Нортландией); Морунг — Нифландией (иначе Лифляндией), одновременно он маркграф марки Валейс.

Идея верности, главной моральной ценности этой эпохи, является непреложным законом для всех подданных Хетеля, а их отношения с государем определяются понятиями «служения» и «награды». Они служат Хетелю «на родине и на чужбине», помогают ему добыть невесту. Когда же король погибает, то вассалы служат его вдове. Вате, Морунг, Ирольт, Хорант и Фруте останутся до конца такими, какими были, дальнейшие события не изменят их внутренних качеств.

В третьей части поэмы речь пойдет уже не о вассальной верности (она подразумевается). Здесь противопоставлены друг другу независимые и равные государи.

В битвах из-за Кудруны можно видеть отражение походов французских норманнов на побережье Северного моря. Ученые старой школы — К. Мюлленгоф, Л. Шепелевич, Ф. Панцер, а в наше время академик ГДР Т. Фринге старались вскрыть реальную основу событий поэмы. Одни исследователи считают короля Хервига правителем Зеландии — провинции Нидер-

ландов в устье Шельды, другие — властителем фризской Зеландии между Рейном и Везером. В столкновениях Хервига с Людвигом и Хартмутом отразились, как думают, набеги норманнов на земли древней Фрисландии, участвовавшие в конце IX в. Для мавра Зигфрида, тоже воюющего из-за Кудруны, находят прямой прототип: им оказывается норманнский князь Зигфрид, принимавший участие в осаде Парижа и в других сражениях во Франции, а также в походах норманнов на области устья Мааса и Шельды, где он был убит в 887 г. Если даже эта версия правильна, остается непонятным, каким образом датский князь преобразился в мавританского короля. У поэтических произведений своя логика, не соотнобразующаяся с фактами, хотя бы и историческими. Вначале говорится, что своей смелостью Зигфрид мог снискать благосклонность королевы, «хотя лицом и телом был черен рыцарь юный» (583). Но Хетель отказал ему в руке своей дочери. В конце же оказывается, что мавр белокож и златокудр, так как родился от брака мавра и белой христианки.

Зигфрид и Хервиг равно представлены в поэме как истые рыцари, способные на любовь-служение. Это — куртуазно-рыцарская концепция «высокой любви», согласно ей Хервиг совершает чудеса храбрости, а выбитый из седла, терзается стыдом, что его дама могла в этот миг его видеть. И Зигфрид бьется на турнирах, затевает потешное сражение в честь Кудруны, когда она возвращается из церкви во дворец.

Из всех искателей руки Кудруны князь Хартмут предстает как фигура противоречивая и менее других традиционная. Посватавшись к Кудруне, он получает отказ Хетеля, и тем не менее он инкогнито является

во дворец короля, принимает участие в турнире и наконец открывает свою тайну Кудруне. Последняя не остается безучастной к отважному рыцарю и велит ему скорее уехать, «покуда гостя Хетель и люди его не узнали» (625). Этот намек на ответное чувство со стороны Кудруны можно отнести к «слепым мотивам» (по терминологии Панцера), т. е. намеченным, но не реализованным. Б. Бёш, обративший внимание на это обстоятельство, пробует объяснить его тем, что история Кудруны развилась из истории Хильды. Изменившись по существу, она сохранила какие-то рудименты саги о Хильде — королевской дочери, по собственной воле бежавшей к возлюбленному. В промелькнувшей, как тень, склонности Кудруны к Хартмуту Бёш видит осколок прежнего сюжета, тогда как новый, переработанный сюжет посвящен совершенно другому, в нем нет места стовору с похитителем. Думается, что тут не надо искать противоречий. В XI аванюре, о которой идет речь, Кудруна держит себя безупречно. Она являет образец того умения владеть собой и управлять своими поступками, которое требует ее нравственное чувство, что и обозначалось в рыцарском обществе понятием «мера» (mâze). То, что Кудруна покорена красотой Хартмута, его безрассудной удалью, благосклонна к нему, хотя и не собирается укреплять в нем надежду,— все это вносит дополнительные черты в характер героини, отличающийся психологической глубиной.

Портрет Хартмута написан крупно, размашистой кистью, «викингские» элементы органически слились в нем с чертами рыцаря эпохи Штауфенов, у которого строгое следование нормам сословной этики сочетается с дикостью и жестокостью. Так, Хартмут

дважды спасает героиню от смерти, но при этом сам по-разбойничьи увозит Кудруну и грозит, что совершит над ней насилие, если она не отдастся ему добровольно. Надо заметить, что такое сочетание вежества и брутальности присуще не одному только Хартмуту, но и его соперникам Зигфриду и Хервигу, однако их характеры гораздо бледней, схематичней.

А. Бек доказывает, что Хартмут — «любимец» автора «Кудруны», который своего героя облагораживает и по возможности вину за жестокое обращение с пленницей перекладывает на мать Герлинду⁶⁶. Действительно, Хартмут старается оправдаться перед Кудруной, сообщая ей, что будто бы он не знал о ее страданиях, что они ему самому причиняют боль (1633), свою мать он упрекает в жестокое обращение с «бедной сиротой» (1014). Такое оправдание Хартмута мало правдоподобно. Но в эпосе не следует во всем искать житейского правдоподобия.

Говоря о нормандской королеве Герлинде, поэт утрачивает спокойный тон повествования, он ее осуждает, называет «старой волчицей», «чёртовкой», «злой дьяволицей», «злой Герлиндой», и в этих постоянных эпитетах и определениях есть что-то от народной сказки. Конечно, и «чёртовка», и «дьяволица» — не просто бранные слова, а еще указание на демоническое начало, присущее злой королеве. И в то же время Герлинда — любящая мать, тираня Кудруну, она защищает интересы сына. Ф. Панцер справедливо отмечает, что судьба Герлинды — судьба трагическая⁶⁷.

⁶⁶ См.: Beck A. Op. cit., S. 34—38.

⁶⁷ См.: Panzer F. Op. cit., S. 135.

Следует обратить внимание на то, что герои эпоса остаются вечно молодыми и прекрасными, как будто время не властно над ними. Большой частью это воспринимается читателем, как неотъемлемое свойство того поэтического мира, в котором они живут. Кудруна остается молодой и прекрасной, хотя она тринадцать лет провела в плену, которые могли бы составить всякого другого. Не отразились прожитые годы и на Хильдебурге, верной подруге Кудруны, разделившей с ней все тяжкие испытания. Но Хильдебурга — одна из трех королевен с острова грифов — ведь также подруга матери Кудруны и, как это ни странно, сверстница и подруга ее бабки.

И все же время оставляет свой след, проводит черту, разделяющую поколения, что в первую очередь сказывается в их мышлении. Кудруна мыслит иначе, чем ее мать, чем старый Вате, их родич и верный вассал. Мысль о мести не поглощает ее всю без остатка, как старую королеву. Отлична Кудруна и от величественно-свирепых героинь «Песни о Нибелунгах». В немецкой критике не раз отмечалось, что Кудруна — это анти-Кримхильда, «Кримхильда с обратным знаком» (Бруно Бёш, Хуго Кун и др.)⁶⁸. В самом деле у автора «Кудруны» совсем иная концепция героини. Ее сила — в стойкости, с какой она переносит все унижения плена и все-таки остается непокоренной. Терпение Кудруны — не рабское терпение Гризельды и верность иная, чем у Верного Эккарта, — персонажей, ставших символом христианского смире-

⁶⁸ См.: Boesch B. Zur Einleitung, S. LXII; Kuhn H. Op. cit. S. 135—143; Hofmann W. Op. cit., S. 250.

ния⁶⁹. Недаром Герлинда называет ее строптивой. Кудрупа метет комнаты злой госпожи, топит печи, стирает в море белье, но не идет ни на какие сделки со своими мучителями. Она ропщет, грозит, упрекает Хартмута и Герлинду, призывает кары небесные на их головы. После встречи на морском берегу с Ортвином и Хервигом она больше не хочет терпеть издевательств над собой и бросает выстиранное белье в воду. Впечатление от этой сцены усиливается еще робостью Хильдебурги, ее верной подруги, которая со страхом взирает на действия Кудруны и, боясь дурных последствий, советует ей смириться. Когда же злая Герлинда собирается подвергнуть взбунтовавшуюся пленницу телесному наказанию, Кудруна решает прибегнуть к хитрости и, чтобы избежать позора, ложно обещает ей стать женой Хартмута. Можно спорить, достойна ли эта уловка героини, но очевидно, что с этого момента развитие сюжета приобретает особую напряженность. Героиня знает, что близко ее освобождение, близко возмездие ее обидчикам. Однако когда хегелинги, освобождающие Кудруну, одерживают победу, Кудруна больше не выступает в роли грозной мстительницы. К ней подходят искать милосердия юная Ортруна со своими служанками и даже Герлинда. Дочь Хетеля позволяет им укрыться у себя. И хотя ей не удается спасти королеву Гер-

⁶⁹ Гризельда — героиня новеллы Боккаччио. Крестьянская дочь, ставшая женой рыцаря, Гризельда покорно сносит жестокость мужа, который испытывает ее терпение («Декамерон», X, 10). Этот сюжет был очень популярен на исходе Средних веков. Верный Экарт — герой средневековой «Саги о Тидреке», наставник двух братьев, готовый погибнуть, защищая их от жестокого дяди Эрманариха.

линду, которую предаст смерти Вате, по Ортруна с ее служанками спасена. Более того, неотступные просьбы Ортруны (единственной в стане норманнов, кто сострадал пленнице) тронули Кудруну, и она спасла Хартмута от неминуемой смерти в поединке с Вате. Никого другого, как Хервига, послала она на выручку к Хартмуту.

Кудруна, Хервиг, Ортруна, Ортвин, Зигфрид — это те молодые люди, которых в конце концов объединят крепкая дружба, невзирая на то, на чьей стороне они были прежде. Всем им хочется счастья. Кудруна, провозвестница мира, берется устроить его, закрепив соглашение несколькими брачными союзами: Хартмут, получивший назад свои земли, должен жениться на Хильдебурге; брат Кудруны Ортвин берет в жены Ортруну, сестру Хартмута (созвучие имен Ортвин — Ортруна как бы предвещает их предназначенность друг для друга); Кудруна соединяется с Хервигом; и в довершение Зигфрид, прежний соперник Хервига, женится на его сестре.

Старый Вате и королева Хильда — представители старшего поколения. Язык милосердия непонятен Вате, ему кажется нелепым, что Хартмут пощажен. Также и мать Кудруны сначала отказывается приветить Ортруну. Старые взгляды и этические нормы не изжиты, но они потеснены: Вате приходится смириться с тем, что происходит вокруг, а королеве Хильде — с женитьбой сына на дочери Людвига.

Теперь видно, как сильно отличается развязка Кудруны от кровавого апофеоза «Песни о Нибелунгах». Примиряющая тенденция лежит в самом характере «младшего» эпоса. Не только Кудруна, но и

Хильда во второй части поэмы, и «дикий Хаген» в его начале — миротворцы.

Большинство исследователей миротворческие идеи эпоса приписывают влиянию христианства. Годы Крестовых походов в переднюю Азию и Прибалтику, в северную Италию не прошли даром, сделали злободневными вопросы, так или иначе связанные с вероисповеданием. В «Кудруне» христианизация сказана сильнее, чем в «Песни о Нибелунгах», она затронула сам образ мышления героев поэмы в противоположность героям «Песни», где церковная религиозность является лишь тонкой оболочкой, прикрывающей их глубинную суть, унаследованную от дохристианских времен. Внешняя сторона христианской религиозности в «Кудруне», как и в других эпосах, выражается в речевых формулах, вошедших в обиход средневекового человека, упоминании имени Христа, ссылках на действия и волю Божию. Церковная служба в поэме представлена как часть феодального быта. В ней чаще, чем в «Песни о Нибелунгах», упоминаются христианские праздники (так, если в «Песни» упоминается только Троица, то в «Кудруне» названы Вербное воскресенье, Пасха, Рождество). О религиозных обрядах говорится, как о чем-то само собой разумеющемся (крещение Хагена, его брак с индийской королевной, их коронация «по христианскому обычаю»).

Но все это — лишь фон основного действия поэмы. Более существенны два эпизода. Первый из них — эпизод с паломниками (XVI авентюра). Хетель собирается в погоню за похитителем Кудруны, но у него нет пригодных к плаванию кораблей. Тогда Вате отнимает корабли и запас продовольствия у пилигри-

мов, остановившихся в ближней гавани, и обещает заплатить за все на обратном пути. В поэме появляется понятие греха, чего не было в «Песни о Нибелунгах». Поэт говорит, что в расплату за обиду, причиненную пилигримам, очень мало людей возвратилось невредимыми в страну хегелингов (844), много родичей Вате погибло, и ему самому пришлось испытать много горя (840). Паломники — их больше трех тысяч — посылают хегелингам проклятия, но Хетеля не смущает, что он помешал крестоносному походу. Он забирает пятьсот пилигримов в свое войско. Поэт замечает, что, видимо, господь покарал Хетеля и его войско за те страдания, которые он причинил паломникам (845). Этим же в дальнейшем объясняется смерть Хетеля от руки Людвига и поражение хегелингов на Вюльпензанде. Уже не поэт, а один из героев эпоса, старый Вате, осознав свою вину, рассказывает королеве о случившемся, и Хильда признает, что совершен большой грех. Она велит вернуть корабли пилигримам и возместить убытки втройне, т. е. больше, чем предписывалось церковным правом.

То, что кара исходит от небесных, а не от земных сил, свидетельствует о религиозном сознании рассказчика. Однако некоторые современные исследователи преувеличивают религиозный момент в структуре эпоса и придают «Кудруне» не свойственное ей спиритуалистическое звучание. В. Гофман полемизирует по этому поводу с Маргарет Вееге и В. Вильсоном⁷⁰. Первая усматривает в поражении хегелингов

⁷⁰ См.: *Hoffman W. Op. cit.*, S. 240—250; *Weege M. Das Kudrun-epos, eine Dichtung des Hochmittelalters. Mainz, 1953*; *Wilson W. Passio and compassio in the Cudrun.—Modern Language Review*, v, 58 (1965), p. 564—576.

кару за их изначальную вину — за грех гордыни. Гофман считает, что Вееге более христиански настроена, чем сама поэма. Никакой метафизической вины на защитниках Кудруны нет. Грех, по их представлениям, — это неправое дело, которое может быть исправлено делом же: за нанесенный ущерб заплатить выкуп, а нанесенную обиду загладить раскаянием, в знак чего при погребении убитых хегелинги совершают церковные службы, на месте битвы строят монастырь с приютом для больных, куда родственники погибших шлют подаяние, имущество умерших продают, а вырученные деньги раздают беднякам за упокой души погребенных. Последнее сходно с поступками в «Песни о Нибелунгах» (строфы 1061 и след.), где Кримхильда раздает милостыню за упокой души Зигфрида. Разумеется, о грехах в «Песни» ничего не говорится, тогда как в «Кудруне» это — действительное средство очистить грешные души (914). Добавим, что в этих покаянных действиях можно усмотреть и практическую цель: Вате говорит королеве, что для успеха их нового похода за освобождение Кудруны надо вернуть пилигримам корабли (431), чтобы умиловить бога.

В. Гофман отвергает также толкование В. Вильсона, согласно которому «Кудруна» — ортодоксально-католическое произведение, проникнутое христианской символикой (например, когда Хильда платит паломникам за их потери тройне — подразумевается символ Троицы; страдания Кудруны в плену — это символ страстей Христовых, и т. д.).

Остановимся теперь на эпизоде, видимо, действительно связанном с христианской идеологией. Это явление птицы-ангела, приплывшей по волнам и от-

крывающей Кудруне, что в недалеком будущем ее ждет освобождение из плена. Птица, возговорившая человеческим голосом, объявляет себя посланцем божьим. Автор несколько раз называет ее «высоким ангелом». Пророчество вскоре сбывается.

Ученый старой школы А. Шёнбах⁷¹ считает, что этот эпизод навеян евангельским рассказом о явлении архангела Гавриила деве Марии и Благовещении (Ев. от Луки, I, 26—38). Его аргументы состоят в том, что Кудруне тоже явился ангел и принес благую весть и что чудо происходит, как можно догадаться, 25 марта, во время поста в честь Благовещения Марии, особенно почитаемого в Средние века. В связи с этим эпизодом Ф. Панцер⁷² приводит различные примеры сказочного мотива вещей птиц, тогда как В. Гофман считает, что здесь чувствуется влияние средневековой христианской легенды безотносительно к Благовещению.

Мы позволим себе высказать предположение, что этот эпизод мог быть инспирирован «Песнью о Нибелунгах». В XXV авентюре «Песни» Хаген встречает трех вещей жен, купающихся в реке. Они, как птицы, носятся над волнами. Завладев их платьем, он вынуждает их открыть ему будущее. Пророчество вещей жен оказывается роковым. Одежда, которую Хаген возвращает вещуньям, должно быть, была птичьим оперением — лебедиными рубашками, которые на более древней ступени сказания⁷³ они сбра-

⁷¹ См.: *Schönbach A.* Das Christentum in der altdeutschen Heldendichtung. Graz, 1897, S. 115 ff.

⁷² *Panzer F.* Op. cit., S. 381.

⁷³ Хойслер пишет: «Автор заимствовал их, даже не очеловечив, но, конечно, и не разделяя народного верования: он не по-

ывали, принимая человеческий облик. В «Кудруне» птица-ангел, которая тоже носится по волнам, могла появиться в результате дальнейшего переосмысления образа, большей его христианизации. То, что предсказание благое, соответствует всей оптимистической концепции поэта «Кудруны» и антитетично «Песни».

Религиозное сознание предполагает также наличие враждебных человеку дьявольских сил. В «Кудруне» королевского сына уносит гриф, который осмысливается как «посланец дьявола». Три королевские дочери на острове грифов принимают Хагена за горного гнома и с ужасом на него взирают. Их успокаивают заверения Хагена, что он крещен. Точно так же мореходы принимают Хагена и трех королевен за лесную пещишь и успокаиваются только тогда, когда он заклинает их именем Христовым.

Сознание средневекового человека, как оно отразилось в эпосе, сложнее и противоречивей, чем застывшее миропонимание клириков с его ортодоксальным разделением на добро и зло.

Поэт называет Герлинду «дьяволицей», «чертовкой», и в этом выражается ее осуждение и объяснение ее бесчеловечной сущности. «Дикий Хаген», став королем Ирландии, карает неправых, защищает друзей, побеждает врагов и заслуживает прозвище «Сам дьявол над князьями». В этом выражается восхищение его силой и смелостью.

нял, что девы-лебеди, сбросив с себя свои чудесные одеяния, купаются в человеческом облике, а затем вновь становятся птицами (см. строфы 1536 и 1538)». Хойслер А. Указ. соч., с. 143. В «Старшей Эдде» лебляжьим сорочкам носят девы-валькирии («Песнь о Вёлунде»).

В восприятии рассказчика воедино сливаются творимые господом чудеса и сказочные волшебные превращения. В одной и той же строфе говорится о том, что королевны, поев драконьего мяса, разом окрепли, они стали прекрасны телом и лицом, «их бог питал незримо и разум им дал не по летам» (81). Видимо, именно к таким явлениям применим термин «народная культура»⁷⁴.

В поэме рассказывается о дивном пении Хоранта. Волшебная сила его искусства была такова, что им заслушивались и люди, и звери. Кто раз услышал Хоранта, тот только его и хотел слушать, не умиляясь более ни пением церковного хора, ни звоном колоколов. И в этих словах не осуждение, а высшая похвала.

Индийская жена Хагена, по представлению поэта, видимо, от рождения христианка, но брак христиан с язычниками ему вообще не кажется запретным, так как мавр Зигфрид беспрепятственно женится на сестре Хервига. В числе вассалов Хагена и Зигебанда есть как язычники, так и христиане (183).

В этой области воззрения автора «Кудруны» ближе всего взглядам Вольфрама фон Эшенбах, а его мавр Зигфрид и по внешнему сходству (рожден от смешанного брака), и по его месту в сюжете — близкий родственник вольфрамова Фейрефица.

⁷⁴ А. Я. Гуревич пишет: «К такому мировосприятию, которое возникало в результате сложного и противоречивого взаимодействия традиционного фольклорного фонда с христианством, применяется здесь определение — «народная культура средневековья» (Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры, М., 1981, с. 10),

Обратимся к развязке поэмы. На протяжении всей последней части «Кудруны» месть норманнам, по мысли поэта и его героев-хегелингов, была делом правым. Теперь же героиня вместе с сестрой Хартмута просит помиловать норманнского князя, вернуть ему свободу. Она говорит: «Никто за зло не должен платить другому злом» (1595). Это речение, как отмечают А. Шёнбах и А. Бек⁷⁵, перекликается с известной евангельской заповедью. (Ев. от Матф., V, 44). Для всей поэмы характерна множественность мотивов, как это было выявлено еще Ф. Панцером⁷⁶. Множественность мотивов, по нашему мнению, есть и в развязке поэмы. Наряду с религиозным мотивом всепрощения, как он прозвучал в приведенных словах Кудруны, есть другие мотивы, более тесно связанные с фабулой и с характером действующих лиц. Надо вспомнить, что Хартмут только что спас Кудруне жизнь, что Ортруна ходатайствует за брата, наконец что главной причиной хлопот Кудруны является ее желание установить мир для всех — для победителей и побежденных, мавров и христиан. И если это в известной мере совпадало с евангельской заповедью, то шло вразрез, скажем, с практикой Крестовых походов. Деятельность пилигримов-крестоносцев совсем не была такой безобидной и мирной, как это показано в поэме.

Поэма изначально лишена того трагизма, который присущ «Песни о Нибелунгах». Это дало повод некоторым исследователям утверждать, что «Кудруна» —

⁷⁵ Schönbach A. Op. cit., S. 114; Beck A. Op. cit., S. 54—55.

⁷⁶ См.: Panzer F. Op. cit., S. 116.*

рыцарский роман (Ф. Панцер⁷⁷), что она «недостаточно героична» (Г. Шнейдер⁷⁸), тогда как другие (А. Бек, Р. Висниевски⁷⁹) считают, что отсутствие героического элемента, присущего старогерманскому эпосу, где герой почти всегда погибает, поэт восполняет годами плена Кудруны.

В самом деле, честь и верность, хранимые героиней, почитались величайшими моральными ценностями в докуртуазную и в дофеодальную пору, и тогда же история пленницы — сюжет, который позволил этот эпос назвать «Книгой о Кудруне», — волновала многоликую аудиторию и вызывала у нее сочувствие.

Пусть мы не знаем саги, которая передала бы все перипетии этого сюжета, но его отдельные звенья — нападение на замок, увоз героини, плен, освобождение из плена — встречаются в очень древних памятниках. Свидетельством этого служит англосаксонская героическая поэма «Беовульф», дошедшая в рукописи X в. В ней на пире в честь славного героя Беовульфа дружинный певец исполняет эпическую песнь, повествующую о битвах данов (датчан) и фризов, о том, как даны нарушили договор о мире, сожгли и разграбили дворец короля фризов Финна, самого убили, а жена его стала пленницей⁸⁰. И в эддической «Первой песни о Гудрун» (строфы 6—10) знатная гуннская женщина по имени Херборг рассказывает, как она потеряла семерых сыновей и мужа, погибших

⁷⁷ См.: *Ibid.*, S. 488.

⁷⁸ *Schneider H.* Germanische Heldensage. Berlin; Leipzig, 1978, Bd. 1, S. 376.

⁷⁹ См.: *Beck A.* *Op. cit.*, S. 49; *Wisniewski R.* *Op. cit.*, S. 70—71.

⁸⁰ См.: Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Худож. лит., 1975, с. 80—84.

в битве, лишилась всех остальных родичей и стала пленницей:

9. В плен тогда же
Сама я попала,
рабство извела
в те полгода;
жену вождя
одевала и обувь
ей подавала
каждое утро.

10. Ревновала она,
бранила меня,
жестокими были
ее лобон;
хозяина лучше
нигде не видала,
хозяйки хуже
нигде не встречала!⁸¹

Можно привести и другие примеры из саг. Певец «Кудруны» их мог не знать, но он гениально воссоздал сюжет, подсказанный ему жизнью. Свою героиню он вознес высоко над названными и безымянными женщинами, страдавшими в плену. Кудруна тем и отличается от пленниц эпических песен и саг, что она не пассивный объект разбойничьих притязаний похитителя или благородных усилий своих освободителей, но субъект мыслящий и действующий. Кудруна бескомпромиссна, как и герои эддических песен, в том смысле, что она смерть предпочитает бесчестью (959). Королева Хильда, снаряжая своих вассалов в поход за дочерью, говорит о том же: «Скорей умрет Кудруна, чем Хартмута примет в объятия».

В куртуазном романе освобождение пленниц, где рыцарь мог проявить себя наилучшим образом, стало устойчивым и любимым мотивом. Стоит сравнить плен и освобождение Кудруны с авантюрой в «Парцифале», где доблестный Гаван освобождает из заточенья пленниц злокозпленного волшебника Клингсора, чтобы убедиться, насколько поэт «Кудруны» по духу и воззрениям ближе к горестным былям прои-

⁸¹ Старшая Эдда, с. 113.

лого, чем к затейливой феерии Вольфрама фон Эшенбах, хотя и куртуазные идеалы (в частности Вольфрама) во многом на него влияли.

Кто же был этот поэт? Уроженец Австрии или Баварии, он мог быть шпильманом, в пользу чего говорит как его неизменная симпатия к этому «бродячему люду», так и выдающаяся роль благородного шпильмана Хоранта в поэме или восхищение его искусством⁸². Поэма сохранила некоторые черты, присущие шпильманским поэмам, например, обращения к слушателям, указывающие на живое общение певца с аудиторией, а также то, что поэма анонимна. Это подкрепляет наше предположение об авторе-шпильмане. Как мы говорили выше, поэты-рыцари называли себя в своих произведениях, так же как клирики, тогда как шпильманские поэмы, как правило, безымянные.

Однако поэт «Кудруны» не безграмотный певец, потешник и скоморох прежних времен, держащий в памяти свое творенье. Он человек для своего времени образованный, книголюб, хорошо знающий романы Вольфрама и Готфрида, а что касается «Песни о Нибелунгах», то он настолько хорошо ориентируется в ней, что, как полагал Кеттнер, «когда он работал, «Песнь о Нибелунгах» лежала перед ним раскрытой»⁸³. Автор «Кудруны» мог быть и клириком (в последнее время все чаще относят это к автору «Песни»), ученым монахом или священником, состоящим

⁸² «Петь как Хорант» или «Петь лучше Хоранта» вошло в поговорку и несколько раз встречается в стихотворных произведениях второй половины XIII в.

⁸³ Kettner E. Der Einfluss des Nibelungenliedes auf die Gudrun.— Zeitschrift für deutsche Philologie, Bd. 23 (1891), S. 205.

на службе у знатного феодала в должности секретаря. Он мог быть и небогатым рыцарем, министерялом. Но нам легче представить его духовный облик, чем жизненные обстоятельства.

«Кудруна» была завершена после Четвертого крестового похода (1202—1204), когда начинают проявляться признаки упадка феодальной рыцарской культуры. Назовем лишь два имени — Ульриха фон Лихтенштейн и Нейдхарта фон Рейенталь, современников поэта «Кудруны», в творчестве которых видны уже переломные, кризисные черты рыцарского искусства. Чуждый манерности первого из них и бытового натурализма второго, поэт «Кудруны» стремится следовать идеальным устремлениям, свойственным расцвету рыцарской поэзии, сохранить величавость и благородство героического эпоса и тот оптимистический взгляд на историю, который утратила трагически-героическая «Песнь о Нибелунгах». Последнее удается поэту, но только ценой потери: «Кудруна» проигрывает в художественной цельности и силе, чем отличается развязка «Песни о Нибелунгах». Окончание «Кудруны» бледно, не подготовлено психологически, оно утопично. Что поделать, ведь развязка великих произведений этого века — «Бедного Генриха» Гартмана фон Ауэ и «Парцифаля» Вольфрама тоже утопична. Мечта о человеческом братстве, о мире, так необходимых людям, пока еще не обрела почвы.

Х. Проблема перевода

Вскоре после первого издания «Кудруны» (1820) в Германии встала проблема перевода поэмы на современный немецкий язык. Но сначала появились ее

стихотворные пересказы. Были опубликованы отрывки, переведенные гекзаметром⁸⁴. Первый полный перевод на новый верхненемецкий язык сделал А. Келлер⁸⁵. И этот-то перевод, близкий к тексту, выполненный размером подлинника, подверг уничтожающей критике В. Гримм. «Я не могу этого читать без внутреннего сопротивления»⁸⁶, — заявляет Гримм и поясняет, что перевод с древнего языка на тот же язык, но современный, ведет за собой непреодолимые трудности. Многие слова и выражения старинной речи, констатирует Гримм, уже утратили свой прежний смысл и значат сегодня совершенно другое. Одни выражения переводчика, по его мнению, звучат чересчур деловито, другие, дословно копирующие подлинник, кажутся теперь непонятными, грубыми, поэтому, оставленные на своих местах, они ведут к искажению содержания. Пафос гриммовской критики — в отрицании дословного перевода. Он за то, чтобы передавать дух и смысл оригинала.

В конце Гримм приводит образцовый перевод К. Зимрока, выдержавший впоследствии много переизданий⁸⁷.

Приведенная полемика поучительна тем, что в ней отражены вопросы, которые дискутируются и через сто сорок лет после нее и видны трудности, встаю-

⁸⁴ Gudrun, ein episches Gedicht: Programm und Probesgesang. Leipzig, 1836 (автор перевода не указан).

⁸⁵ Gudrun/Übers. ins Neuhochdeutsche von Keller A. Stuttgart, 1840.

⁸⁶ См.: *Grimm W.* Einleitung zur Vorlesung über Gudrun, S. 574—575.

⁸⁷ Gudrun: Deutsches Heldenlied/Übers. von Simrock K. Leipzig, 1843.

щие перед переводчиком, особенно при переводе с немецкого на другой язык.

Кроме точности перевода и верности истолкования (эти задачи для всякого перевода обязательны), здесь была еще одна первостепенная задача — освоить размер стиха, которым написана «Кудруна». «Очень важно передать в переводе интонации и ритм подлинника. Иной переводчик — даже самый точный — может обогатить автора», — очень верно пишет С. Я. Маршак⁸⁸. Между тем размер кудруновой строфы — абсолютно чужой для русского слуха. Воспроизведенный буквально, он не может звучать поэтически. Значит, надо не рабски копировать, а найти нечто равноценное по впечатлению, которое оставляют четыре длинных стиха, распадающиеся на два полустихия каждый, в особенности же передать тяжелую «поступь» последнего полустихия, растянутого на шесть ударных слогов. В нашем переводе мы решили не менять счет ударений, а сменить лишь самый размер с двухсложного на трехсложный и перейти в данном случае с ямба на амфибрахий в последнем, восьмом полустихе строфы.

Мы считали необходимым стремиться к равнострочию, соответствию числа цезурных рифм и т. д. В «Кудруне» каждая строфа представляет законченное целое, что еще подчеркнуто каденцией последнего полустиха, а он нередко звучит афористически (см. строфы 5, 31, 359 и др.). Исключения, когда синтаксическая граница фразы не совпадает с концом строфы и переносится в последующую, немногочис-

⁸⁸ Маршак С. Я. Собр. соч.: В 8-ми т. М.: Худож. лит., 1971, т. 6, с. 374.

ленны (например, строфы 274—275, 649—650). Это требует пристального внимания к отдельной строфе, ее структуре и месту.

В языке «Кудруны» множество устойчивых выражений, постоянных эпитетов, характерных вообще для героического эпоса. Но в поэме большее разнообразие оборотов речи, чем в «старшем» эпосе. По сравнению с «Песнью о Нибелунгах» язык «Кудруны» более мягкий, изысканный, цветущий, тогда как словарь «Песни» проще, скованней⁸⁹. Но необходимо добавить, что в «Кудруне» тоже есть какая-то «жесткость», встречаются окостенелые обороты, по сегодняшнему определению, канцеляризмы. Они составляют определенный стилистический пласт, который нельзя выключить, не обеднив поэмы. Вероятно, это деловой язык, язык имперской канцелярии, который проник в разговорную немецкую речь. Приведем пример: «*Ir wizzet wol, her Hartmuot, wie es darumbestât*», — обращается Кудруна к Хартмуту. В переводе это звучит так: «Ведь вам известно, сударь, как дело обстоит» (1032).

Что касается содержания эпоса, то, добираясь до сути, постоянно ощущая толщу веков, отделяющую нас от «Кудруны», нам хотелось не упустить подробностей быта и нравов, удивляющих нас своей непохожестью.

⁸⁹ См.: Schönbach A. Op. cit., S. 127.

* * *

Переводчик приносит благодарность ленинградским коллегам за помощь, оказанную ему в работе над «Кудруной», особенно Софье Викторовне Поляковой.

Он также сердечно благодарит Австрийскую национальную библиотеку в Вене в лице одного из ее руководителей гофрата д-ра Вальтера Визера за предоставление фотоконий фрагментов уникальной рукописи «Кудруны».

ПРИМЕЧАНИЯ

Эпическая поэма «Кудруна», созданная в первой половине XIII в., дошла до нас в единственной рукописи, выполненной в 1504—1515 гг. по заказу императора Максимилиана I писцом Гансом Ридом в составе так называемой «Амбразекской книги героев». Открыл «Кудруну» А. Примиссер, который впервые и опубликовал ее вместе с Ф. Х. фон дер Хагеном¹. Это издание копировало текст рукописи, однако оба редактора внесли исправления в некоторые явно ошибочные места и свои конъектуры попорченных временем мест.

Последующие издания можно разделить на две группы. Одни издатели придерживаются рукописного текста и публикуют поэму целиком, корректируя только языковые формы, порядок строф и их метрику. (На фотокопии фрагмента рукописи, помещенного в нашей книге, можно видеть, что переписчик копировал образец сплошь, для публикации же надо было его разделить на строфы, а также исправить ошибки, допущенные в размере стиха.)

Другие издатели (к ним относятся приверженцы «песенной» теории К. Лахмана), помимо указанного выше, стремились восстановить изначальный, «подлинный» текст поэмы путем исключения из нее многих строф, которые они признали «неподлинными» — вставками, дополнениями, внесенными разными интерполяторами.

Первое полное критическое издание поэмы принадлежит А. Циману², который не искал в ней подлинных, более ранних строф, а приложил усилия к переводу рукописи Ганса Рида, написанной на языке начала XVI в. — раннем нововерхненемецком, окрашенном австро-баварским диалектом, на язык второй четверти XIII в. — средневерхненемецкий в его баварском ва-

¹ Der Heldenbuch in der Ursprache/Hrsg. von Hagen F. H. von der, Primisser A. B., 1820, T. 1. (Deutsche Gedichte des Mittelalters, Bd. 2).

² Kutrun/Hrsg. von Ziemann A. Qwedlinburg; Leipzig, 1835.

рианте, чтобы приблизить поэму к предполагаемому образцу. В этом издании «Кудруна» тридцать лет оставалась известной немецкому читателю, пока не вышло другое полное ее издание, выпущенное К. Барчем в 1865 г. в серии «Немецкие классики Средневековья»³. Этот крупный немецкий филолог выпустил также «Песнь о Нибелунгах» (та же серия, 1866 г.). Барч реконструировал текст «Кудруны», впервые взяв при этом во внимание общий характер языка рукописи «Книги героев» в целом и сообразуясь с навыками Ганса Рида. Это послужило в дальнейшем основой для текстологической работы последующих филологов. Все они в той или иной мере стремятся приблизить язык найденной рукописи к предполагаемому оригиналу XIII в. и сделать обратный перевод если не полностью (что было невыполнимо), то в общем абрисе.

Свое издание Карл Барч снабдил статьей и обширными примечаниями, цель которых — дать перевод устарелых слов и выражений, объяснение исторических реалий, дабы сделать его понятным широкому читателю. Долгое время оно переиздавалось без существенных изменений. В 1965 г. его переработал и выпустил К. Штакман, поместив обстоятельное введение и послесловие, в которых излагается современное состояние изучения поэмы. Кроме того, он дал свой комментарий к тексту.

К. Барч принимал также участие в выпуске серии «Немецкая национальная литература», издаваемой И. Кюршпером. Он опубликовал в ней «Кудруну». После смерти К. Барча Пауль Пипер опубликовал в той же серии это издание вторично, в своей обработке⁴. Издание Пипера ценно обширным материалом, относящимся к источникам сюжета поэмы.

Издание Э. Мартина, выпущенное в 1872 г.⁵, содержало большой научный комментарий. Это же изда-

³ Kudrun/Hrsg. von Bartsch K. Leipzig, 1865; 4. Aufl., Leipzig, 1880; 5. Aufl. überarb. und neu eingel. von Stackmann K., Wiesbaden, 1965.

⁴ Kudrun/Bearb. von Piper P. Stuttgart.

⁵ Kudrun/Hrsg. und erklärt von Martin E. Halle, 1872; 2. Aufl., Halle, 1902.

ние выпустил в третий и четвертый раз, но без комментариев, Эдвард Шрёдер.

В другой популярной серии — «Библиотеке старонемецких текстов», основанной известным германистом Германом Паулем, выпустил «Кудруну» Баренд Симонс⁶. Сравнительно с предшествующими редакторами научных изданий «Кудруны» Симонс значительно ближе придерживается рукописного текста, реже выдвигает свои конъектуры, предпочитая даже оставлять не заполненные текстом места там, где в рукописи лакуна. В предисловии к 3-му изданию Симонс пишет, что во всех случаях, когда он исправляет рукопись, он оставляет рукописный вариант в подстрочных примечаниях.

3-е и 4-е издания «Кудруны» под редакцией Симонса выпустил Бруно Бёш, сопроводив их вступлением и примечаниями, которые дают только самые необходимые сведения для понимания текста. Б. Бёш продолжает методику Б. Симонса придерживаться как можно ближе текста рукописи, хотя и не отказывается от «обратного перевода» поздней копии, что вызвано его стремлением достичь как можно большего сходства с недошедшим оригиналом XIII столетия.

Для второй группы издателей поэмы общим принципом были поиски «подлинных» эпических песен, из которых, как они думали, и составилась эпос. Согласно теории Карла Лахмана, предполагавшего, что героические саги распевались певцами, каждая песнь составляла один эпизод (отрезок) всей поэмы.

Первую попытку отделить «подлинные» эпические песни «Кудруны» от позднейших наслоений сделал Л. Эттмюллер⁷. За ним последовал К. Мюлленгоф, он признал только 400 строф подлинными, а все остальное — позднейшей добавкой⁸. К этой же группе ре-

⁶ Kudrun/Hrsg. von Symons B. Halle, 1883; 4. Aufl. bearb. von Boesch B., Tübingen, 1964.

⁷ Gudrunlieder/Hrsg. von Ettmüller L., Zürich; Winterthur, 1841.

⁸ Kudrun: Die echten Theile des Gedichtes mit einer kritischen Einleitung/Hrsg. von Müllenhoff K. Kiel, 1845.

дакторов можно причислить А. И. Фольмера⁹ и В. Плённисса¹⁰.

На русский язык «Кудруна» переводилась дважды, но оба перевода прозаические. Первый из них, неполный, сделан в конце прошлого века Л. Ю. Шепелевичем. Этот перевод вошел в докторскую диссертацию ученого «„Кудруна“. Историко-литературный этюд» (Харьков, 1894—1895, т. 1—2). Он включен во второй том труда, озаглавленный «Перевод II-ой части поэмы (Гильда) и опыт ее исследования».

Второй перевод — О. Петерсон и Е. Балабановой. Он помещен в их трехтомнике «Западноевропейский эпос и средневековый роман в пересказах и сокращенных переводах» (СПб., 1896—1900. «Песня о Кудруне» в III т.). Как явствует из заглавия этого издания, Петерсон и Балабанова дают не полный, а сокращенный перевод (например, ими опущен эпизод приключения хегелингов в Мрачном море). Допускают переводчики и смысловые ошибки.

Полный стихотворный перевод «Кудруны» на русский язык сделан впервые. Переводчик использовал одно из новейших изданий поэмы, а именно: *Kudrun herausgegeben von V. Symons. 4. Auflage bearbeitet von Bruno Boesch. Tübingen, 1964.*

¹ *Авентюра.* — В тексте поэмы заголовок этой авентюры отсутствует.

² *Князей поместных лены...* — В средневековой Германии лен представлял земельное владение, пожалованное сеньором вассалу, за что последний обязывался нести военную или административную службу. В XII в. ленные пожалования переходили по праву наследования. Ленное право окончательно оформилось в XIII в. и сохранялось до конца XV в.

⁶ *Пришлось достойной Уте во вдове кресло сесть...* — фигуральное (и почтительное) выражение для по-

⁹ *Gudrun/Hrsg. von Vollmer A. J. Leipzig, 1845.*

¹⁰ *Kudrun/Übers. und Urtext mit erklären. Abhandl. von Plönnies W. Leipzig, 1853.*

нятия «вдоветь», равно как «покинуть вдовье кресло» означало «вступить в повый брак». Основано на том, что особое кресло, предоставляемое вдове, стало символом вдовства.

⁹ *Семьсот бойцов шотландских с ней ехали к тому же...* — Норвежская королева являлась также владительницей Шотландии или части ее (в ориг. Frídeschotten).

¹² *Пажи* — мальчики, дети вассалов, прислуживавшие в замке сюзерена хозяйке и ее дочерям. Часто упоминаются в документах XIII в.

¹³ *Дул с моря свежий ветер, указывая цель, // Он с запада привел их к границе двух земель...* — Здесь западный ветер приводит путников из Норвегии и Шотландии в Ирландию, что наглядно показывает, как произвольны и часто туманны географические понятия автора «Кудруны». Ирландия у него окружена морем и вместе с тем граничит с другими землями.

¹⁰ *Навершье* (buckel) — круглая выпуклая накладка в середине щита.

Тарч (buckelaere) — круглый щит с высоким навершьем; им вооружались слуги, а рыцари пользовались тарчем только на играх и состязаниях. Рыцарский боевой щит (schild, schirme) — треугольный, суживающийся книзу; поставленный на землю, он достигал середины груди воина.

¹⁸ *«Венчанной девой воин не может обладать, // Пускай сперва получит он от князей корону!» // Призвав родню на помощь, осилил он эту препону.* — Хаген еще не коронован и даже не посвящен в рыцари. Это дает повод считать его брак с королевой Норвегии неравным. В XI—XIII вв. в Германии государственные дела решались королем совместно с придворной знатью. В особо важных случаях, например когда рассматривались вопросы войны, отношения с другими государствами, избрания короля или лишения его королевской власти, дела решались собранием князей, выступавшим как полновластный орган.

¹⁹ ...С ним принесли совместно свой рыцарский обет... — При посвящении в рыцари знатного феодала с ним вместе совершали обряд посвящения сыновья вассалов и другие юноши благородного происхождения.

²⁴ Семь лет ему сравнялось... — Сыновья знатных господ до семилетнего возраста находились на попечении женщин. С семи лет их воспитывали мужчины.

Он был похищен вскоре, надолго с родней разлучился. — Здесь первый из характерных для эпоса «заглядов в будущее». В отличие от классической «Песни о Нибелунгах» трагизм этих предвестий смягчается тем, что они не носят абсолютного характера, а проливают свет на одно ближайшее звено будущего, в то время как окончательная развязка «Кудруны» оптимистична.

³¹ *Бугурт* (*bühurt*) — род рыцарских состязаний, в которых противники, вооружённые только копьем и щитом, выступают друг против друга на конях отрядами в отличие от рыцарского поединка (*tjost*).

³⁸ ...И кравчим, и дворецким хлопот хеатало волю... — Кравчий — слуга, ведающий княжеским или королевским столом; дворецкий — смотрящий за всем порядком королевского (княжеского) дома. Это высокие придворные должности в средневековой Германии. При дворе Карла Великого их было тринадцать: маршал (собственно конюший), ведающий королевскими конюшнями, два чашника — королевских виночерпия (см. примеч. 1612), церемониймейстер, казначей и др.

Дворецкий, ранее звавшийся сенешалем, а с IX в. в Германии — трухзесом (*truhsaez*), управлял всем штатом слуг и стал самой значительной фигурой, соответствующей первому министру.

Во время коронации Оттона I в 936 г. эти придворные должности были поручены герцогам. В обычное время их заменяли более низкие служители, которые разделяли с ними эти должностные звания. В эпосе для отличия благородных служи-

телей прибавляется слово *hœchste* — «высший, главный» (ср. строфу 411).

- 45 ... и дам проводил он в собрание... — Король как гостеприимный хозяин сам провожает дам в зал, где гости собираются на пиршество.
- 51 *Шпильман* (букв.: игрец). В средневековой Германии — бродячий певец-профессионал, выходец из народа. Он исполнитель эпоса и других жанров средневековой поэзии, одновременно музыкант, а часто еще потешник, фокусник (то же, что французский жонглер, в России — скоморох). Он находил аудиторию среди простого народа и в феодальном замке, где присутствие шпильманов стало необходимой принадлежностью пиров и празднеств.
- 55 *То дикий гриф внезапно к ним налетел, как воров...* — Эпитет «дикий» в «Кудруне» обычно относится к явлениям стихийным, неподвластным человеку или превосходящим его силой, подчас содержащим и нечто волшебное.
- 64 *Аksamит* — старинное название бархата.
- 65 ... *И боевых ирландских выносливых коней...* — Для тяжеловооруженного средневекового всадника (весившего около 200 кг.) требовалась рослая и сильная лошадь. В Ирландии в это время разводили массивных лошадей — шайров, которые использовались как боевые рыцарские кони. Их современные потомки — порода самых крупных лошадей в Ирландии и Англии.
- 75 ... *Вообразили девы, что это горный гном...* — Гномы — сказочные человечки, подземные духи, живущие в пещерах. В немецких сказках и сагах выступают как целый народец. Гномы — искусные кузнецы и хранители подземных сокровищ. Народные верования причисляют гномов также к домашним духам, обитающим под печным шестком.
- 85 ... *Прибило пилигримов на углу корабле.* — Здесь и далее пилигримы — синоним крестоносцев.
- 112 *Кобольд* — в германских сказках и народных верованиях — проказливый дух с обликом карли-

ка, обитающий в горах и в лесах. Первоначально также воплощал домашнего духа, домового.

114 ...Паломничью одежду скитальцам принесли.// Как ни стыдились девы, пришлось ее надеть им. — Имеются в виду дорожные плащи с капюшонами. Девы стыдятся надевать мужскую одежду (см. также строфы 116 и 1233).

116 Что это платье — почесть, как было детям ведать? — Подобные плащи носили также монахи некоторых орденов. Почитался как реликвия плащ св. Мартина (римский папа с 649 по 654 г.), который хранился в Риме.

134 Дам обратить в служанок вы вздумали спесиво!!! Граф, без твоей опеки девицы будут живы. — Переход от «вы» к «ты» и наоборот часто встречается в поэме, даже в пределах одной строфы. Здесь, как и вообще в народном эпосе, старый обычай всеобщего обращения на «ты» переплетается с новой формой вежливого обращения на «вы».

138 Дворец (pallas) — главное здание средневековой королевской или княжеской резиденции, где обычно находился большой парадный зал.

143 «...Родимый знак увидит — ей ведомый крест золотистый.» — Читатель впервые узнает, что у Хагена есть родимый знак, а между тем неизвестный факт рассказывается как известный. В этом одна из непоследовательностей эпоса.

171 Решил король, что сына и сто его друзей// Мечом перепоясать им надо поскорей... — т. е. посвятить их в рыцари. Перепоясание мечом — ранняя немецкая форма этого обряда, которая позднее была заменена другой, заимствованной из Франции: посвящаемого ударяли плашмя мечом по плечу. Весь ритуал церемонии со временем значительно усложнился. ...На четверых героев истратив по тысяче марок. — Марка — денежная единица и монетный вес, примерно равный половине фунта золота или серебра. В это время почти каждый немецкий город имел свой фунт, отличающийся по весу (в переводе на нашу систему от 400 до 500 г.). 250 марок на человека составило бы 50—60 кг.,

что является гиперболой, присущей эпическому стилю.

- 172 *На год и трое суток был день посвященья отложен.* — Согласно старому германскому обычаю, к установленному сроку давалось дополнительное время: год и день, год и три дня (ср. также строфу 350).
- 173 *Поперсье* — конский нагрудник.
- 175 *Гостей, что дожидались с ним посвященья вместе...* — Одновременно с Хагеном посвящались в рыцари сто его друзей и тысяча приезжих.
- 176 *«...Мне заодно с любимой короноваться надо, // Чтоб за ее служенье воздать драгоценной наградой».* — В средневековом обществе отношения феодальной зависимости накладывали отпечаток на частную жизнь господствующего сословия. Понятия «служения» и «награды» проникают в сферу любви и дружбы. Рыцарь питает к даме «высокую любовь» (*høhe mīppe*) и служит ей как своей госпоже. Непривычная трактовка куртуазных отношений в «Кудруне» заключается в том, что здесь дама служит рыцарю, а он награждает и платит служением за служение (ср. строфу 185: «Она ему служила когда-то на чужбине, // За это он платил ей отвагой и доблестью ныне»).
- 189 *...И в ленное владенье стал Хаген раздавать // Наследственные земли...* — Первым действием восшедшего на престол монарха являлась раздача ленов, связанная с вассальной зависимостью.
- 190 *И, как уставом ленным предписывалось сстать, // В свои ладони принял их руки государь.* — Принятие в вассалы скреплялось ритуалом: вассал клал свои сложенные руки в открытые руки сеньора.
- 203 *...На каждого спесивца гордец найдется равный.* — Пословица.
- 204 *...Жил в Датском королевстве властительный герой...* — Подразумевается Хетель, названный по имени в строфе 206. Марка — в Германии в Средние века и позднее — пограничный округ с военным управлением. Штурмен — идентифицируется

немецкими исследователями с г. Штормарном в бухте реки Эльбы, ныне территория ФРГ, земля Шлезвиг-Гольштейн. *Нортландия* — древнее название Дании.

206 *Дания* — лен Хоранта, одна из частей владений Хетеля. В широком смысле все подданные Хетеля часто называются датчанами.

207 *Хегелинги* — подданные Хетеля, а «страна хегелингов» — общее название всех его владений.

208 *Он был владыкой фризов на суше и морях...* — Фрисландия, в поэме принадлежащая Хетелю, — историческая область на побережье Северного моря и на островах, заселенная фризами. В Средние века выделились три отдельные ее части: Западная Фрисландия (в настоящее время соответствующая нидерландской провинции Северная Голландия), Средняя Фрисландия, или собственно Фрисландия (ныне провинция Нидерландов), и так называемая Восточная Фрисландия к востоку от реки Эмс (ныне область ФРГ, земля Нижняя Саксония). *Дитмерс* — в числе владений Хетеля назван лишь один раз и расшифровывается как Дитмаршен; область, расположенная между Северным морем, рекой Эльбой и Кильским каналом (ныне часть земли Шлезвиг-Гольштейн в ФРГ).

Валейс — пограничный округ, подвластный Хетелю. Видимо, автор заимствовал это название из «Парцифаля», знаменитого романа Вольфрама фон Эшенбах, где некоторые события происходят в стране Вalezии.

211 *...Морунг, нифландец молодой...* — Морунг правит Нифландией — Лифляндией, т. е. страной ливов (ныне территория части Латвийской и части Эстонской ССР). Этому противоречит то, что в строфе 271 (в переводе 272) он является фризом (фрисландцем) и приводит из Фрисландии войско, а с 641 строфы и далее его местопребывание в марке Валейс, маркграфом которой он назван (в строфе 1087).

222 *«...На землях португальских...»* — Португальцы и датчане изображены здесь как враждующие соседи, тогда как в строфе 119 Португалия предста-

- вала как очень далекая страна. Автор мог почерпнуть это название из книжного источника, например из «Парцифалья», где упомянуты португальцы, но мог слышать его и в жизни: Португалия, ставшая с середины XII в. самостоятельным королевством на северо-западе Пиренейского полуострова, одержала в 1230 г. большую победу над маврами.
- 231 *Ирольт* — повелитель фризов и гольштинцев, жителей Гольштинии, принадлежащей к владениям Хетеля (ныне область в ФРГ, южная часть земли Шлезвиг-Гольштейн), несколько раз назван нортландцем (см. строфы 273, 310, 481, 520). Подобные неувязки встречаются и в отношении других персонажей.
- 235 *Кампатилла* — замок Хетеля (см. строфу 760 и примеч. к ней).
- 255 ...на нашем судне пусть выстроят настил... — В те времена корабли не имели палубы. Вате требует, чтобы были настелены доски, под которыми могут спрятаться воины.
- 257 *Еще три добрых барки пусть отрядят в поход...* — В подлиннике *коске* — парусное судно, широкое, короткое и достаточно глубокое, с закругленным носом, служившее главным образом для перевозки грузов.
- 261 *Галера* (*galeide, galie*) — длинное парусное и весельное судно, также предназначенное для перевозки грузов, а в походах — различных припасов. В эпосе барки и галеры часто упоминаются вместе как своего рода формула.
- 266 *А якорным канатам там не было цены, // Из дальней, аравийской возили их страны...* — Это могло иметь реальное основание. Багдад, бывший на Аравийском полуострове перевалочным центром караванно-морской торговли средиземноморских стран с Индией, поставлял также собственные товары — хлопчатые и шелковые ткани, джут для выделки парусины и канатов.
- 267 ...*Шелк абалийский, лучший для этого достали...* — Абалия, очевидно, какая-то восточная страна, названная так по аналогии с Аравией. Автор вряд ли

строго отличал страны Аравийского полуострова от других стран арабского Востока, в которых повсеместно возделывали шелк, высоко ценимый в Западной Европе.

271—272 Порядок строф в рукописи: 272—271, что нарушает последовательность перехода к 273 строфе. Переставлено нами согласно изданию Б. Бёша.

286 *Нам ложно говорили, // Что Хаген в это время сурово правил в Польше.* — Строфа трудна для понимания. Некоторые немецкие филологи считают, что поэт здесь оспаривает другую, известную ему, версию саги, согласно которой резиденция Хагена находилась в Польше, а сам он представлен жестоким правителем.

295 *Просить велел им Вате о грамоте охранной...* — В «Имперском земском мире» Фридриха II (1235 г.) говорится о бесчинствах на больших дорогах. «Земский мир» предписывал сеньорам взимать пошлины в узаконенном порядке и обеспечивать конвой для безопасности путников (см.: Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961, с. 332—333). Тогда же были введены охранные грамоты.

Немецкие филологи считают, что строфы 295 и 296 навеяны статьями указанного постановления.

301 *Здесь было много тканей тафтяных и парчи... // Что перед нею пурпур, что даже шелк багдадский!* — Тафта — шелковая легкая ткань; парча — золотая и серебряная ткань или шелк, шитый золотом, серебром; пурпур — ткань, окрашенная драгоценной багряной краской; как и парча, она изготовлялась в Египте и Сирии. В Египте изготовлялись такие тонкие шелка, что большой кусок их можно было, свернув, спрятать в тростниковой трубке.

303 *Под седлами двенадцать кастильских жеребцов...* — В Средние века в Испании разводили породу выносливых и рослых лошадей, способных нести рыцаря в полном вооружении.

- 332 ...в кампанийских кафтанах... — Кампалия (предположительно Champanie — искажённое Champane) — Шампань, графство на востоке Франции. Если это так, то воины Морунга были одеты во французское платье.
- 341 *Седая борода*// *Была повита лентой и завивалась круто.* — Придворные щеголи завивали локоны на бороде и вплетали в них ленты. Это плохо согласуется с суровым видом и жестким характером Вате, так же как золотые украшения в его кудрях (см. строфу 355).
- 350 «...Нет, через год и день я// Уже вернуть сумею свои родовые владенья». — См. примеч. к строфе 172.
- 366 *Как яростному саксу иль франку платил ему Вате.* — В немецких эпических произведениях XII—XIII вв. встречаются ссылки на непримиримость «свирых саксов», что, возможно, основано на их упорном сопротивлении попыткам Карла Великого покорить их и обратить в христианство (в 772—804 гг.).
- 372 ...*Запел воитель датский, прославленный герой...* — Подразумевается Хорант, названный по имени в 373 строфе. (Аналогично в начале V аэвентюры.)
- 382 *Утренняя песня (tagewise)* — лирический жанр, совпадающий с альбой (albe — «утренняя заря»), созданной провансальскими трубадурами. Ее главная тема — тайное ночное свидание и расставание на заре; характерная ситуация: кто-то третий — птица, друг, слуга — будит влюбленных, предупреждая о наступлении рассвета.
- 387 ...*Я тысячу в награду за это фунтов дам...* — Фунт — мера веса для благородных металлов, самая высокая денежная единица, равная 20 солидам — старинным франкским монетам. Когда же при Карле I переходят к серебру, то на фунт приходится 20 шиллингов или 240 серебряных денаров (пфеннигов). (См. примеч. к строфе 171).
- 392 *Стольник* (в немецком тексте стоит kamegaere) — один из высоких придворных чинов. Он ведал королевскими сокровищами, принимает подарки и раздает их гостям, хранит ценную одежду, наблюдает

за баней, распоряжается расстановкой столов и сидений на праздниках. На пирах его место у дверей, откуда он наблюдает за каждым входящим. Ведет надзор за женской прислугой и даже за молодыми княжескими дочерьми, которые воспитываются при дворе. Здесь речь идет не о стольнике-вельможе, а о слугителе, выполняющем повседневные обязанности (см. примеч. к строфе 38).

...дюжину браслетов... — В раннем Средневековье германцы платили скотом. Под влиянием Византии они стали расплачиваться кольцами, браслетами. Хотя рано появляется звонкая монета, но только с ростом городов она получает полное распространение (см. строфы 1224 и 1290).

397 *Он затянул амильский напев арабских стран...// Им слышанный когда-то у дикого потока.* — Слово «Амилия» в поэме больше не встречается. Филологи считают, что это восточное название, скорее всего арабское. Не случайно сказано, что Хорант слышал этот напев «у дикого потока» (см. примеч. к строфе 55).

400 *...А попросил лишь пояс, что деву украшал:// «Пусть люди не осудят, что дар мне не по чину, // Я этот дар бесценный отдам моему господину».* — В этой строфе понятная средневековому читателю метафора: пояс — символ девственности. Хорант просит этот дар в знак того, что Хильда согласна принадлежать Хетелю.

411 *А в доме стольник главный большую власть имел...* — В оригинале сказано *hochste kameraere* — речь идет о стольнике-вельможе.

448 *...Носясь в волнах, как птицы, они спасали души.* — Это необычное сравнение мы встречаем и в «Песни о Нибелунгах», где о вещих девах говорится: «Три девы, словно птицы, носились по волнам» (Песнь о Нибелунгах, строфа 1536, 1).

489 *...Я вижу герб Ирландца на парусе косматом.* — Морские паруса, предпочтительно белые, имели форму трапеции. С XIII в. их стали украшать гербами. Кресты на парусах обыкновенно ставили крестовосцы. Герб Ирландца с изображением крес-

та и начертанных сверху фигур, очевидно, вымысел автора, так как в его время ирландский герб представлял золотую арфу на голубом фоне.

501-510 В рукописи порядок этих строф, по-видимому, перепутан, так как нарушена связь и логика событий. В переводе строфы переставлены согласно реконструкции В. Бёша. В подлиннике порядок строф такой: 501, 503, 502, 504, 507, 509, 506, 505, 508, 510.

507 *И вот что было чудом, как знаем мы из книг...* — Средневековые авторы часто ссылаются на книжный источник, подтверждая этим достоверность рассказа, поэтому нельзя безусловно верить такой реплике, ставшей традиционной. Но не исключено, что певец «Кудруны» действительно был знаком с рукописью, содержащей скандинавскую сагу о битве Хёгни и Хёгина из-за Хильды, и, может быть, у него в руках была трансформированная «Хильда-сага», где вечный бой уже заменен примирением.

518 *...Что кровь через прокладку окрасила шишак...* — Шишак — старинный германский шлем конической формы; прокладка — шапочка из гибкой стали, которую надевали под шлем, а под ней еще носили мягкую стеганую шапочку.

529 *У женщины из леса тот перенял когда-то // Искусство врачеванья...* — В подлиннике «von einem wilden Wibe», дословно: «у некой дикой женщины», т. е. живущей в лесной глухомани, занимающейся знахарством и лечащей травами (см. также примеч. к строфе 55).

552 *Породы датской кони выпячивали грудь...* — В Дании издавна разводится своя, ютландская тяжело-возная лошадь с хорошо развитой грудью, выносливая и спокойная.

553 *Им стольник и дворецкий прислуживали там, // И чашник и конюший скакали по пятам...* — См. примеч. к строфам 38 и 392.

580 *...Страною мавританской обширную владел...* — Мавритания — старинное название мусульманских стран в северо-западной Африке.

Рассказы о Кудруне могучего мавра пленили. —

- Мавры — средневековое название арабов и африканского племени берберов, завоевавших в VIII в. большую часть Пиренейского полуострова.
- 581 *С толпою икарийцев, товарищей своих...* — Икария — остров в Эгейском море, в «Кудруне» включенный в мавританские владения.
- 582 *Виголоис* — онемеченное Wigalois (франц.). Это имя могло попасть в «Кудруну» после появления поэмы Вирнта фон Графенберга «Вигалуа, или Рыцарь с колесом» (1204—1209), представляющей переработку неизвестного французского источника, относящегося к Артуровскому циклу рыцарских романов. Это имя в форме Виголойс встречается также в «Парцифале» Вольфрама фон Эшенбах, которому Вирнт подражал.
- 599 *На столько миль от дома ушла дорога их, // Что за сто переходов не вымахать дневных.* — Миля — мера длины, равная 1000 шагам. Дневной переход — обычная мера пути, первоначально — расстояние, на которое можно перегнать за день стадо скота.
- 611 *Когда же он корону в Шотландии стяжал, // Брат короля Оттона с ним сильно враждовал. // Он тоже принял земли от Хагена когда-то.* — В строфе 819 упоминается, что Людвиг был ленником Хагена, но неизвестно, кто этот не названный брат короля Оттона, бывший тоже ленником Хагена; неизвестно также, какой Оттон имеется в виду. Скорее всего это имя поставлено ради рифмы (Frideschotten — Otten). Некоторые комментаторы думают, что здесь отражены события, как-то связанные с юностью короля Оттона IV (конец XII — начало XIII в.).
- 623 *Но Хартмут-твердый духом отмстит им на-деялся твердо.* — В подлиннике «das muote Hartmuoten harte sege» — игра слов, основанная на том, что имя Хартмут означает буквально «твердый духом». Здесь также видна намеренная игра созвучиями.
- 624 *Та, что его пленила, меж прочих дам сидела // И на него украдкой глядела то и дело...* — В подлин-

нике: «*tougen ougen blicke was dâ vil geschehen*» — пример внутренней рифмы, которой поэт намеренно украшает строфу.

641 *С предгорий марки Галейс герои были родом. // В Валеиской марке Морунг встречался с подобным народом.* — Морунг хорошо знает жителей марки Валеис, поскольку она представляет западную окраину государства Хетеля и граничит с землями Хервига, а именно с маркой Галейс.

648 *...Но бой зашел в воротах...* — Вход в замок находился в особой воротной башне, снабженной специальными сооружениями и площадками, на которых стояли машины для сбрасывания камней на неприятеля — камнеметы. Привратники могли впускать прибывших через особый вход, не открывая ворот. За воротами в стенах были глубокие выемки, куда вставлялись поперечные брусья. Наступавшим препятствовали и решетки, которые опускались над входом. Кроме того, подход к замку преграждали наружные ворота, за которыми шел ров, а через него подъемный мост.

649 *Изменчива удача и вертится, как шар.* — Пословица.

653 *...От ржавчины доспехов в источнике омылись.* — Описание вооружения соответствует XII в. и лишь отчасти более раннему времени. Старинные матерчатые доспехи, обшитые роговыми щитками, уже сменил панцирь из металлических пластин или колец. Вначале он закрывал только грудь и плечи, но в XI — XII вв. его длина достигает колен, рукава закрывают руки. Когда рыцарь нападал, резко двигался, — кольца звенели. Затылок и шею рыцаря защищал особый ошейник (*halsperge*), тоже состоящий из колец. Воинам жарко в тяжелом вооружении, пот течет по лицу, увлажняет доспехи. Там, где доспехи непосредственно касаются тела, ржавчина пачкает кожу, поэтому, снимая вооружение, рыцари моются (см. также строфу 1530).

660 *Казалось, был он кистью на белой стене нарисован.* — Этот образ считают навеянным «Песней о Нибелунгах», где о Зигфриде говорится: «Казался

он картиной, которую нанес // Художник на пергамент искусною рукой» (286, 2, 3; перевод Ю. Б. Корнеева). Если это и так, то нельзя не заметить намеренного противопоставления: в одном случае герой сравнен с произведением миниатюриста, в другом — с фресковой живописью (см. также строфу 1601).

662 Она сказала: «Верьте, никто мне так не мил, // Ты многих спас от смерти, мне нынче послужил...» — Переход от «Вы» к «ты» особенно ощутим здесь, где может быть объяснен психологически и придает речи Кудруны живость и безыскусственность.

664-665 Приведенные строфы говорят о том, что брак Кудруны и Хервига юридически заключен. Для этого не требовалось участия священника. Брачная пара вступала в круг, образованный гостями, и в присутствии свидетелей жених и невеста должны были ответить утвердительно на вопрос брачующего и обменяться клятвами. Несмотря на строгие распоряжения Карла Великого (в 802 г.), церковный брак был фактически введён лишь в конце XV в. Сначала церковному браку следовали короли, так как сразу за ним совершалась коронация (см. также строфы 179 и 1666).

XIII авентюра. — В тексте поэмы заголовок этой авентюры отсутствует.

692 Скрыни — лари.

708 Щадили замок мавры по рыцарским законам... — По рыцарским законам запрещалось нападать на беззащитные замки в то время, когда бойцы сражаются в поле.

744 Так много раздавали сокровищ короли, // Что с ними даже швабы сравняться не могли... — Похвала швабам, нигде более в поэме не упомянутым, по мнению старых критиков (Этмюллер, Мартин), объясняется тем, что поэт жил или бывал в Швабии. Можно еще предположить, что слово «швабы» обусловлено только рифмой (gabe—Swâben).

756 Пусть знает: отступного воитель не возьмет. — Эти слова переносят нас в мир викингов. — скандинавских пиратов и воинов, чьи нападения сотряса-

ли в IX—XI вв. Западную и Восточную Европу. Потерпевшим нередко удавалось откупиться деньгами, но лишь на время. Советский историк так пишет о вторжении скандинавов в Англию: «В 1000 году викинги отплыли в Нормандию, чтобы в следующем, году возобновить свои нападения. В 1002 г. они получили выкуп размером в 24 тыс. фунтов серебра» (Гуревич А. Я. Походы викингов. М.: Наука, 1966, с. 20).

- 760 *Мателана* — замок Хетеля. Здесь противоречие, так как выше (строфа 235) он звался Кампатилла.
- 772 *...Но те, с коварной целью, от щедрых даров отказались.* — Норманны ничем не хотят себя связывать в предвидении нападения на замок Хильды.
- 773 *«Коль не захочет Хартмут испить у нас вина, // Так мы горячей кровью его напоим допьяна».* — Картина пира, угощения, перенесенная на битву, является традиционным образом народной поэзии, она встречается во многих эпических произведениях, например в «Песни о Нибелунгах»: «Помянем же усопших хозяйкиным вином // И гуннам за него платить с наследника начнем» (Перевод Ю. Б. Корнеева); в «Слове о полку Игореве»: «...Тут кровавого вина недостало, тут пир окончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю русскую» (Перевод Д. С. Лихачева).
- 780 *...И знамя государя воздели на копье.* — Поднятое знамя — знак готовности к битве.
- 793–797 Строфы переставлены согласно реконструкции В. Бёша. В рукописи порядок строк следующий: 796, 797, 793, 794, 795.
- 802 *Поспешно королева приблизилась к окну...* — Это противоречит предшествующей строфе, где сказано: «Их замок был разрушен...»
- 832 *...Их серебро и платье сложили на песке...* — Возможно, что пожитки паломников оставили в гавани, чтобы не отяжелять ими суда (ср. строфу 439).
- 844 *И Хетель не подумал печалиться о том, // Что путь заказан в море скитальцам с их крестом...* — Крестоносцы нашивали на одежду и корабельные паруса знак креста. Но, как пишет Шёнбах, «идти

с крестом» могло значить еще и «идти крестовым походом». «Крест» уже сам по себе, без дополнения, означает «священную экспедицию против сарацин» (*Schönbach A. Das Christentum in der altdeutschen Heldendichtung. Graz, 1897*).

Таким образом, указанную строфу можно понимать так: Хетелю безразлично, закончат ли пилигримы свой крестовый поход.

864 *На шлем врага обрушил свой острый меч старик,
// Клинок его булатный до черепа проник. // Надел
по счастью Людвиг рубашку под кирасу // Из абал-
лийской ткани, а то бы не прожил и часу.* — Неясен
смысл, каким образом шелковая рубашка спасла
Людвига при ранении в голову. Б. Бёш пишет, что
речь, возможно, идет о реликвиях, вшитых в
ткань, чему есть примеры в других эпических па-
мятниках (*Boesch B. Bemerkungen. — In: Kudrun/
Hrsg. von Symons B. 4. Aufl. besorgt von
B. Boesch, S. 146*). Иначе объясняет Ю. Диффен-
бахер: в XIII в. шлем, утратив коническую форму
и закрывая всю голову, стал походить на желез-
ный горшок с плоским дном и отверстиями для воз-
духа и глаз. Прокладки (ср. прим. к строфе 518)
это и есть спасительная рубашка (*hemede*), хотя в
тексте ясно сказано, что она надета была под кирасу
(«*under brünne*») — металлический доспех, при-
крывающий грудь и спину (см.: *Diffenbacher J.
Deutsches Leben im XII Jahrhundert. Leipzig,
1899*).

873 *Там Ортвин, Морунг пашню костями засевали //
И в схватке рукопашной соперников не знали...* —
Здесь битва уподобляется пашне. Еще А. И. Кир-
пичников обратил внимание на метафору «витязи
удабривают поле мертвыми» и сравнил со сходным
образом в «Слове о полку Игореве»: «Чръна земля
под копыты костями посеяна, а кровью поляна»
(*Кирпичников А. И. Кудруна, национальная поэма
немцев. — Зап. Харьк. ун-та, 1874 г., т. III*).

887 *Штандарт* — знамя конного полка.

890 *И упустил победу той ночью воитель могучий.* —
Это говорится о Вате.

⁹¹⁶ *Гуфа* — германская земельная мера, величина ее колеблется в различных областях примерно от 7 до 15 га.

Госпитальеры — (иначе: иоанниты) — духовно-рыцарский орден, основанный в начале XII в. в Палестине после Первого крестового похода. Одним из главных обетов, который давали члены ордена, был уход за больными. В XIII в. орден имел обширные земельные угодья в Западной Европе.

⁸³² «...Ограбить пилигримов — ведь это грех большой...» — Латеранский собор в 1215 г., а в 1244 г. Лионский объявили личностью и имущество пилигримов под защитой церкви.

⁹⁴⁰⁻⁹⁴³ Порядок строф в рукописи: 942, 941, 940, 943. Логика действия нарушена, путаница произошла, вероятно, из-за одинакового начала этих строф («Do sprach...»). В переводе строфы переставлены по реконструкции В. Вильманса (*Willmanns W. Die Entwicklung der Kudrundichtung. Halle, 1873, S. 110*), строфа 940 (в рукописи 942) испорчена: в четвертой строке лакуна.

¹⁰⁰⁸ *Одна из них отчизной Галисию звала.* — Речь идет о Хильдебурге. Галисия — область на северо-западе Испании. Ранее, в строфе 119, Хильдебурга названа дочерью правителя Португалии. Галисия и Португалия, с середины XII в. ставшая независимым королевством, представляются автору идентичными.

¹⁰²² *Позор, что он короной доселе не венчался, // Тогда как государем всего королевства он звался.* — Отношения между отцом и сыном в поэме не ясны: то Людвиг выступает единственным повелителем Нормандии, то Хартмут показывается как его соправитель, а то и прямо называется «хозяином юным» страны (см. строфу 992). Хартмут собирается стать королем, а из строфы 1031 можно понять, что корону он может надеть только после свадьбы.

¹⁰²⁹ *Ну кто меня повесит, коль я к вам возлягу на ложе?* — Немецкие судебники XIII в. предписывали виновного в изнасиловании женщины или девушки карать повешением. А в «Саксонском Зеркале»

(между 1224 и 1230 гг.), дошедшем в огромном количестве рукописей, за это преступление полагалось отрубить голову (см.: Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961, с. 364). Другое дело, что эти постановления далеко не всегда выполнялись, о чем свидетельствуют слова норманнского князя.

1072 *Велела королева, чтоб выстроили ей...* — Здесь бросается в глаза несоответствие в числах, характерное для всей поэмы: Хильда обещает построить 20 кораблей (строфа 946), а велит изготовить 22 барки и 40 галер. То же самое и с количеством воинов. Так например, король Хервиг собирается привести три тысячи человек, а ведет в бой семь тысяч (строфа 1461). После покорения Кассианы часть войска хегелингов в тридцать тысяч продолжала поход по Нормандии, одна тысяча осталась в замке (строфа 1544), три тысячи были убиты и ранены (строфа 1561). Где же остальные? Ведь согласно 1104 строфе их было 70 000. Те же увязки и в лагере их противников. Ф. Панцер объясняет эти противоречия особенностями народного героического эпоса. Все подобные числа в нем служат только средством для передачи масштабов происходящих событий, их размаха, но не преследуют действительной точности и правдоподобия (*Panzer F. Hilde-Gudrun. Eine sagen- und literaturgeschichtliche Untersuchung. Halle, 1901, S. 90—99*).

1087 *Маркграф* — в Средние века — правитель марки (см. примеч. к строфе 204), позже — титул некоторых немецких князей.

1089 *Гольштинцы* — жители Гольштинии, принадлежащей к владениям Хетеля. (Ныне область в ФРГ, в южной части земли Шлезвиг-Гольштейн.)

1088-1090 В оригинале связь повествования нарушена, порядок строф такой: 1090, 1089, 1088. Кроме того, на слова, обращенные к Фруте, отвечает Ирольт. По-видимому, между строфами 1090 и 1091 пропущена одна или две строфы, где мог содержаться ответ Фруте и отъезд послов к Ирольту.

- 1099 *Вначале гости стали герою говорить, // Что с радостью готовы во всем ему служить.* — Речь посла, как и письма, обычно начиналась с заверенья в готовности к услугам.
- 1126 *Гиверс* — магнитная гора. Сопоставление этого названия с названиями Этны в литературных источниках (Monte Gibello, mons Gyber) позволяет думать, что Гиверс — это название Этны. Мрачное море — сказочное стоячее море, в котором корабли не могут сдвинуться с места. Предание о Магнитной горе и рассказ о Мрачном море относятся к сказочным восточным мотивам, заимствованным в период крестовых походов.
- 1146 *...ремни к шишкам прикрепите.* — Шлем конической формы покрывал не всю голову и мог упасть при порывистом движении или от удара, поэтому он либо закреплялся ремнем под подбородком, либо соединялся металлическими колечками с защитным «ошейником» (halsperge).
- 1148 *...Всяк выбрал по заслугам чепрак и покрывало...* — чепрак — матерчатая подстилка под седло, поверх потника, служащая для украшения; покрывало — попова, закрывающая спину и туловище коня.
- 1164 *Густрата* — место захода солнца. Это загадочное название пока еще не нашло бесспорной расшифровки.
- 1192 *...праздник вербный* — Вербное воскресенье, христианский праздник за неделю до Пасхи.
- 1225 *«Дай вам господь счастливо владеть своим добром...»* — вежливая форма отказа (так же, как в строфе 1233: «Счастливо дай вам бог // Плащами укрываться.. »).
- 1240-1241 В тексте противоречие: Кудруна смотрит на брата и ждет от него помощи, а обращается со словами к Хервигу. Можно предположить, что здесь пропущены одна или две строфы.
- 1276 *Кметь* — ратник.
- 1277 *Я в мыслях не имела с чужими говорить...* — Речь Кудруны двусмысленна. Она действительно говорила не с «чужими», а с близкими людьми, братом и Хервигом, но речь ее как раз направлена на скры-

тие этой правды. Подлинный смысл речи Кудруны до Герлинды не доходит.

1312 *«Вам надо, сударь Хартмут...»* — Появление Хартмута в этой сцене никак не оговорено автором. Вообще автор небрежно относится к вводу персонажей в ту или иную сцену. Ф. Панцер, обобщивший подобные неувязки, обнаруженные в поэме, считает, что в этом проявляются наивные, архаические черты, свойственные еще докуртуазному эпосу (*Panzer Fr. Hilde-Gudrun*).

1313 *И если судьбы наши войной не омрачатся, // Я буду вместе с вами короною венчаться.* — Кудруна знает, что это последнее условие невыполнимо, так как она ожидает прихода своих защитников.

1315 *Герлинда ей сказала: «Возлюбленная дочь, // Пора вам разлучиться...»* — Эти слова Герлинды относятся не к Ортруе и Кудруне, а к Кудруне и Хартмуту.

1320 *Герлинда все слыхала...* — это противоречит предшествующей строфе, где говорится, что «о смехе королевны Герлинде уже доложили».

1325 *Уже постлали ложа — их было три десятка. // Все спутницы Кудруны могли теперь выспаться сладко.* — В свите Кудруны были 63 девы (см. строфу 1300), из этого видно, что в пышной опочивальне укладывались спать по-двое на одном ложе. Это было обычным для Средних веков, когда даже короли порой спали в одной кровати с гостями.

1329 *...Оставив на ночь девам и мед, и душистые вина.* — В описываемое время у знатных господ существовал обычай выпивать на сон грядущий чару вина или меда. Мед — напиток из меда, смешанного с одиннадцатью частями воды. В XIII в. его уже вытесняет виноградное вино (особенно рейнвейн), одобренное фруктами и пряностями.

1340 *Я рад, что нынче ночью погода так ясна...* — С точки зрения успеха военного нападения, Вате должен был бы радоваться безлунной ночи. (Не частый пример несоответствия высказываний героев с логикой событий.)

- 1371 *Еще я вижу прапор, догадываюсь чей, — // Меж красных попережин стоят клинки мечей, // Его владелец — Ортвин... —* Рыцарь, в чьем отряде было 50 ленников, поднимал боевое знамя (прапор), имевшее первоначально трехугольную, а затем четырехугольную форму, так как третий угол стали отрезать. Развеваящийся конец знамени достигал руки, державшей древко. Эти стяги обычно имели один-два разреза в длину. В верхней части был нарисован или вышит герб его владельца. Здесь на гербе изображены острия (нем. *örter*) мечей, что геральдически является намеком на имя Ортвин (Ortwin) и страну Ортландию (Ortland), подвластную ему.
- 1373 *Цветок морской лилеи... —* В подлиннике *Sêbleter* «морские лепестки» или «лепестки морского цветка», что геральдически связано с названием *Selant* — Зеландия (страна Хервига).
- 1377 *Кто прошлый год смеялся, тот ныне слезами заплачет. —* Пословица.
- 1385 *Камнеметы —* см. примеч. к строфе 646.
«Мы, жены, принесем им камней в рукавах своих белых. — Знатные дамы носили парадные платья с длинными рукавами, концы которых можно было набрасывать на голову как покрывало, а также пользоваться ими как карманами.
- 1400 *Стрельница —* башня, с которой стреляли обитатели замка.
- 1402 *Воздевши копья, стали герои у решеток. —* Копья наклоняли при штурме, а до этого дело еще не дошло.
- 1403 *...Что лучше не сумел бы, будь кесарем самим. —* Кесарь — император. Сравнение с императором (императрицей) встречается и в других литературных памятниках XIII в. Например крестьянин Гельмбрехт, герой одноименной повести, ставший рыцарем-разбойником, говорит: «Сам император будет рад, // Коль в плен его не заберу»; в другой стихотворной «Повести о Сердце», принадлежащей позднекуртуазному поэту Конраду фон Вюрцбург (1220—1287), говорится: «Явилась к ры-

царю подруга, // Прекрасней всех императриц...» (стихи 140—141). Упоминание императора служит гиперболой, основанной на традиционном представлении о величии, могуществе императорской власти, хотя Фридрих II, бывший германским императором в то время, когда завершалась «Кудруна», значительно уступил свою власть в стране имперским князьям.

1405 *И это им когда-то был твой отец убит.* — Убийство Хетеля здесь ошибочно приписывается Хартмуту, тогда как убил Хетеля Людвиг.

1409 *Однако встали кони с утоптанной земли, // И начали мечами рубиться короли.* — Бой на мечах против обыкновения ведется здесь не пешими противниками, а всадниками.

1412 *А в Хервигово войско, откуда ни возмись, // Смешав ряды, сто сотен воителей влились...* — Смысл не ясен, так как не сказано, кто были эти воители — норманны или хегелинги. Можно предположить, что Хервиг внезапно получил подкрепление.

1479 *О, дочь и внука знатных и славных королей...* — Здесь переводчик употребил старинное и официальное обращение «внука» — то же, что и «внучка» (см. также строфу 1486).

1496 *И вырублены были из стен ее засовы.* — Засовы — брусья, снаружи их можно было только вырубить (см. примеч. к строфе 646).

1535 *...Спалить дворец и замки друзьям посоветовал Вате.* — В средневековых войнах это часто делалось, чтобы лишить противника его укреплений.

1549–1550 *Датчане вопрошали: «Ну, рыцари, как повезло вам?» // «Нам счастье привалило, — ответил Ортвин им...»* — В поход по Нормандии отправились Вате и Фруте во главе тридцати тысяч бойцов. Теперь они вернулись, и вопрос задается им, а отвечает Хервиг, об участии которого в походе ничего не говорилось. Такие неувязки, когда отвечает не тот, кого спрашивают, или же отвечает, но не на вопрос, встречаются в поэме, они также классифицированы Ф. Панцером (*Panzer F. Hilde-Gudrun*).

- 1573 ...она гостей встречала... — Хильда отправляется встречать гостей сама, так как ее мужа-короля уже нет в живых (см. также строфу 1587).
- 1591 В рукописи — пустые строки. Немецкие комментаторы реконструируют недостающий текст по образцу сходного места в «Песни о Нибелунгах» (строфа 601, 1—2). Бруно Бёш (по изданию которого осуществлен русский перевод «Кудруны») считает, что уцелевший фрагмент четвертой строки не подтверждает этого решения, и поэтому в своем издании он оставляет в строфе лакуну.
- 1601 ...Казалось, был он кистью на белой стене нарисован. — Ср. со строфой 660, см. примеч. к этой строфе.
- 1612 Хотела королева, чтоб чашником он стал. // «Сударыня, охотно, — ей Фруте отвечал, — // Но мне по чину землю должны вы предоставить, // Вручив двенадцать стягов, чтоб Данией начал я править». — Чин чашника (см. примеч. к строфе 38) — королевского виночерпия, так же как столыника, соответствовал рангу министра и с ним было связано владение обширным и богатым леном. В «Кудруне» чин чашника принадлежит Хоранту. Фруте шутит, говоря, что коль скоро он должен выполнять на пиру обязанности Хоранта, то он должен также получить и его лен. Вручение знамен завершало церемонию пожалования лена. Как видно из литературных источников, вассал приносил знамя сюзерену, а тот вновь вручал ему знамя как своему леннику.
- 1616 Нет, не нашли бы лучших одежд и левантинцы... — Левантинцы — жители Леванта (итал. Левант — Восток). Это название употреблялось ранее как общее для стран восточного побережья Средиземного моря, Ближнего Востока. Из стран арабского Востока вывозилось много редкостных товаров — от оливкового масла, сушеных фруктов, лимонов и пряностей до парфюмерии, ювелирных изделий, богато украшенного вооружения, ламп, иголок и платья (см. также примеч. к строфе 301).

- 1630 Две знатные подруги с Кудруной пребывали... — Ортруна и Хильдебурга.
- 1656 ...С трудом внушили Вате, чтоб он не начал боя... — Поскольку нет видимой причины для боевых действий, то объяснить это можно только воинственным характером Вате.
- 1664 Отец его был черен, а мать была светла, // По-христиански белым и сына родила. — Выше о Зигфриде говорилось обратное: «...лицом и телом был черен рыцарь юный» (см. строфу 583).
- 1686 Следил как стольник Фруте... — Фруте здесь назван стольником (kammerherr), что противоречит тексту строфы 1612, где он назван чашником (schenke).
- 1702 Подругам, не носившим повязки головной... — т. е. незамужним. Как это видно на знаменитых женских статуях Наумбургского собора, частью головного убора замужней женщины была повязка (gebende), словно бинтом охватывающая лоб и щеки.

ЭТО КНИГА О КУДРУНЕ

(перевод Р. В. Френкель)

I	авентюра	5
II	авентюра. Как Хаген был унесен грифом	16
III	авентюра. Как Хаген явился на корабль	23
IV	авентюра. Как Хагена приняли отец и мать	29
V	авентюра. Как Вате ездил в Ирландию	38
VI	авентюра. Как сладко пел Хорант	66
VII	авентюра. Как девы осматривали корабль и были увезены	77
VIII	авентюра. Как Хаген поехал за своей дочерью	85
IX	авентюра. Как Вате, Морунг и Хорант поехали домой	97
X	авентюра. Как Хартмут сватался к Кудруне	101
XI	авентюра. Как Хервиг и Хартмут ездили к хегелингам ради Кудруны	107
XII	авентюра. Как Хервиг пошел походом на Хетеля и ему отдали Кудруну	109
XIII	авентюра	115
XIV	авентюра. Как Хетель послал гонцов из страны Хервига	125
XV	авентюра. Как Хартмут силой захватил Кудруну	130

XVI	авентюра. Как Хильда послала гонцов к Хетелю и Хервигу	139
XVII	авептюра. Как Хетель пришел за своей дочерью на Вюльпензаид	145
XVIII	авентюра. Как Людвиг убил Хетеля и ночью уехал оттуда	151
XIX	авентюра. Как хегелинги вернулись в свою страну	157
XX	авентюра. Как Хартмут вернулся домой, в свое королевство	163
XXI	авентюра. Как Кудруна должна была стирать	178
XXII	авентюра. Как Хильда отправила войско за дочерью	183
XXIII	авентюра. Как они пришли на стоянку и отправились в Нормандию	195
XXIV	авентюра. Как Кудруна получила весть об их прибытии	199
XXV	авентюра. Как Ортвин и Хервиг прибыли туда	207
XXVI	авентюра. Как Хервиг и Ортвин вернулись к войску	228
XXVII	авентюра. Как Хартмут называл Людвигу княжеские стяги	233
XXVIII	авентюра. Как Хервиг убил Людвига	246
XXIX	авептюра. Как Хартмут был взят в плен	254
XXX	авентюра. Как они отправили к Хильде послов	266
XXXI	авентюра. Как в стране у Хильды четыре короля праздновали коронацию	283
XXXII	авентюра. Как все остальные отправились домой	288

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Р. В. Френкель.</i> Эпическая поэма «Кудруна», ее истоки и место в средневековой немецкой литературе	
I. Проблема датирования «Кудруны»	292
II. Историческая действительность	296
III. Мир рыцарского романа и повести	301
IV. Немецкий героический эпос. Искусство шпильманов	307
V. Судьба рукописи «Кудруны». Издания и исследования	310
VI. Композиция «Кудруны»	318
VII. Истоки сюжета	322
VIII. Истоки сюжета — история Кудруны	334
IX. Последнее воплощение «Кудруны»	342
X. Проблема перевода	364
Примечания (составитель <i>Р. В. Френкель</i>)	369

КУДРУНА

Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Литературные памятники»

Редактор
Д. П. Лбова

Оформление
титульных элементов
художника

В. Г. Виноградова

Художественный редактор
Т. П. Поленова

Технический редактор
Р. М. Денисова

Корректор
О. В. Лаврова

ИБ № 25101

Сдано в набор 15.04.83

Подписано к печати 19.09.83

Формат 70×90¹/₃₂

Бумага для глубокой печати

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 14,2. Уч.-изд. л. 17,0.

Усл. кр.-отт. 15,7.

Тираж 100 000 экз. 2-ой завод (45001—100 000),

Тип. зак. 590. Цена 2 р. 30 к.

Издательство «Наука»

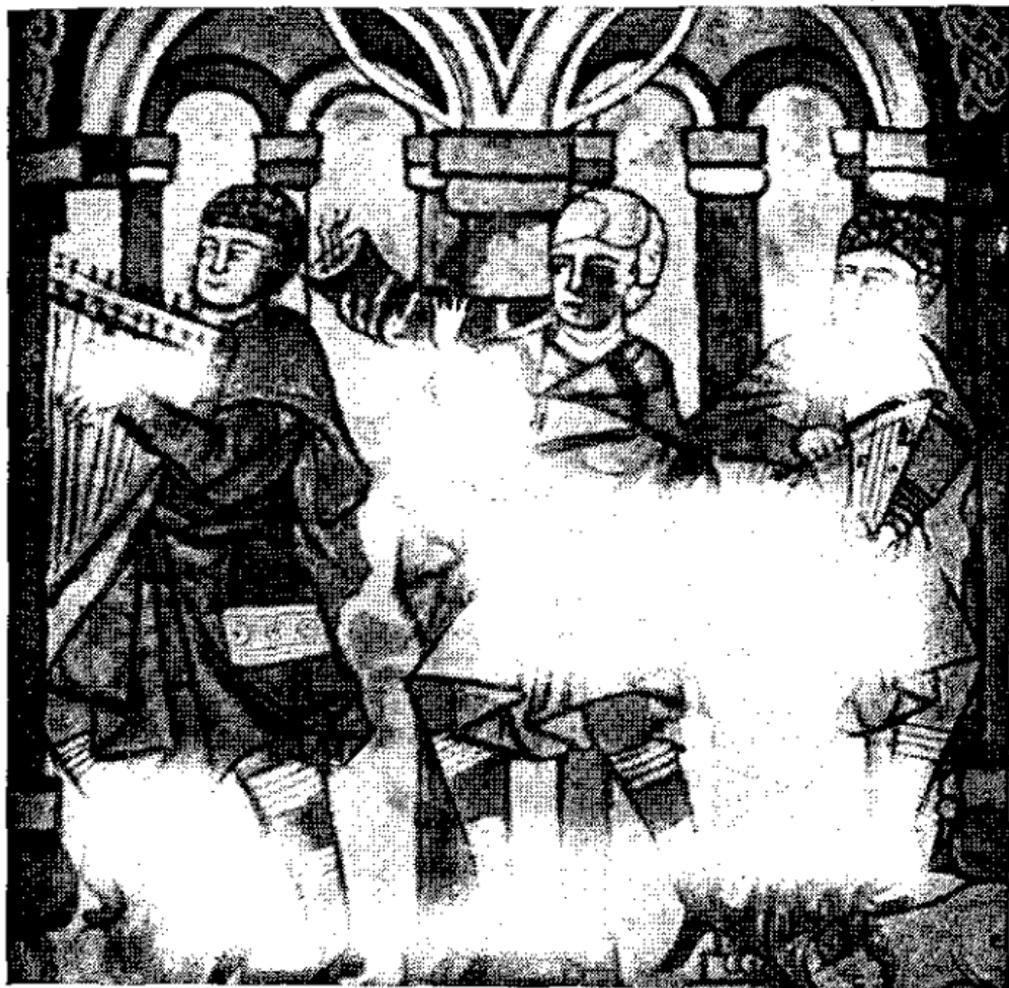
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90.

4-я типография издательства «Наука»

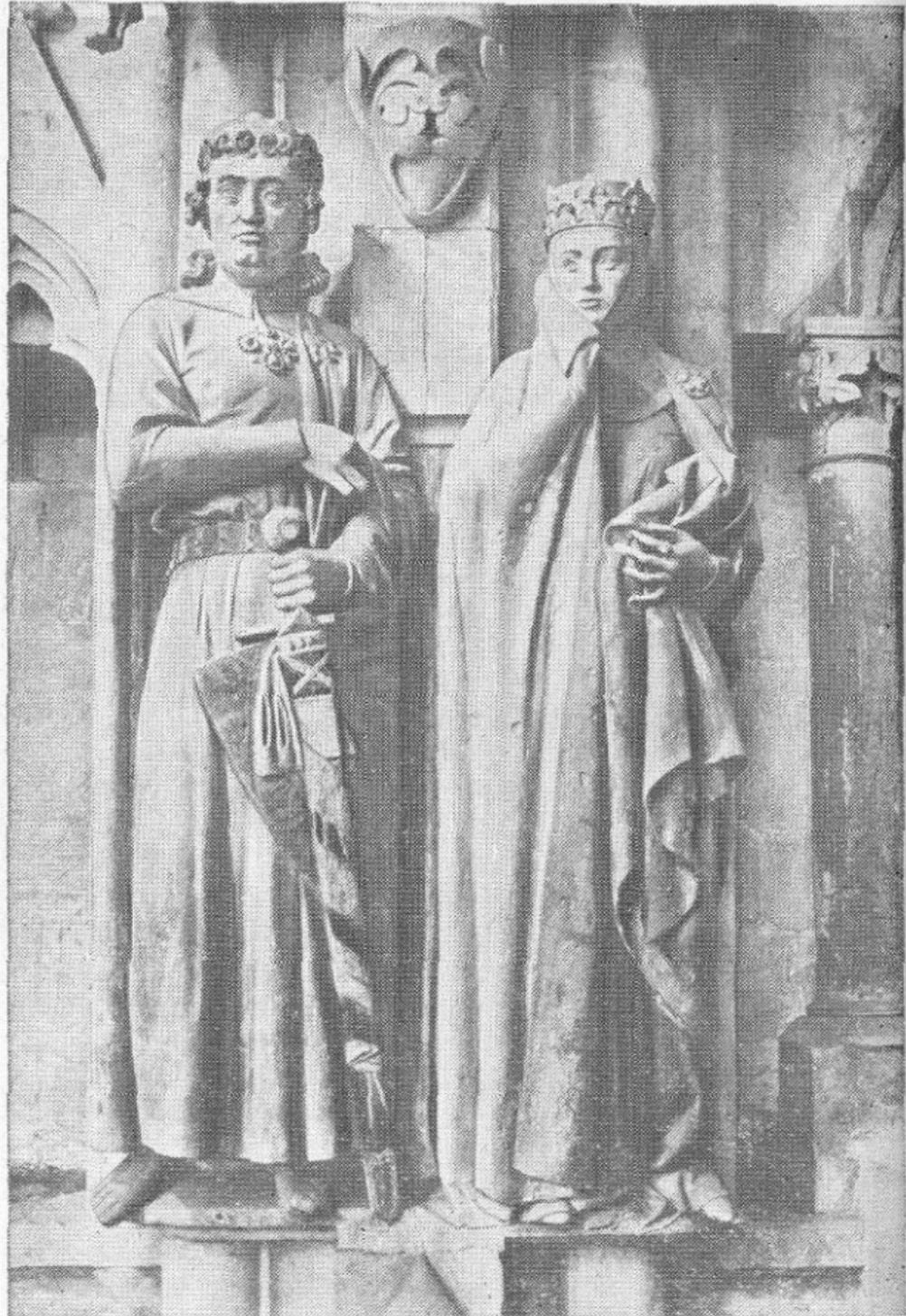
630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.

Титульный лист рукописи «Амбразская книга героев». XVI в. Вена, Австрийская национальная библиотека

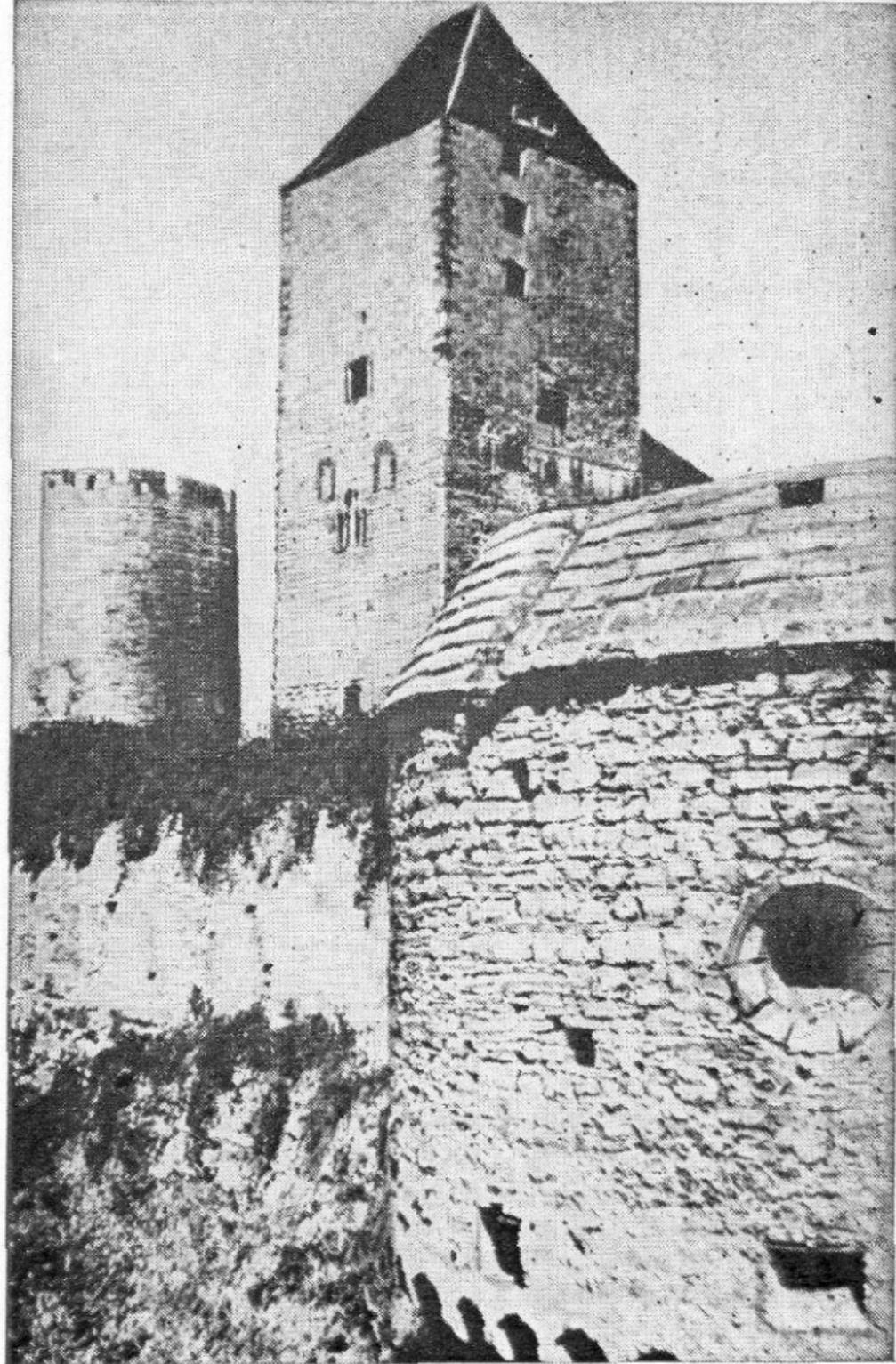
*Музыканты, играющие на арфе, валторне и ребеке.
Миниатюра из Псалтыри XI в.*

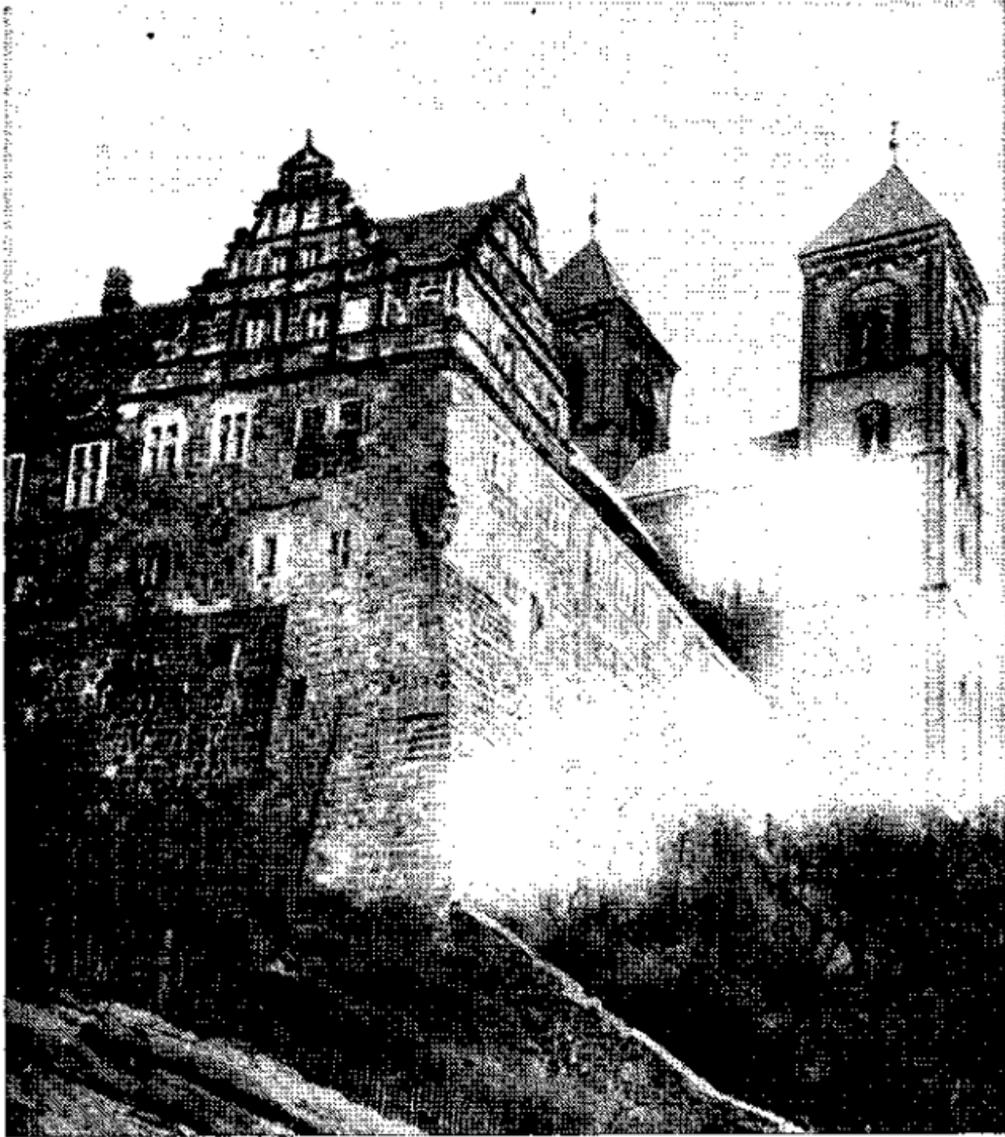
*Ута и Эккенхард. Скульптура Наунбургского собора.
XIII в.*

Уга

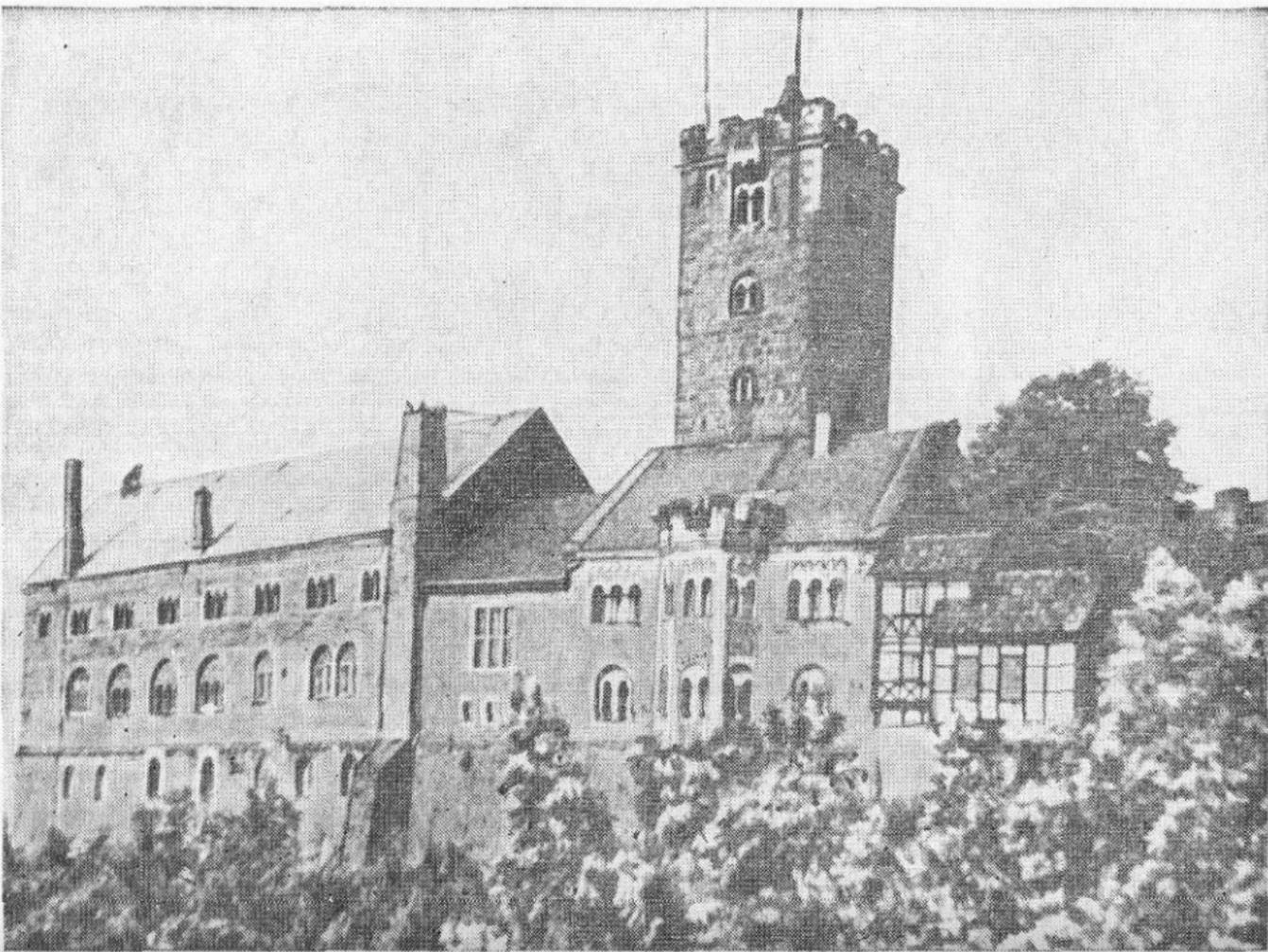
Замок Керфурт. IX—XIII вв.

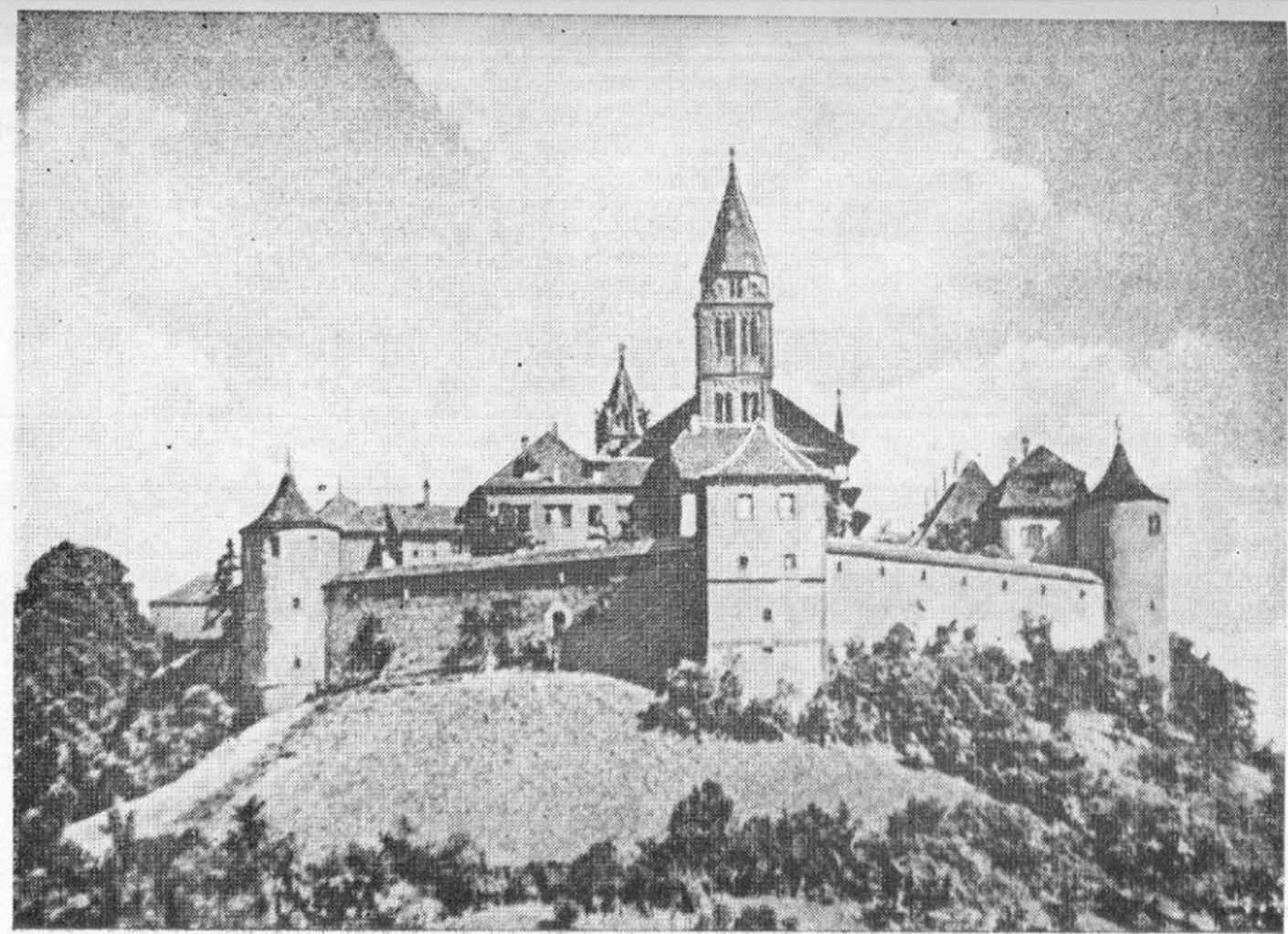

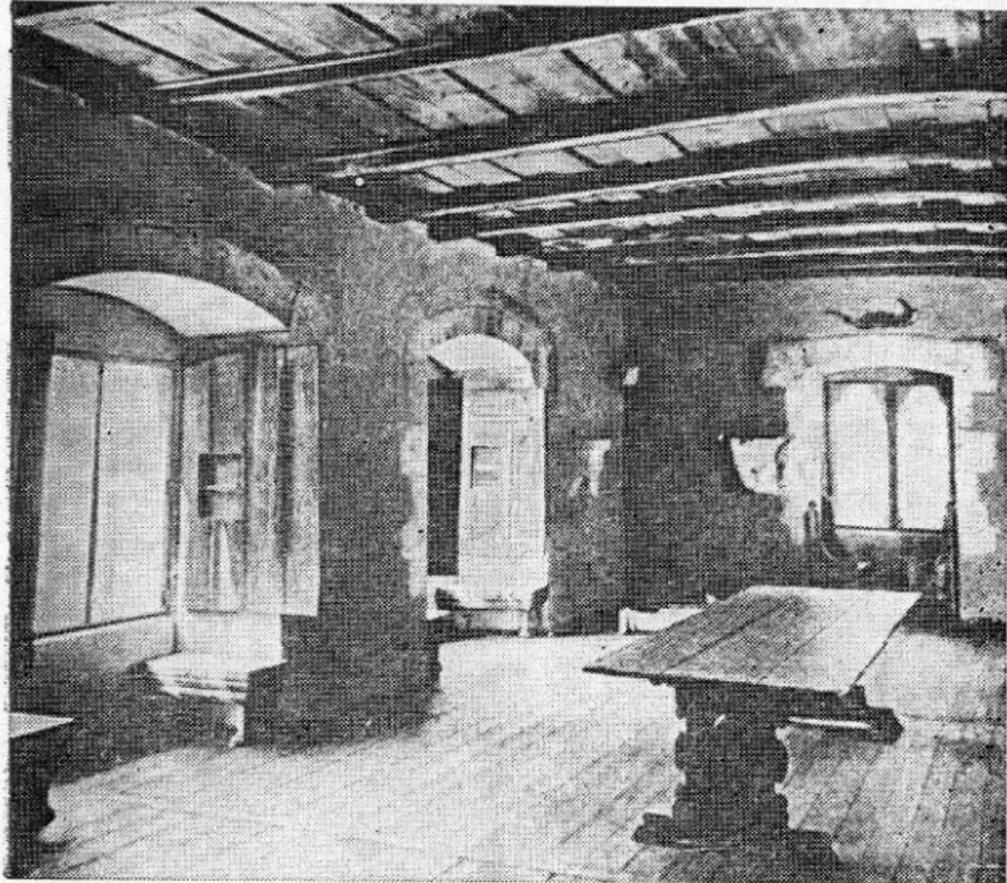
Замок Кведлинбург. XII в.

Замок Вартбург. XI—XIII вв. →

*Гроскомбург.
Бенедиктинский монастырь.
Передан в конце IX в.
из древнего
графского замка*

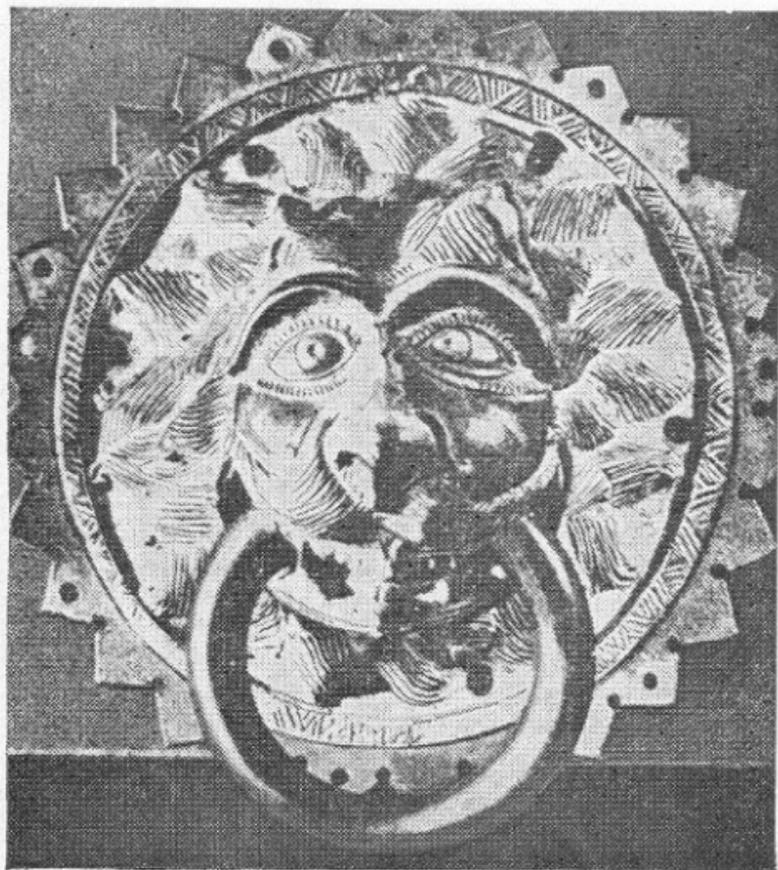

Рыцарский зал в замке Гнаденштейн. XII в.

→
*Дверное кольцо-молоток. Ок. 1140 г.
Галле, Замок Морицбург, Гос. галерея*

*Печать торгового города Штральзунда
с изображением барки.*

Штральзунд, Исторический архив.

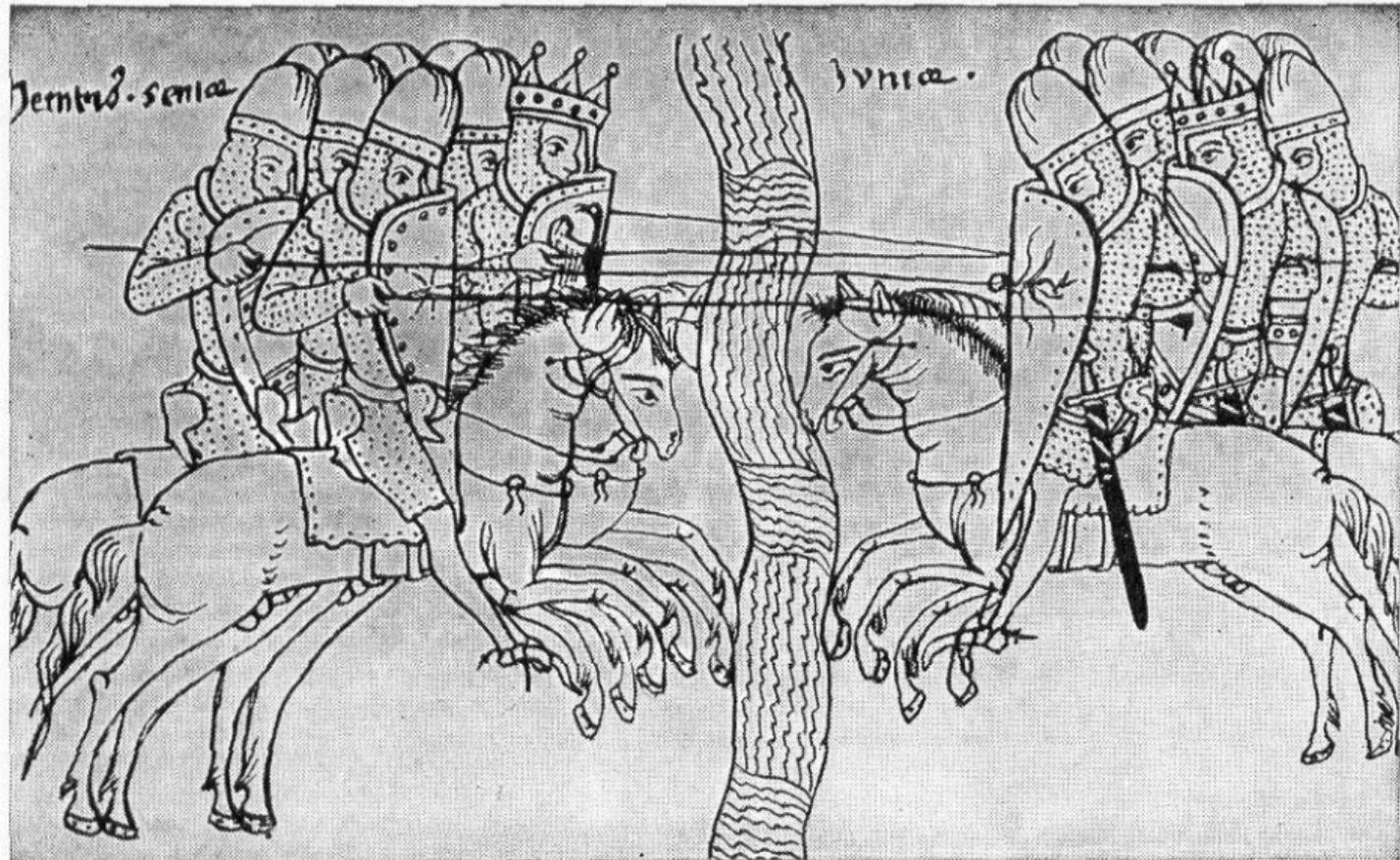

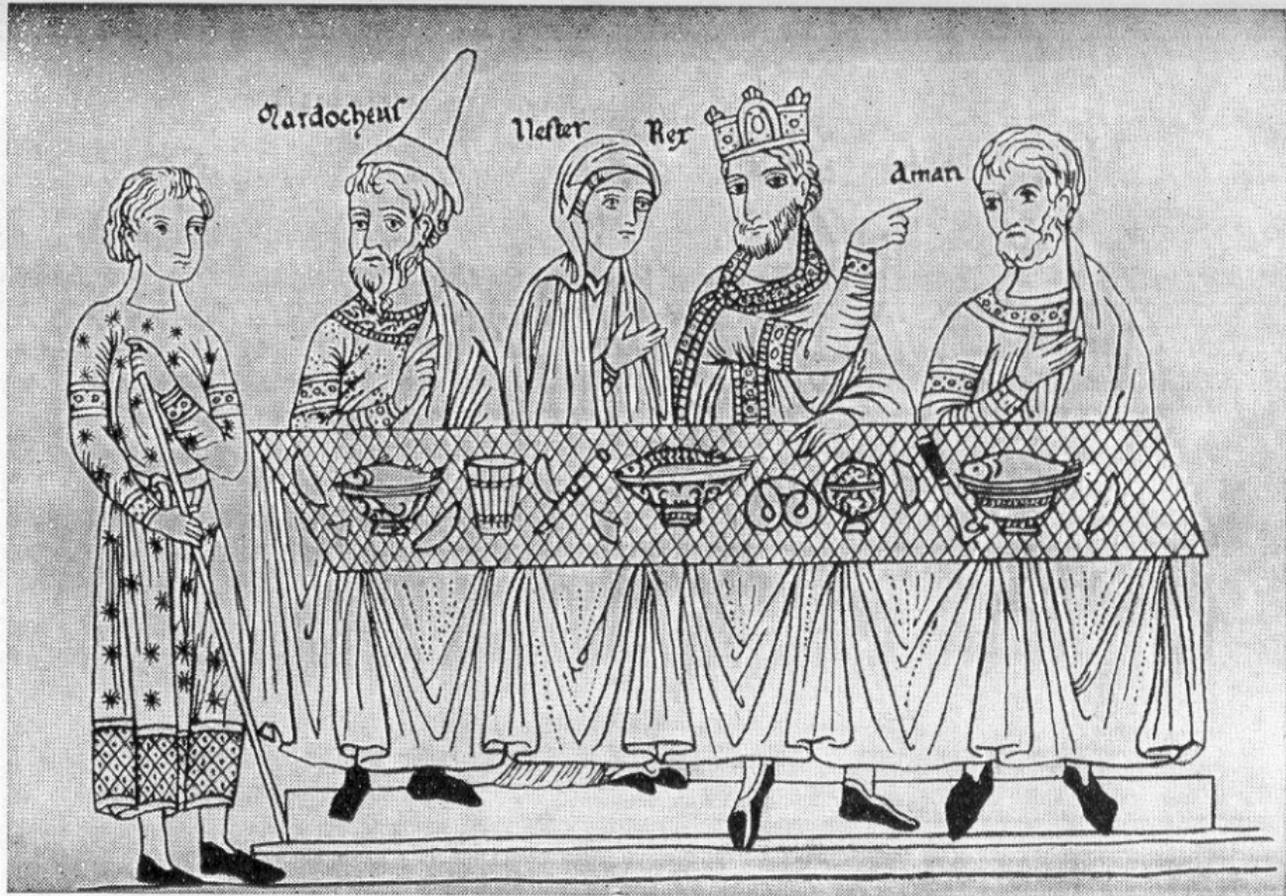
Два
знаменосца
со щитами.
Книжная
миниатюра
XIII в.
Берлин,
Немецкая
академия
художеств

Рыцарь-
крестоносец.
Книжная
миниатюра
XIII в.
Берлин,
Немецкая
академия
художеств

Войска двух королей — Генриха IV и Генриха V ведут бой. Книжная миниатюра XIII в. Берлин, Немецкая академия художеств

Королевская свадьба. Рисунок пером в латинской рукописи XIII в. Берлин, Немецкая академия художеств

Рыцари на корабле. Миниатюра из средневековой рукописи. XIII в.